

**Л.А. Никитина**

**Я учусь  
быть мамой**

*Борису Павловичу  
Никитину,  
без которого моя  
материнская судьба просто  
не состоялась бы...*

(Аннотация)

Семья Никитиных за четверть века обросла легендами, а теперь еще и ярлыками: «педагоги-новаторы», «авторы системы нетрадиционного воспитания», «родители-профессионалы» и т.д. Книга Л.А.Никитиной разрушает этот стереотип. Она – словно отчаянная попытка прорваться к живым людям и показать, что все мы – и «знаменитые», и «простые» – равны и интересны друг другу только «выделыванием себя в человека» (Достоевский). Именно этим, по мнению автора, мы и можем быть близки и нужны нашим детям.

Книга включает в себя две изданные ранее книги:

«Отчий дом» (1982),

«Я учусь быть мамой» (1983).

## Оглавление

ЧТО МОЖЕТ СЕМЬЯ? (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ) .....	5
I. ОТЧИЙ ДОМ (1982 г.).....	11
СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ, ОТ ЧЕГО ОНО ЗАВИСИТ?.....	12
ПОСЛУШАЕМ СЧАСТЛИВЫХ .....	17
ГЛАВА СЕМЬИ.....	22
МУЖ И ЖЕНА.....	25
ОТЕЦ И МАТЬ.....	29
ДЕТИ.....	33
БАБУШКИ, ДЕДУШКИ.....	36
ЧУЖАЯ РОДНЯ .....	41
ДЕНЬГИ В СЕМЬЕ.....	44
ТРУДНЫЙ ВОЗРАСТ .....	48
ОБЩИМИ УСИЛИЯМИ.....	52
ВРЕМЯ НА ВОСПИТАНИЕ .....	54
ИГРА – НЕОБХОДИМОСТЬ .....	57
ТРУД – УДОВОЛЬСТВИЕ? .....	59
ЛЕНЬ-МАТУШКА .....	61
А КОНТРОЛЬ НУЖЕН? .....	64
НАКАЗАНИЕ.....	67
ЗАБОТА .....	70
ПИШИТЕ ПИСЬМА! .....	73
ПРАЗДНИК В ДОМЕ.....	75
НИЗКО КЛАНЯЮСЬ ВАМ.....	77
II. Я УЧУСЬ БЫТЬ МАМОЙ.....	81
КАКАЯ МАМА НУЖНА! .....	81
«ЗАЧЕМ ДЕТЯМ НУЖНА МАМА!».....	81
РАЗГОВОР О СОВЕСТИ .....	85
С ЧЕГО Я НАЧИНАЛА .....	87
ДЕВОЧКИ ПРЕДВОЕННОЙ ПОРЫ .....	88
НЕСКОЛЬКО СТРАНИЧЕК ПРО ЛЮБОВЬ .....	90
ЭКЗАМЕНЫ ПРИНИМАЕТ ЖИЗНЬ .....	95
СНАЧАЛА БЫЛ ЭКЗАМЕН «НА ЖЕНУ» И «НА МУЖА» .....	97
КОНФЛИКТ ИЗ-ЗА... РАСКЛАДУШКИ .....	103
КОГДА ВО МНЕ РОДИЛАСЬ МАТЬ .....	109
ЧТО ГЛАВНОЕ В САМОМ НАЧАЛЕ .....	112
НАДО ЛИ БЫТЬ ХОРОШЕЙ ХОЗЯЙКОЙ! .....	115
БЕЗ ДЕТЕЙ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, НАМ НЕЛЬЗЯ.....	121
КАК БЫТЬ С РАБОТОЙ .....	123
БУНТ ПРОТИВ ЭМАНСИПАЦИИ .....	123
ЧЕТЫРЕ НАШИ «ИПОСТАСИ» .....	126
МОЯ «СХЕМА ПРЕДПОЧТЕНИЙ».....	128
ОДНО ДРУГОМУ ДОЛЖНО ПОМОГАТЬ!.....	132
Я УЧУСЬ БЫТЬ МАМОЙ .....	138
Я СОГЛАСНА С КОРЧАКОМ.....	138
ЭТО ВЕЛИКОЕ «Я САМ!» .....	139
КАК ДЕТИ УЧАТ .....	143
С ИГРОЙ И БЕЗ НЕЕ.....	146
СКАЗКА – ЛОЖЬ! .....	150
ОХ УЖ ЭТО НАКАЗАНИЕ! .....	155
КТО ПОМОЖЕТ МАТЕРИ? .....	163

<i>ИЗ ДНЕВНИКА НАЧИНАЮЩЕЙ МАМЫ.....</i>	<i>163</i>
<i>КТО ПОМОЖЕТ МАМЕ? .....</i>	<i>170</i>
<i>НАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ РАБОТНИКАМ ДЕТСКОГО САДА .....</i>	<i>172</i>
<i>МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ .....</i>	<i>174</i>
<i>ГРУСТНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ С ОПТИМИСТИЧЕСКИМ КОНЦОМ .....</i>	<i>179</i>

## ЧТО МОЖЕТ СЕМЬЯ? (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Вспомнились мне слова Твардовского – они часто мне вспоминаются и могли быть эпиграфом к жизни семьи вообще:

Неизменно ты со мной –  
Боль моя, моя отрада,  
Отдых мой и подвиг мой.

Поначалу хотелось пропеть гимн Семье, которая представляется мне действительно опорой жизни, без нее не расстаться с чувством одиночества, никому ненужности. Вот говорят: «Чужих детей не бывает», – красиво, а неправда: бывают! С тех пор, как стала распадаться семья, таких – НИЧЬИХ! – детей становится катастрофически больше во всем мире. Да и взрослых тоже.

Мудрец Сент-Экзюпери сказал, что каждому надо кого-то «приручить», то есть сделать своим. Если ты чей-то – тот самый, без которого жизнь не мила, – тогда ты держишься в жизни уверенно, ты знаешь, что ты кому-то – пусть единственному человеку! – дорог. И это тебя спасет от многих бед и заблуждений, может быть, даже от смерти. Сент-Экзюпери вспоминал, как они с товарищем ползли по пустыне и по горам, добираясь после катастрофы к людям. Они изнемогали совсем, легче было умереть, нежели дойти. И спасло их одно, единственное чувство: они знали, что их ЖДУТ и будет очень-очень плохо людям, которые их ждут. И это дало им силы выстоять.

Откуда же берется это чувство незаменимости и драгоценности твоей жизни?  
А вот откуда:

Любили тебя без особых причин.  
За то, что ты внук и за то, что ты сын,  
За то, что малыш и за то, что растешь,  
За то, что на маму и папу похож...  
И эта любовь до конца твоих дней  
Останется тайной опорой твоей.  
(В. Берестов)

Об этом же пишет и А. Твардовский:  
Он у каждого из нас  
Самый сокровенный  
И бесценный наш запас  
Неприкосновенный.  
Он про всякий час, друзья,

Бережно хранится  
И с товарищем нельзя  
Этим поделиться,  
Потому – он мой, он весь –  
Мой святой и скромный  
У тебя он тоже есть –  
Ты подумай, вспомни...

Хорошо, если есть что вспомнить. А если нет? Если не было этого запаса любви в семье родителей? Что тогда? Ведь всякое переживает любая семья: не одними розами усыпан ее путь... Когда я встретила в дневниках Л. Н. Толстого размышления о счастье и несчастье семейном, поневоле сделалось не по себе. Толстой, как всегда, беспощаден в поисках правды:

«Главная причина семейных несчастий та, что люди воспитаны в мысли, что брак дает счастье. К браку приманивает половое влечение, принимающее вид обещания, надежды на счастье, которое поддерживает общественное мнение и литература, но брак есть не только не счастье, но всегда страдание, которым человек платится за удовлетворение полового желания, страдание в виде неволи, рабства, пресыщения, отвращения, всякого рода духовных и физических пороков супруга, которые надо нести...»

Толстой перечисляет все эти пороки. Я их не буду здесь приводить. А дальше:

«Всё это, или хоть что-нибудь из этого всегда будет, и нести приходится всякому тяжелое... забота, удовлетворение, помощь – все это принимается как должное; все же недостатки, как не должное, и от них страдают тем больше, чем больше ожидалось счастья от брака.

Главная причина этих страданий та, что ожидается то, чего не бывает, а не ожидается того, что всегда бывает... люди вообразят себе, что их ждут всякого рода наслаждения и что все их дело в том, чтобы пользоваться ими. Как же при этом не быть несчастным? Всё тогда: и труд, и препятствия, и болезни (необходимые условия жизни!), – представляются неожиданными страшными бедствиями».

Боюсь, что после этих слов захочется ли жениться и выходить замуж? А ведь Толстой написал правду. И в то же время он, по-моему, искажил эту правду, сделал ее односторонней и не сказал главного: все препятствия, все сложности, которые испытывает семья, преодолеваются, если люди соединены не только этим самым половым вожделением, а чувством, которое на русском языке называется Любовью. Глубина этого понятия бесконечна, недаром говорится: «Бог есть любовь». И это чувство вырастается всей семьей. Именно оно и становится опорой для человека.

КАК это происходит – вот вопрос, на который мне и моим читателям предстоит искать ответ, чтобы помочь друг другу. Для начала я выскажу мысль, может быть, для кого-то крамольную: семья МОЖЕТ и унижить, и возвысить; дать крылья для полета в трудной жизни и затянуть в такую помойку, из которой, кажется, и не выбраться; вытащить из болота и утопить... А самое главное, что все это может сделать одна и та же семья!

Любая семья проходит через взлеты и падения... Но спасается она только тогда, когда в ней понимают друг друга, когда горе и радость каждого переживаются близкими сильнее, чем им самим. Как это бывает? А вот, например, как было недавно со мной.

Пошла такая полоса в жизни, когда все валится из рук и кажется, что я вообще ни на что не годна, взялась не за свое дело, и сил нет, чтобы это изменить... Тяжелое ощущение. К тому же знаю, что своим хмурым видом, печалью, унынием я действую на всех остальных. И осознание этого еще больше унижает, еще больше обессиливает... В такие минуты, накапливая подобные ощущения, люди, наверное, и приходят к мысли, что вообще жить не стоит... И вот я сижу одна, в темной комнате, и появляется, тихонько открыв дверь... не ангел-хранитель, нет, – человек... И начинает меня... спасать. Как умеет. Надо признаться, мы не очень умеем догадываться, что может помочь человеку в трудную минуту, и поначалу присутствие дочери и ее слова чем-то раздражают... Спасает меня после долгого сумбурного разговора не сам разговор и не все старания дочки отвлечь, развлечь, усюветить меня – нет, не это! А что? То, что за всем этим стоит. Не умом, а всем существом своим я наконец понимаю, что она не о себе думает, а обо мне, потому что она меня... любит. Любит! Именно это и толкает людей на старание понять, простить, предостеречь, иногда воевать и скандалить. И все это во благо, если забота не о себе, а о другом, пусть неумелая, иногда грубая, но сердце-то должно почувствовать, что человек страдает ради тебя! И уже одно это как свет в окошке. Вот – любовь! Не отринь ее, отзовись – так и вырастается это чувство в семье. Или губится, не находя понимания и сочувствия.

Вы давно перечитывали повесть А. Грина «Алые паруса»? Скептики говорят о ней: «сказка»... Но она тем и хороша, что может стать былью реальной жизни. Вспомните, как Грэй говорит своему помощнику о предстоящей женитьбе: «Когда для человека главное – получать дражайший пятак, легко дать этот пятак, но, когда душа таит зерно пламенного растения – чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у него и новая у тебя... есть не меньшие чудеса: улыбка, веселье, прощение, и – вовремя сказанное, нужное слово. Владеть этим – значит владеть всем». Каково?

Казалось бы, с этого и начинают. Есть один смешной мультик (и грустный одновременно). Во все времена кавалеры обещают райские кущи своим возлюбленным. Феерией начинается семейная жизнь, а продолжается и в каменном веке, и в современном одинаково: жена отдраивает, отмывает кастрюлю с остервенением и со скорбным выражением лица. Это правда: так любовная лодка разбивается о быт, поглощающий своей рутинной все возвышенные намерения и чувства. «...Люди обедают, только обедают, а в это время слагаются их судьбы и разбивается их жизнь», – так пишет А. Чехов. Как ему не поверить? Ведь именно об этом говорит и Толстой. Может быть, и Грэй когда-нибудь тоже после многих лет супружеской жизни, начавшейся так волшебным, забудет это начало и забудет, какой Ассоль была прежде... А она, при этих кастрюлях, при этом самом быте, превратится... В кого превращаются наши жены и матери? Даже пословица есть: «Все девушки хороши, откуда берутся злые жены?» И в самом деле – откуда?

Есть в моей любимой книге о Ходже Насреддине (Л. В. Соловьев. «Очарованный принц») удивительные строчки. Когда я читаю их вслух, не могу справиться с комом в горле. Гюльджан, которая когда-то покорила Ходжу Насреддина своей красотой и неприступностью, стала его женой и поделила с ним все тяготы его беспокойной жизни. Да еще и семерых сыновей подарила ему и себе на радость. И «Ходжа Насреддин смотрел на неё с грустной и доброй усмешкой. Кто мог бы узнать в этой толстой крикливой женщине с красным лицом прежнюю Гюльджан? Но у Ходжи Насреддина было двойное зрение, и он, когда хотел, мог смотреть на свою любимую жену глазами сердца и видеть ее прежней». Вот если бы нам – всем мужьям и всем женам – иметь такое двойное зрение, которое мы теряем с годами! А его можно сохранить! Можно, если помнить, что с тобой рядом человек, который поделил с тобою труд жизни и помогал тебе, и лечил тебя, и заботился о тебе, и провожал, и встречал тебя, и... в последний путь проводит, и останется, чтобы продолжить твоё дело, а рядом будут расти дети, и жизнь твоя продолжится в делах, в памяти живых, оставленных тобою, людей.

Если дети живут в такой семье, они напитаются любовью, напитаются своим чувством достоинства и незаменимости и будут жить, сберегая это ощущение, действительно опору жизни.

Мне захотелось припомнить: а как собственно жили до встречи Артур Грэй и Ассоль? Помнится, как они встретились, соединились, вся романтика их любви, а с чего начиналась их жизнь? Я спрашивала тех, кто читал книгу, – не вспомнили. Я и сама не помнила начала этих двух людей. А в чем оно заключалось? Почему они выросли умеющими любить? И я заглянула в книгу.

Совсем маленькой Ассоль осталась без матери, погибшей от нужды. Ее отец, простой, необразованный и не просвещенный никакими книгами матрос, растил девочку один. Она спрашивала у него: «Папа, почему не любят нас люди?» Вы помните, что ответил он? «Э, Ассоль, – говорил Лонгрэн, – разве они умеют любить? Надо уметь любить, а этого-то они не могут». – «Как это – уметь?» – «А вот так!» Он брал девочку на руки и крепко целовал грустные глаза, жмурившиеся от нежного удовольствия...

Любимым развлечением Ассоль было... забраться к нему на колени и, вертясь в бережном кольце отцовской руки, трогать различные части игрушек, расспрашивая об их назначении...»

Когда Ассоль рассказала отцу о предсказании волшебника, об Алых парусах, он ведь не усмехнулся, этот старый матрос, не посмеялся над девочкой, не разуверял ее, что это сказка, вранье, выдумки... «Лонгрэн вспомнил, что в великих случаях детской жизни подобает быть человеку серьезным и удивленным...» А вот он оставляет уже взрослую Ассоль и уезжает на заработки. Озабоченный этими сборами и будущим отъездом, он все же замечает что-то необычное в лице дочери:

«– Ассоль, – сказал Лонгрэн, беря ладонями ее лицо и поворачивая к себе, – выкладывай, что случилось». Вот ведь! Человек погружен в свои заботы и тем не менее он постоянно чувствует свою дочку! Многие ли из нас на это способны?

Богатейшая семья Артура Грэй. Жизнь, ни в чем не похожая на жизнь Ассоль в рыбацьем поселке. Но мать Артура – «знатная дама, чье лицо и фигура, казалось, могли отвечать лишь ледяным молчанием огненным голосам жизни... эта Лириан Грэй, оставаясь наедине с мальчиком, делалась простой мамой, говорящей любящим кротким тоном те самые сердечные пустяки, какие не передать на бумаге – их сила в чувстве, не в самих них». Может быть, это и есть обучение Любви, той самой Любви, которая потом помогает людям понять друг друга? А ведь именно этому учат дети, если их любишь. Так они и сами учатся святой науке слышать друг друга. Тогда будешь их чувствовать, будешь их слышать, а через них научишься слышать и понимать других людей. И никакой учебник, никакие консультации этому не научат, этому может научить только любящий человек. И Любовь к нему, которая и состоит-то в понимании друг друга, которое не дается просто-запросто, не сваливается ниоткуда. Каждый из нас, напитавшись этим чувством в детстве, несет его близким людям, учится отдавать и с благодарностью принимать его, испытывая непреодолимую потребность во взаимопонимании и Любви. Вот для чего нужна семья, в которой и совершается Труд Любви. И то, что будет создано в ней, – это самое драгоценное, что может человеку подарить жизнь. Тогда он многое способен совершить на пути от ЗВЕРОчеловека к БОГОчеловеку.

Путь духовного совершенствования – вот он-то и есть путь Человека. Его невозможно пройти с помощью технологий, тренингов, книг. Это делает сама жизнь с теми людьми, за которых ты отвечаешь и душой, и телом. А это и есть семья. Вот как об этом коротко и очень емко, мудро сказал Пушкин. Снова и снова я возвращаюсь к его мысли, она мне как путеводитель в жизни:

«Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас». Вот чего недоговорил в своем рассуждении о семье Л. Н. Толстой.

Да, семья делает человека несвободным, обременяя его, но именно она делает человека более нравственным, то есть более Человеком. А то, что сейчас, в наше рыночное время, расцвели честолюбие и нужда – камнем тянет нас вниз, делает нас НЕчеловеками. Давайте думать об этом, давайте сопротивляться тем узам, которые действительно делают человека не просто несвободным, а низводят его до животного состояния. Много таких соблазнов в жизни человека. Но когда вместе с нами живут дети (как писал А.Платонов), «их слабенькие, маленькие ручки заставляют нас не только пахать, заниматься домоводством, но и всячески заботиться», это и толкает нашу огромную жизнь к лучшему. Значит, стоит вынести в семье все тяготы и трудности, потрудиться ради детей, ради близких и, в конце концов, ради себя самого. И надо знать, когда соединяешь свою судьбу с судьбой близкого человека, что тебе предстоит большой Труд жизни, который даст тебе то, что заслужишь: либо РАЙ бескорыстной любви, либо – АД заброшенности и одиночества.

Все мы накапливаем в этом Труде свой опыт. Давайте поделимся им друг с другом. Мы, Никитины, на это когда-то отважились и, как люди говорят, не зря – пригодился наш опыт другим.

Лет 20 тому назад я обратилась с такой просьбой к читателям «Комсомольской правды». В рубрику «Домашний педсовет» пришло очень много интереснейших писем. Их обзор, а вернее беседа с их авторами, и послужила основой книги «Отчий дом».

Жду и ваших писем, уважаемые друзья-родители: дружно не грузно, а врозь – хоть брось.

## **I. ОТЧИЙ ДОМ (1982 г.)**

Отчий дом. Из него мы уходим в жизнь и сюда возвращаемся – хотя бы памятью, – когда жизнь своими подъемами, ухабами и крутыми поворотами испытывает нас на прочность. И счастлив тот, кто может поклониться родным стенам с благодарностью и любовью. И горька судьба тех, кому это возвращение к истокам жизни несет лишь разочарование и обиду.

За что благодарны мы своим родителям, справедливы ли наши обиды и что такое родительский дом в жизни каждого человека – об этом многочисленные письма в редакцию. В них факты и эмоции, наблюдения и размышления – крупницы того современного личного опыта, который может стать драгоценным достоянием всех, даже если просто изложить его в определенной последовательности без каких-либо комментариев. Сначала именно это и было моей задачей. Но вскоре я убедилась, что почти каждое письмо будоражит меня и вызывает на ответную откровенность, размышление, спор. И я не могла от них удержаться,

К тому же, отбирая, анализируя и систематизируя чужие и свои наблюдения и переживания, я довольно быстро обнаружила, что всякий опыт имеет две стороны: индивидуальную – свойственную лишь данному человеку, именно этой семье и больше никакой; и общую – выявляющую какие-то закономерности, обязательные для нормальной жизни каждого человека, каждой семьи.

Обычно, советуя что-нибудь друг другу, мы опираемся на свой опыт, но как часто при этом забываем, что не все может быть применимо всеми, и навязываем другому то, что годится только для самого советчика. В таком случае мне вспоминается одна притча.

Однажды воробей пожаловался медведю: «Звери меня гонят, птицы обижают – житья нет! Что делать?» «Чудак! Да ты на них р-р-рявкни!»

Работая над письмами, я попыталась не просто рассказать о разном личном опыте, но и «вынести за скобки» нечто важное и нужное для всех и очень старалась избежать «медвежьих советов». Это вряд ли удалось мне вполне – ведь я тоже исходила из собственного опыта, опыта моего отчего дома. Но у вас, мой читатель, есть тот же критерий и то же право воспользоваться им для оценки моего труда и продолжения начатого разговора.

## **СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ, ОТ ЧЕГО ОНО ЗАВИСИТ?**

Для нормального – счастливого! – детства как минимум нужна счастливая семья, которую заменить ничем нельзя. Для меня это аксиома. Другие считают, что специалисты в общественных воспитательных учреждениях дадут детям куда больше, чем любые матери. Спорить не буду, но приведу в доказательство своей правоты такое вот наблюдение. У истоков каждой незаурядной жизни стоит семья и, как правило, мать. По крайней мере мне не удалось обнаружить ни одного противоположного факта. Напротив, я не знаю ни одного выдающегося, известного миру человека, который бы с младенчества был воспитан пусть даже самым выдающимся педагогом, но вне семьи. Не странно ли; обыкновенные матери могут больше дать своему ребенку, чем знаменитые педагоги!

А странного тут ничего нет: это чудо рождается любовью тех, кто рядом с малышом с первого дня его жизни, рождается счастьем всей семьи.

От чего же зависит само семейное счастье? От любви родителей? Совместимости их характеров? Материальных условий? Уровня образования? От внешних обстоятельств? От мужчины? От женщины? От удачливых детей? От помощи и невмешательства родни? От распределения домашних забот? От чувства юмора? От умелых рук? От доброго сердца? А может быть, надо и то, и то, и то, и еще многое другое?

Классическая фраза Л. Н. Толстого «Все счастливые семьи похожи друг на друга» как раз и подразумевает, по-моему, что в основе счастья любой семьи лежит совокупность каких-то обязательных условий, от которых зависит любовь. Их, этих условий, действительно, немало, и обиднее всего, что нарушение любого из них влечет за собой болезнь семьи, ее несчастье. Недаром... «каждая несчастная семья несчастлива по-своему». Недаром построить семью так сложно – сколько всего надо для этого! А развалить ее так легко, тут достаточно бывает и пустяков.

Вот типичная история.

«...Мы думали, что уж у нас-то все будет по-другому, чем в иных семьях. Мы любим друг друга, и разве мелочи быта смогут что-либо изменить в наших отношениях?!

И вот отгремела свадьба... Я сижу на кухне за красиво сервированным столом. Подруга дала на время книгу «О вкусной и здоровой пище». Муж недавно проснулся и долго умывается. Наконец, садится рядом и берет ложку. Я радостно улыбаюсь. Конечно, Саша думает: что за клад у меня жена! Еще утро только проклюнулось, а в квартире – чистота. И завтрак готов!

Но Саша уныло болтает ложкой в супе: «Что это за баланда?» Поясняю: бульон с гренками и яйцом. «Суп, моя радость, надо в обед варить!» И он приводит в пример свою маму: какая она хорошая хозяйка.

Ах, и этому неблагодарному, жестокому, невоспитанному человеку я отдала молодость (мне почти 19). Да он же меня не любит! Поток слов, слез и громыханье посудой. Мы не разговариваем два дня,

Наконец, моя обида проходит. Мне жалко Сашу, хочется подойти к нему, сказать что-нибудь ласковое. Но тогда он решит, что у меня совсем нет самолюбия.

Потом он мне скажет: «Я такой-сякой. Ты так старалась, а я еще дрыхнул. Ну и съел бы я этот бульон, не отравился бы. Нет же, накричал на тебя. Знаю, что неправ, а гордость не позволяет сознаться в этом».

Конфликт улажен, нам стыдно. Мы уверены, что больше подобного не повторится! Счастливый Саша уходит на работу... А вечером возвращается очень поздно. Пока я ждала его, прозрела: он меня разлюбил! Ему все равно, что я волнуюсь, даже не позвонил, не предупредил. Что же, выход один – развод! Пришел Саша и сказал, что был в шахматном клубе. Вот уже два дня, как мы с ним не разговариваем...» (Светлана П., Хабаровский край).

Все начинают свою семейную жизнь с тем светлым чувством, о котором Светлана говорит в начале своего письма. Но не у всех хватает юмора воспринять первые размолвки так, как она. Бывает, семья рушится в первый же год. А горечь остается потом на всю жизнь. Да и факт серебряной свадьбы ни о чем не говорит. Может, люди просто «уживаются или сосуществуют с досадой. В любви и согласии проживают единицы» – так пишет Л. Медведева (Ленинград). Конечно, преувеличение. И все-таки можно признать: особенно непрочны семьи в самом начале.

В письмах как бы отголосок этого явления: молодые пишут о неблагополучии, о трудностях, которые неизвестно как преодолевать, а пожилые, прожившие вместе целую жизнь, – о том, что благополучие и семейное счастье даются ценой больших усилий. «Само собой построиться ничего не может, а может только развалиться» (И. К. Орск).

«Известно, на каких принципах строилась семья раньше: на материальных интересах, на бесправии женщин, сословных, религиозных, расовых и тому подобных предрассудках. На страхе перед этими принципами она держалась, крепила свою прочность. Любовь, свобода духа, равноправие супругов раньше были в браке второстепенными, а теперь стали главенствующими. Но ведь на старых принципах легче было и строить семью. А новые принципы требуют высокой

духовной культуры, нового уровня взаимоотношений, нового строя души и ума...» (И. Сидоров, Киев).

А перестройка непроста: ломается не только плохое, приобретается не одно лишь хорошее. Как в этом разобраться людям неопытным, которым с детства не удалось в хорошей семье получить верный ориентир в жизни? Не поможет ли здесь школа?

Когда-то этот вопрос даже и не возникал. «Классическое» отношение школы к любви и к проблеме брака точнее всего, по-моему, выразилось в обидной, до слез доводящей дразнилке: «Тили-тили тесто, жених и невеста!»

Вспоминаю себя девчонкой, свою школу, учителей и пытаюсь представить, кто из них согласился бы беседовать с нами, подростками, на все эти щекотливые темы. Ничего не получается! Просто странно даже подумать об этом.

Но вот читаю письма нынешних старшеклассников и не обнаруживаю в них никакого смущения и сомнения. Все «двумя руками «за!». Типичное письмо: «Нас учат математике, физике, химии, а как строить семью, как воспитывать детей, не учат. По-моему, это неправильно. Ведь далеко не каждый станет математиком или химиком, многие школьные знания забудутся, окажутся ненужными, а семью будут иметь почти все. Нужны уроки семейной жизни, потому что всем надо знать законы человеческих взаимоотношений, чтобы не приносить горе себе и людям» (Г.Войцеховская, Краснодар). Словом, я счастливой быть хочу – пусть меня научат!

«Да, – поддерживают ребят взрослые, – давно пора противопоставить уличному «просвещению» квалифицированный серьезный разговор с подростками о самых разных сторонах семейной жизни. Это тем более необходимо сейчас, потому что родительские семьи порою становятся наглядными пособиями на тему «Как не надо жить в семье» (А. Смирнов, Томск).

Всё так, и возразить нечего. Я тоже «за». И все-таки что-то настораживает.

Допустим, в школах повсеместно введен новый курс «Подготовка к семейной жизни». Написаны учебники, подготовлены преподаватели, отработаны программы, методики: психологический аспект, физиологический аспект, педагогический, экономический... Все разъяснят, растолкуют, разжуют, подадут. Толк будет? Думаю, очень маленький. Потому что это дело, как никакое другое, требует не столько усвоения теоретических знаний, сколько накапливания душевного опыта, опыта разнообразного общения между людьми.

Видимо, это и должны быть уроки общения: не «послушал – запомнил – повторил», а «сопоставил – решил – доказал». Так, например, шли занятия факультета «Молодая семья» в куйбышевской средней школе № 58. Вела их директор школы М. А. Мусатова. Когда она решила открыть этот факультет для

старшеклассников, не было у нее ни программ, ни методик, ни книг, но начинала она, по-моему, не с нуля, а с главного – с постановки проблем, с привлечения своего и ребячьего опыта для разрешения этих проблем, со сравнения разного опыта и выбора оптимальных решений в разных конкретных ситуациях.

Я видела, как Маргарита Александровна ведет свои занятия: споры, смех, реплики, отстаивание собственного мнения, никакой заученности. «А как ты думаешь? Ты согласен? Почему? Докажи! А твое мнение?» – учительница умело направляет спор, но не подсказывает ответов и не требует, чтобы обязательно с ее ответом «сошлось». Не сразу догадываешься, что в этой непринужденности, непреднамеренности и скрывается огромная сложность: в любой момент здесь подстерегает взрослого ситуация, в которой на одном знании не выедешь, которая, хочешь не хочешь, а высветит в человеке самую суть его. К такому «уроку» надо готовиться не накануне вечером, а всю предыдущую жизнь. Только так, по-моему, и можно браться за сложное это дело.

Самая важная цель этих уроков, по-моему, должна заключаться в том, чтобы научить ребят не перекладывать свои заботы на других, не ждать, чтобы за них разрешили все вопросы и преодолели все трудности. А ведь, судя по письмам, этого не только ждут – требуют. Кажется, напиши кто-нибудь: «Это мое личное дело – сам разберусь, без ваших уроков», я, честное слово, сразу прониклась бы к этому человеку большой симпатией. Очень не хватает в письмах такого вот протеста, отповеди, отстаивания независимости, неприкосновенности своей личной жизни.

Это, признаюсь, огорчает. Может быть, потому что сама всю жизнь живу с ощущением: в семье, а личных отношениях ты должна сама все наладить, все узлы развязать, все ниточки разорванные соединить, сама. Вместе с Ним, больше ни с кем.

Однажды меня даже упрекнули: «Боишься сор из избы выносить? Это устарело, пройденный этап. Когда трудно, надо попросить людей помочь и не стыдиться этого». И так: просить не стыдно? А помните некрасовское: «Есть женщины в русских селеньях...» Там есть строки, которые редко цитируют и далеко не все помнят: «Она улыбается редко... Ей некогда лясы точить, у ней не решится соседка ухвата, горшка попросить; не жалок ей нищий убогий...»

Меня эти строчки смущали с самого детства: недобрая она, выходит? Но чеканные торжественные стихи вызывали какое-то подсознательное чувство уважения к этой «недоброте», исподволь внушали: это хорошо, это правильно, только так и нужно. Почему – это я поняла гораздо позже, когда столкнулась в жизни с «добротой», плодящей захребетников: «Трудно тебе, маленький, давай посажу...», «Да что ты, детка, не берись за грязную тряпку, иди играй. Будет время

– еще наработаешься...», «На картошку в такую погоду? Ни в коем случае, я тебе справку достану...» Каждый раз, когда человек мог и должен был что-то сделать сам, его освобождают (спасают!) от усилий, труда и ответственности, как от большой беды, и тем самым лишают его счастья быть сильным, деятельным и независимым человеком.

«Я сам сделаю, придумаю; сам выдержу, добьюсь; сам за все отвечу» – в этом суть человеческого достоинства, нравственный стержень личности. Нет его – нет надежности в человеке, ни для кого он не опора. Наоборот, всю жизнь ему самому подпорки будут нужны: от папы с мамой, от общественности, от государства... Как же ему семью строить?

Вот горький рассказ о том, как разрушилась семья, которой, казалось бы, ничто не угрожало. (письмо из Ленинграда, без подписи).

«Мы с мужем расстались год назад, прожив вместе два с половиной года. Выходя замуж, я очень любила мужа. Свою встречу мы приняли как чудо.

Часто и много говорят о первых трудностях, трудностях так называемой «притирки», когда совместная жизнь входит в размеренное русло. Из них мы вышли благополучно и довольно скоро; мы любили, потому быстро прощали и забывали обиды. Все обещало прочное счастье, все у нас для это было: возможность учиться (я заканчивала институт, муж после армии работал и поступил на вечерний в вуз); по желанию могли проводить свой досуг (от всех хлопот по хозяйству мы были освобождены, а детей у нас не было); понимающие, предупредительные родители, которые, видя, как мы счастливы, все делали, чтобы оградить нас от каких бы то ни было трудностей. Мать мужа все любила делать сама, потому, наверное, у меня очень быстро пропало желание «хозяйничать». И мы ладили, я даже не пыталась возражать или вмешиваться во что-то.

Жизнь в этой семье, как, наверное, в любой благополучной семье, имела прочные традиции даже в мелочах; утренние завтраки в 10 часов в воскресенье, воскресные прогулки медленным шагом, затем обед, телевизор вечером...

Поначалу мне понравилась основательность и размеренность новой жизни, потом это стало угнетать. Я поняла почему: традиции – это прекрасно, но они должны быть в каждой семье! Такого права за нашей молодой семьей не признавалось. Попросту она не принималась в расчет. Ее не было! С нами обращались как с несмышлеными детьми. Это было обидно. Мне не хватало самостоятельности, хотелось все сделать своими руками, чтобы состоялась, наконец, и наша семья. В таких условиях это было неосуществимо. Я долго и повсюду пыталась объяснить с мужем, были и слезы... Я убеждала его, что необхо-

димо снять комнату («пусть будет трудно!») и попытаться жить самостоятельно, но, увы, все было безрезультатно: ему очень нравилась беззаботная жизнь в отчем доме.

А унижительной опеки он не замечал; он к ней привык, но я к ней не смогла привыкнуть! И вдруг как-то сразу прозрела, увидела, что мой муж попросту не способен принимать сколько-нибудь серьезные решения, что до сих пор (и ему это нравилось!) всё – от покупки пальто, пиджака, зонтика до количества сметаны в тарелке супа – определялось его родителями.

Мне не на кого было опереться в трудную минуту, неоткуда было ждать понимания и поддержки – рядом со мной был не мужчина, на которого можно было опереться, а маменькин сынок... И это открытие стало первым шагом к грядущей катастрофе. Казалось, было все для семейного счастья, а моя любовь исчезала, уходила как вода в песок...

Со временем мы не стали ближе, напротив, мы отдалялись. Мы не сумели понять, что надвигается катастрофа, что не всегда ей предшествуют ссоры и частые бурные объяснения. Наша катастрофа подошла тихо.

Вот и вся история. А ведь была любовь, жажда счастья, радужные надежды...»

Итак, была любовь, свобода, материальная обеспеченность, забота близких. Не было «лишь» **самостоятельности**. Именно это как первое условие счастья я бы «вынесла за скобки».

## **ПОСЛУШАЕМ СЧАСТЛИВЫХ**

Раньше говорили: стерпится – слюбится, а теперь не мешало бы эту поговорку переиначить: слюбится – стерпится. И в самом деле: любишь – так уж вытерпишь.

Как-то мне пришлось послушать нескольких пожилых женщин, которые рассказывали о своей семейной жизни и сравнивали ее с нынешней. Честное слово, за какие-нибудь час-полтора они преподали мне столько мудрых житейских уроков, что я не раз пожалела: узнать бы мне все это «на заре туманной юности» – может быть, и в собственной семье без лишних нервотрепок обошлось бы, без ненужных «выяснений отношений» и мучительных поисков выхода из «безвыходных» положений.

Вот они передо мной: седые головы, натруженные руки, лица в морщинках, а глаза – молодые. Ах, какие у них сейчас молодые, даже озорные глаза! Ведь перед ними оживают дни их юности, молодой любви – начало трудной жизни, которую все они вынесли с честью, не сломленные ни нуждой, ни войной, ни тяжелым трудом, ни смертью близких, ни болезнями, ни самой старостью. Откуда только брали они для этого силы? Послушаем их самих:

– Мы с мужем начинали с нуля. Да и кто в наше время по-другому начинал? Приданого да наследства не было. И к лучшему: с ложки с чашки начинали, зато всего своими руками вместе добивались, никому не кланялись, ни у кого на шее не висели. Потому и жизни не боялись. А нынче-то молодые от жизни отгорожены: на готовеньком растут, вот и слабы. Не вылетают из гнезда, а вываливаются из него. Чуть ветерок дунет на них, а они уже «караул!» кричат. И семьей-то они не живут, а в семью играют: он не так посмотрел, она не так сказала, и уже в разные стороны глядят и к мамам бегут – жаловаться.

– Жаловаться – это уж последнее дело, потому что кому-нибудь скажешь, а тот что-нибудь из жалости подлепит – у тебя уж другое рассуждение будет. Еще жальче себя станет, покажется все не так, как на самом деле. А надо самой рассудить, никого не впутывать в твои с мужем дела. И он также должен: не срамить жену, беречь ее от худого слова, от косого взгляда. Друг друга поддерживать надо – вот главное.

– Вышла я замуж в большую деревенскую семью, пришлось приноравливаться, присматриваться. Все в доме подчинялось свекру, без его разрешения ничего не делалось. На жену он никогда не кричал, даже голоса не повышал. Но вот вышло раз: валенки она подпалила случайно. Он в сердцах: и такая ты, и сякая – нашумел на нее. Она в ответ ни словечка. А утром рано-рано слышу: «Бу-бу-бу...» – ее голос! Я прислушалась: «Что же ты меня осрамил и себя потерял: дети кругом, сноха молодая, а ты при всех меня честишь. Эдак они нас с тобой и в грош не будут ставить. Ты бы смолчал али бы уж во двор вышел, там на Буренку изругался бы, коли не вмоготу. А то стыд и срам-то какой...» Она ему вычитывает, а он кряхтит, молчит. И получается у нее как-то не нудно, не обидно, а будто даже ласково: втолковывает она ему, объясняет, почему лучше так делать, а не иначе. И поняла я: настоящая-то хозяйка в доме – мать! А никто об этом и не догадывается.

– А женщина и должна быть артисткой, без этого нельзя... Ну, чего смеетесь? Не артисткой, так дипломатом. И вовсе это не обман, а «военная хитрость». Вот мы в первое время часто ссорились. Он устанет, бывало, нервы взвинчены, а мне хочется, чтобы по-моему было. И – скандал. И вот муж стал меня просить: когда он в гневе, не перечить ему, хоть сквозь слезы, да улыбнуться. А когда «туча» пройдет, настаивать на своем, сколько мне угодно, он всегда мне повинуется. Стала я хитрее, последовала его совету, и кончились наши ссоры да мои слезы.

– Я общественница была – страсть! До сих пор по собраниям больше бегаю, чем дома сижу. Вот, бывало, придешь домой, а он злой: «Где была?» И пойдет, и пойдет! А я – молчу. Остынет он, я ему: «Ты что же, хочешь, чтобы я к дому

привязанная была? Так и пеньком стану замшелым – тебе же скучно будет». А потом-то он уж сам мне напоминал: «У тебя нынче собрание, что ли? Так иди уж...»

– Жене от мужа отставать никак нельзя. Только теперь что-то наоборот пошло: чаще он от нее отстает. Забывают мужья, что женщины-то теперь другие стали. Кто из них это понимает да хоть немного впереди жены по жизни идет, там и в семье все ладно бывает. А там, где жена верх взяла, а он в отстающих ходит – беда: она его уважать перестает, а он злится. Что ни говори, а в каждом из них мужская гордость есть. Нам, женам, ее щадить надо, да ведь и мужьям терять ее нельзя. У нас соседи молодые, ему всего 23 года, а он знает только одно; с работы придет, пообедает, отдохнет и на целый вечер во двор – в карты играть. Жена у него веселая была, работающая, а теперь смотрю: хмурая какая-то, усталая вся. Неинтересно ей с ним, того хуже – стыдно за него, а он и не чувствует, что жену теряет.

– Что страшно в семье, так это когда один мается, а другой как сыр в масле катается. На одном человеке ездить нельзя – на этом счастье не построишь. Семейный воз только тогда легок, когда «муж за гуж, а жена за другой». А если один в хомуте, а другой лишь подгоняет, толку не будет. Жалеть друг дружку нужно, помогать, чтобы было в доме всегда тепло и сердечно, чтоб каждому в дом хотелось, а не из дому...

Идет себе разговор, неторопливый, негромкий, но чувствуешь за каждым сказанным словом много передуманного, пережитого, выстраданного. Не знали эти женщины про «совместимость». Они ее сами, своими сердцами сделали, своими руками вынянчили.

Звенят новые и новые свадьбы, поднимаются тосты и сыплются на молодых самые добрые пожелания. И почти в каждом – слово «счастье». И мы пожелаем им счастья – не свалившегося с неба, а рукотворного.

«Горько!» – кричат за свадебным столом, и молодые смущенно целуются. Ну не странный ли обычай: то, что касается лишь двоих, делать беззащитно открытым перед чужими любопытными взглядами подвыпивших людей? А мне этот неловкий поцелуй почему-то кажется почти символом супружеской жизни: горько – а вы поцелуйтесь; страшно – а вы обнимитесь; трудно – а вы посмотрите в глаза друг другу и найдите опору во взаимной нежности, ласке, доверии – тогда все можно одолеть. Даже если размолвка, обида, даже когда горько друг от друга – выстоят те, кто сумеет справиться с собой и встать рядом, и вспомнить, как все начиналось...

А с чего все начинается?

Вот передо мной Он и Она: решили пожениться, пришли посоветоваться. Я смотрю на них с сожалением: «зеленые» еще совсем – ему только 18 – куда же так

рано? Не выдерживаю, спрашиваю об этом. В ответ удивленный взгляд: «Мне уже 18. И потом: разве зрелость определяется возрастом?» – «Но вам еще учиться и учиться!» – «А мы друг другу поможем». – «Но ведь вы так мало еще знакомы. Зачем торопиться?» – «Я думаю, что узнать человека можно и за день, а можно и за годы не узнать, это же не от времени зависит. Вот сколько вы сами были знакомы до женитьбы?» – «Полгода, – меня саму это удивляет: всего полгода? – но мы были старше! И так понимали друг друга с самого начала!» – «И мы тоже. Между прочим, разве хуже было бы, если бы вы встретились и поняли друг друга раньше?» – «А на какие же средства...» – «Это решено, – торопливо перебивает он, – мы будем зарабатывать сами. Она будет работать на полставки, я тоже договорюсь о вечерней работе». – «А вы подумали о том, что у вас может быть... может появиться...» – «Ребенок? Ну и что? Это нас не пугает. Вы семерых не испугались, а почему мы...» – «Но мы же были старше! А ты еще совсем мальчишка!» У меня срывается голос (хоть бы не расплакаться!). Он смотрит на меня участливо: «Я уже вырос, мама». Ну да, это мой сын и его... невеста. Это не укладывается в голове, этого не может быть! Однако вот же они передо мной: она смущена, он – натянут, как струна, готов защищать ее и себя перед всем белым светом, готов ответить на любой вопрос (он так и сказал: «Ты спрашивай, что хочешь»), готов ко всему... «Я так и думал, что ты сначала удивишься, даже расстроишься, а потом будешь беспокоиться, пока не поймешь...» «Дурачок, – думаю я с отчаяньем, – какой же ты дурачок еще». Но говорю другое: «Ты прав: удивилась, расстроилась и буду беспокоиться – всё так. Но дайте же мне время, чтобы понять!»

Этот разговор был месяца за четыре до свадьбы, и все это время острое беспокойство не покидало меня: вмешиваться в происходящее не могу, пока не разберусь, а как разобраться?

«Доигрались со своей самостоятельностью, – мрачно комментирует создавшуюся ситуацию моя родня, – все дозволено: хочу – женюсь, хочу – развожусь. Пустили вы с отцом все на самотек. И никто ни за что не отвечает...»

Слышать это мучительно, но, может быть, и правда – проморгали мы что-то? «Что ж ты молчишь?» – упрекаю я мужа, но тот невозмутим: «Словами тут не поможешь. Да и что пугаться раньше времени? Парень он толковый, давно сам за себя отвечает – вполне взрослый человек». Мне бы его спокойствие! Или выдержку? А у меня тревога не проходит, да и выдержки не всегда хватает. Заглянуть бы на десяток лет вперед или хотя бы на год! Нельзя. Что остается? Сомневаться и терзаться? Нет, сын прав; я должна понять, что происходит с ним и той, у которой «глаза, как у Ассоль, правда, мама?»

Они часто бывают у нас дома вместе, и я вижу их и третий, и пятый, и десятый раз: как ладно они разговаривают, как бережно спорят, как легко понимают друг друга, как любят вместе что-то делать (даже посуду мыть). Нельзя не видеть: им хорошо друг с другом! А беспокойство не проходит: рано, слишком рано! Ведь семья – это не столько дополнительное удовольствие, сколько дополнительные и очень серьезные обязанности. Как это объяснить им? Все слова неубедительны и общи, все страшные примеры вызывают улыбку: «А у нас будет не так». – «Да ведь все так начинают! С точно такой же дурацкой уверенности, основанной на незнании, неопытности и слепоте временного очарования. Ну что у вас есть за душой, кроме этого?!» – снова сбиваюсь я со спокойного тона и слышу в ответ: «Почему «дурацкого» и почему «слепоте»? Мы много думали об этом. Хочешь, расскажу?»

Я ожидала услышать от сына что-нибудь довольно примитивное или общее, вроде: любить, дружить, по очереди за продуктами ходить и т. п. И – ошиблась в своем снисходительном прогнозе.

«Главное в семье, – говорил он, – доброе отношение друг к другу: не доброжелательное (в этом понятии есть что-то холодноватое, чуть официальное что ли), а именно доброта, настоящее сочувствие – не от ума, а от сердца, понимаешь? А для этого каждому нужно требовать с себя максимум, а с другого минимум – по моему, это основа любви и ответственности в семье. Но это осуществимо тогда, когда есть общая шкала ценностей – моральных, разумеется. Иначе получится разнобой в оценках и уйма недоразумений. У нас многое совпало, удивительно совпало. А кое в чем мы вырабатываем общее мнение постепенно. Заметили даже: если сразу не удастся убедить друг друга, лучше отложить, не настаивать, а вернуться к этому еще и еще раз потом. Не торопиться, не настаивать на своем. Да и вообще относиться бережнее к ощущениям и настроениям другого. Ведь отношения меняются от многих условий и становятся то теплее, то горячее, то прохладнее. И упрекать, винить друг друга в этом не надо. Важно одно: независимо от этих колебаний должна быть абсолютная уверенность друг в друге, полное доверие – надежность, основанная на убеждении: своей жизнью ты можешь распоряжаться как угодно, но испортить жизнь другому, принести ему несчастье – нет такого права у человека!» – «Ты ничего не сказал о детях, которые, помнится, вас «не пугают», – не удержалась я. «Но все, что я сказал, – удивился он, – прежде всего и касается детей. Для них главное, чтобы у нас были человеческие отношения».

Я поняла: они начинают с **ответственности** друг за друга. Но ведь это и есть самое нужное для молодоженов, да и не только для них.

С того памятного разговора прошло пять лет<sup>1</sup>. Молодая семья скоро отпразднует свою медную свадьбу и трехлетие дочки, нашей первой внученьки. Много трудных испытаний преподнесла им жизнь за это время – выдержали, находя поддержку друг в друге. У них, по-моему, состоялось главное – семья, в которой всем вместе хорошо, а врозь – просто невыносимо.

## **ГЛАВА СЕМЬИ**

Как вы думаете, без главы семья может быть счастливой? По этому поводу в письмах полная разногласица.

Понятие «глава семьи» – архаизм, пережиток прошлого!

«Без главы семьи семья без головы. Это нехорошо». – «Главой семьи должен быть мужчина». – «Нет, только мать!» – «Одна голова хорошо, а две – лучше». – «Как у Змея Горыныча: каждая голова твердит свое». – «О чем речь?! Муж и жена – одно целое, а главой семьи является любовь!»

Сколько уж приходилось слышать споров на эту тему, но они обычно заканчиваются ничем: каждый остается при своем мнении. Почему?

Может быть, потому, что в этом понятии сплелись в клубок многие проблемы: и материальное обеспечение семьи (кто кормилец?), и социальное положение ее членов (кто от кого зависит?), и их интеллектуально-духовный уровень (кто прав?), и естественная разница между полами и возрастами (роль каждого?), и разрушение старых традиций, и становление новых. К тому же в каждой семье все по-своему неповторимо...

«Мудрость – в гармонии. Все остальное – умствование», – сердито пишет Б. А. Степанов (Щелково). Справедливо. Только вот вопрос: как этой гармонии добиться?

«Главенство в семье складывается в процессе семейной жизни. Порой семьи живут в согласии, благополучии и не думают при этом, кто же из них глава семьи», – пишет А. Гусейнов (Черняховск). Верно! Но как все-таки быть тем, у кого «не складывается»? Хоть и противоречивы письма, все же попытаемся извлечь из разных «семейных сундуков» кое-какой опыт, полезный для всех.

Раньше считалось: глава семьи – добытчик, кормилец. По какому же признаку определяется глава семьи теперь? Вот коллективное мнение многих: «Глава семьи в наше время – руководитель, который должен быть и превосходным психологом (знать о каждом в своей семье не только то, что видно всем, но и то, что спрятано глубоко внутри), и одаренным дипломатом (находить верные решения в сложных семейных ситуациях), хорошим организатором (представлять возможности, инте-

---

<sup>1</sup> Семье сына в 2002 году исполнится 25 лет, внучке 22 года, внуку – 17 лет.

ресы, запросы всех членов семьи). Он (или она) должен быть справедлив ко всем, всегда обдумывать свою точку зрения и не рубить сплеча. Она (или он) несет в семью доброту, внимание, великодушие, заботу, тепло души. Слово этого человека играет решающую роль во всех спорных вопросах, потому что он может не только ответственно принять решение, но и ненавязчиво, тактично провести его в жизнь. Глава семьи подобен опытному капитану, ведущему корабль по волнам моря житейского».

«Но, – замечает в своем письме В. Лысянский, – в одном человеке все эти качества сочетаются редко. Напрашивается решение о распределении функций главы семьи между всеми ее членами: каждому по способностям».

Значит, можно обойтись без главы семьи? Многие считают: да, не только можно, но и нужно: «Благополучие семьи создается свободой и согласием ее членов. Ясно, что деспотизм, унижение, эгоизм не цементируют, а разваливают семью. Надо все решать и делать сообща, причем каждый пусть старается взять на себя большую ношу, чтобы облегчить труд другого. И всегда надо крепить авторитет не только свой, а друг друга. Так интереснее жить. Желание заботиться о любимом человеке – признак подлинной любви, залог крепкой семьи. Но когда такое желание присуще не обоим супругам, а только жене, то она делается рабой семьи, слугой многих господ, которые принимают все это как должное и не спешат оценить заботу, отблагодарить душевным теплом. А результат: усталость, ожесточение, нервные срывы, измены... Семейный совет на равных – вот что лучше всего».

На равных? Как это понять? Поровну работу, поровну заботу? Или все-таки каждому свое: матери – доброту, нежность, отцу – строгость и твердость? А может быть, исходя из их личных качеств – наоборот?

Заметьте, что речь идет не о том, кому какие домашние дела делать (это решает каждая семья по-своему), а кому каким быть. Не от этого ли зависит, у кого какая роль в семье? – Ох и не простой это вопрос для нас, равноправных граждан, потому что под равноправием многие стали понимать одинаковость, тождественность. Вот и в нашем коллективном определении «Главы семьи» все предполагаемые свойства личности собраны воедино не случайно: авторы писем чаще даже не упоминали, он или она должны этими свойствами обладать. Подразумевалось: кто ими обладает – тот и глава.

Вот теперь мы подошли к самому, пожалуй, острому моменту в разговоре: если женщина – глава семьи, хорошо ли это?

Ира Жданова (Целиноград) пишет: «Меня очень даже устраивает, что у нас глава – мама. Но папа – ее правая рука, а мы, дети, левая». Она, правда, не пишет, устраивает ли это маму.

А вот мнение мужчин: «Нагрузка главы семьи очень тяжела для женских плеч. Почему? У руководителя нет никаких привилегий, зато много дополнительных обязанностей. Тяжело для женщин это бремя? Конечно. Не случайно в роли главы семьи женщина перестает быть источником любви, ласки, тепла, доброты, так как ей часто приходится перестраиваться, ломать себя, приобретать некие мужские свойства характера: резкость, категоричность, грубоватость в речи и поведении» (из писем Ю. Климова, А. Шестакова, Москва). Замечено, что сейчас все чаще женщины прямо-таки «рвутся к власти», стараясь перещеголять мужа в напористости, распорядительности. Что из этого получается? «Женщина теряет свою женственность и... не дает мужчине почувствовать себя мужчиной в самом лучшем смысле этого слова» (Воробьев, Донецк).

Как тут утерпеть женщинам! Да ведь главой семьи жена чаще всего становится просто по жизненной необходимости! «Что делать, если мужа-то ничего не интересует, кроме как вкусно поесть, выпить да футбол посмотреть. Тут волей-неволей станешь главой семьи, очерствеешь, командуя да распоряжаясь в одиночку» (Е. Курдымова, Ижевск).

Та-ак. Власть женщины делает ее жесткой, черствой и порождает слабость, безволие, даже трусость в мужчине, а безответственность, вялость, духовная бедность мужей провоцируют грубость и властность женщин. Нет, не выходит никакой гармонии, уродство какое-то получается, и всем в такой семье плохо.

Может быть, ломая традиции, мы ломаем и нечто естественное, вытекающее из наших природных возможностей и свойств. Лучше от этого никому не делается.

И. Минаков (Обнинск) считает, что «обе половины (муж и жена) равноправны, но не взаимозаменяемы, и каждый выполняет вполне определенные функции в семье». «Издrevле вечные понятия: мать – хранительница очага, отец – защитник и добытчик, видоизменившись, в принципе остаются в силе» (В. Марандин, Московская область). Мужчин поддерживают и женщины: «Образно говоря, муж – это дом: крепкий, надежный; жена – всё, что внутри дома: красота, уют, мягкий психологический климат. Славная тогда семья получается, прочная и добрая» (Е. Курдымова, Ижевск).

И наконец, «семье, как любому нормальному организму, не две головы нужны, а нужны голова и сердце» (И. Полунина, Одесса).

Голова и сердце – по-моему, прекрасно сказано!

Хорошо, когда руководит семьей добрая голова отца, а греет всех в ней умное сердце матери. Значит, и я настаиваю на традиционном распределении ролей? Да! Хотя когда-то тоже мечтала о равноправии и демократии в семье. Для меня, как и для многих, эта проблема решается трудно.

Получилось так, что я в семье стала распорядительницей, «главным начальством», как шутит муж. Сколько раз я слышала вроде бы лестное для себя: «У вас в семье настоящий культ матери», а мне становилось грустно. И не потому, что этого культа не хотела, а потому что мне его очень... не хватало – не культа моей персоны, разумеется, а культа Матери. Сейчас поясню. Для меня понятие «культ» и «власть» ни в какой мере не совпадают. Культ – то, перед чем преклоняются, что благодарно берегут, охраняют, считают священным. Власть – сила, которая призвана обеспечить всё это, организовать жизнь так, чтобы ценилось самое достойное и прекрасное в людях.

Доброта и милосердие, бескорыстная и беспредельная любовь матери очень нуждаются в такой защите и благодарности – в них мать черпает силы для своей многотрудной деятельности. Сама себя она защитить не может. А если вынуждена это делать, тогда действительно «ломает себя».

Власть. Как же тяжела для меня эта «шапка Мономаха»! Теперь все чаще хочется быть мягкой и доброй, податливой и «подчиненной» – не выходит: стоит дать волю этим «женским слабостям», как все домочадцы тут же «садятся мне на шею». Нет, нет, они любят меня, я знаю, но все-таки... все-таки не мешало бы и просто пожалеть. Да, бремя власти все-таки больше подходит мужчине. Я – за **культ матери и власть отца**. Убеждена, что именно это обеспечивает гармонию семейных отношений. Вынесем это «за скобки»?

Мы подошли к важнейшей проблеме: мужчина и женщина в семье. Давно, казалось бы, нам пора понять, что мы – мужья и жены, матери и отцы – вовсе не повторяем друг друга, что роли наши в семье разные и это закономерно, естественно – нормально! Однако, здесь много путаницы и много от этого несчастья.

## **МУЖ И ЖЕНА**

Большинство писем о женах, конечно, от мужчин. Какими же совершенными хотят они видеть нас, своих жен и вообще всех женщин! И начинающие жить, и умудренные опытом люди, самые разные по профессиям и образованию, главным качеством жены, основой женственности считают душевную доброту, внимание к людям, мягкость в обращении, такт, нежность, заботливость...

Каждый второй автор пишет об уважении к делам и интересам мужа, его мнению и взглядам, привычкам. Все без исключения жаждут понимания с полуслова, с полувзгляда...

Однако далёко не все вспоминают о **взаимопонимании**, о **взаимопомощи**. Может быть, поэтому в письмах женщин чаще, чем хотелось бы, встречается такая мысль: «А сам-то каков?». Кое-кто из мужчин, отчаявшись, пишет так: «Где она, женственность? Где Джульетта, Наташа Ростова, Татьяна Ларина? Не исчезает ли женственность в винных парах и в дыму сигарет? Не похожа ли она на прекрасных розовых фламинго, занесенных в Красную книгу?» Некоторые при этом винят самих женщин: «Хорошо бы, конечно, порассуждать про жен декабристов, но таких жен больше нет и, видимо, не будет. Наши жены – не друзья наши. Они разные дома и вне его. На людях – улыбки и разные туалеты. Дома – грязные халаты и хмурое чело. Надоели мелочные обиды и крупные слезы, которым уже не веришь. Надоели дни без «Спокойной ночи!», «Доброго утра!»... И у друзей моих та же история...» Другие подходят к вопросу с более глубоких – социальных и экономических позиций. «Отдав должное работе, – замечает, например, О.Копелов из Бреста, – женщина приходит домой. А должное-то оказалось чрезмерным. У нее на созидание морально-психологического климата в семье нет сил, а порой и желания, и умения. Может быть, надо женщину «освободить от эмансипации», дать ей возможность быть женщиной?». Короче, вина это самих женщин или их беда, но нету их, хороших, настоящих-то жен, и судя по всему и быть не может...

А они все-таки есть, несмотря на эмансипацию. И даже благодаря ей. Подтверждение – письма счастливых мужей. Перечитываю письмо Анатолия Конопицына из Ленинграда. Какие простые, ласковые и трогательные слова нашел он для той, которая не за тридевять земель, не на экране телевизора, не на празднике жизни, а здесь, рядом, каждый день, во всех делах, буднях и радостях – всегда рядом. «Моя милая Золушка...», «С нею можно на край света уехать и не пропадешь», «Знаете, как захватывает сердце, когда видишь в ее глазах благодарность и любовь» – это все из разных писем. О домашних делах, умении готовить, шить и т. д. здесь если и упоминается, то вскользь, как о чем-то не очень существенном. Это знаменательно: не кухарку, не обслуживающий персонал нашли счастливые мужья в своих женах, а – спасибо эмансипации! – подруг, соратниц, любимых – опору и украшение жизни.

Что они больше всего ценят в своих женах? Конечно, доброту и понимание. А еще искренность и естественность («она всегда сама собой»), пытливый ум («все ее интересует, ко всему у нее свой подход»), доверие, преданность («как они окрыляют!»), жизнерадостность («когда ей весело – она поет, когда ей грустно –

тоже поет»), самостоятельность («жаловаться не побежит»), стойкость («она, такая хрупкая, меня же еще утешает»), неприземленность («выдумщица, она всегда для меня загадка»), неистощимое терпение («работа у меня – вечно в разъездах, а она никогда не упрекнет») и горделивое достоинство («слово плохое сказать при ней язык не повернется»).

Боюсь, что на этом самом месте кто-нибудь из читателей не преминет сунуть жене книжку под нос: «Видишь, какие жены-то настоящие бывают. При таких и муж не пойдет по подворотням на троих соображать. А ты...» Подождите, почитайте-ка, что еще пишут мужчины. К. Кагулия (Гагры) категоричен и горяч: «Плохих жен не бывает. Были, есть и будут плохие мужья. Причины самые, разные: один пьет, другой ругается, третий дерется, четвертый забывает, что он женат, пятый холоден, шестой бездельник и болтун и т. д. и т. п. Если живешь с женой, то будь мужчиной – не говори, что жена плохая, посмотри прежде на себя!»

В. Николаев (Мичуринск) тоже убежден: «У плохого мужа и идеальная женщина станет плохой женой». Владимир К. (Челябинск) еще не женат, но и он твердо верит: «Хорошей может быть любая жена, если она получает помощь и поддержку мужа. Надо быть добрым и внимательным к ней».

А как жаждут этого сами женщины! «Если бы он был повнимательнее, позаботливее, я б горы свернула...», «Иногда не столько его помощь нужна, сколько улыбка, благодарность, сочувствие...», «Хоть бы он когда спросил: как это ты успеваешь все?», «Только раз было, что пришел и пожалел: «Устала небось», – и руки мои, мокрые после стирки, вдруг поцеловал... Так хорошо стало, будто снова он мне в любви объяснился», «Как немного нам надо, чтобы сил прибавилось».

И совсем хорошо, когда любовь и забота выражаются не только в сочувствии, благодарности, но и в реальном деле. Равноправие подразумевает не помощь мужа жене, а совместную работу по дому – равномерное справедливое распределение домашнего труда между супругами и по времени, и по нагрузке. А иначе жена может превратиться в универсальную обслуживающую машину, смысл существования которой сводится к тому, чтобы угодить кому-то. Вы только вдумайтесь: потребление человеческой жизни... Раньше это называлось «заедать чужой век» и считалось, в общем-то, делом обыкновенным. Но в нашей-то жизни такое должно быть позором!

Роли, правда, могут поменяться: тогда жена делает из мужа покорного исполнителя своих желаний, «обеспечивателя». Но суть остается одна – домашняя эксплуатация, захребетничество, мерзость.

Написала все это и вдруг подумала: а не упрощаю ли я эту непростую проблему? Ведь «только» женами и матерями были Женни Маркс, Анна

Григорьевна Достоевская, Мария Александровна Ульянова... А что если: «Хороша жена та, которая не посмотрит своего Дымова, как чеховская «попрыгунья», не будет скакать по служебной лестнице только для того, чтобы доказать, что и я не хуже тебя» (А. Г., Москва; У. Петрова, Уфа). Неожиданный поворот, правда? Действительно, не просто все в жизни...

Помню, я долго огорчалась, пораженная – прямо-таки ошарашенная! – одной главкой из «Деревенского детектива» Виля Липатова. Она называется «Панка Волошина» – по имени главной героини всех разворачивающихся в ней событий.

Как-то утром Анискин, заслышав крик и шум, отправляется к Панкиному дому навести порядок, наперед зная, из-за чего разгорелся весь сыр-бор: опять бабы явились к Панке «глаза выцарапать» за своих мужей, которых она, бесстыдница, приваживает. Разогнав бабью драку, он разговаривает с Панкой, искренне удивляясь, и чего она «путем замуж не идет». Ее ответ поразил Анискина (и меня!) до глубины души:

– А со мной мужики долго не живут, – простосердечно, но не без кокетства заявляет она, – поживут, поживут и – в начальники выходят...

Удивленный Анискин, слушая, как она расхваливает всех, кто у нее «жил», вдруг понимает, что ведь это она – непутевая-то! – своим обожанием и восхищением внушала каждому из мужиков такое уважение к самому себе, такую веру в свои силы, что прямо-таки выводила их к большому делу – «в начальники».

Я читала и думала: да это ведь та же чеховская Душечка, которую так любил Толстой. Нам – современным, самостоятельным – поучиться бы у этих женщин побуждать мужчин на подвиг. А мужчинам – хорошо бы всегда оправдывать наши надежды.

Обидно, что путь к взаимопониманию бывает непрост из-за незнания каких-то элементарных законов общения. Помню, мне в первые годы семейной жизни он и пришлось помучиться из-за того, что Он чувствовал, думал, делал совсем не так, как мне казалось нужным, единственно верным, лучшим. Я винила его в нежелании понять меня, в нечуткости и даже в эгоизме. А сама точно так же не хотела понять, и очень долго, простой и естественной вещи: он же другой, не такой, как я, человек со своим мироощущением, чувствами, способом мышления. И вместо того чтобы открывать для себя удивительный мир другого человека и помочь ему видеть и понять меня, непохожую на него, я упорно пыталась подогнать его под свою мерку. Он, естественно, сопротивлялся и еще больше замыкался в себе. Избавление от этой нравственной глухоты и тупости принесли нам дети, общая забота о них. Интерес к их внутреннему миру как будто разбудил наш интерес друг к другу.

И когда мои дочери слишком возмущаются воинственностью и «агрессивностью» братьев, а сыновья, в свою очередь, не прочь поддеть сестер за «плаксивость», я пытаюсь объяснить дочерям, что мальчишки на то и мальчишки, чтобы быть отчаянными, смелыми, рвущимися в самое пекло жизни, неприемлющими покой, душевную тишь и гладь. Иначе какие же они будут мужчины? А сыновьям говорю, что чувствительность и нежность – одно из самых прекрасных свойств женщины. Ведь им мамами быть, что это за мать – бесчувственная? Ребята слушают и, кажется, добреют друг к другу.

Именно пониманию и доброжелательности надо, по-моему, прежде всего учить будущих мужей и жен, начиная... с ясельного возраста.

## **ОТЕЦ И МАТЬ**

Многие женщины скажут, что отцы сейчас все больше самоустраиваются от воспитания детей, перекалывают все заботы на матерей, а всю ответственность – на детский сад и школу.

Самоустраиваются... Я тоже до недавнего времени думала так и разделяла негодование женщин: «Мы надрываемся, стараюсь успеть и там, и там, и там, а они...» Но вот с некоторых пор засомневалась: сами ли устриваются? Поводом для этого послужил забавный эпизод на конференции отцов одного из районов Москвы. В зале почти одни мужчины, на сцене за столом – в основном женщины. Все идет по намеченному плану: выступления, фильмы «Из зала суда», «Опасный возраст». Тягостное молчание после них, потом снова выступления: «Вот что бывает, если...», «Надо находить ключик к сердцу ребенка...», «Матери нуждаются в вашей помощи...»

«Я гуляю с дочкой, помогаю ей делать уроки», – делится молодой отец своим опытом. И вдруг из зала, из самой его глубины, громкий и горестный возглас:

«А ты пеленки стирал?» Зал сочувственно хохотнул, оживился. Ясно: человек под хмельком – у него что на уме, то и на языке. «Стирал, – не растерялся выступающий. – Ну и что?» «А ты каждый день стирал?» – снова тот же голос «со слезой». Все смеются, и я тоже смеюсь: допекли, видно, беднягу эти пеленки.

Вот с этого «незапланированного» вопля и начала точить меня какая-то неясная тревога: я с удивлением заметила, что молодые папы при колясках с младенцами стали вызывать во мне не умиление, как раньше, а... сочувствие. И стали раздражать жалобы молодых матерей и бабушек: «Ничего не умеет, все не так делает, а туда же – с указаниями лезет...», «Представляете: на час всего ушла, предупредила – не трогай Женечку до меня. Прихожу домой – она у отца на плечах, а тот по комнате скачет. С семимесячным-то ребенком! Кошмар!», «Я Вовке

говорю: все съешь, что положено, а отец: хватит его пичкать, он и так растолстел. Просто назло делает и все...»

Назло... не так... бестолковый... Подождите, подождите, давайте разберемся: чего мы хотим от наших мужчин? Чтобы они были нашими копиями, дублерами, заменителями? Или мальчиками на побегушках, на подсобных ролях? Что-то тут не так. Вспомнились бесконечные истории о семейных конфликтах вокруг детей: «Ты его балуешь, сюсюкаешь без конца, потакаешь всем капризам!» – кричит отец. «А ты груб, жесток и бессердечен, – плачет мать, – тебе солдатами командовать, а не детей растить». Вдруг связалось в цепочку то, что я слышала в разное время и от разных людей.

Старый опытный учитель удивлялся: «С отцами стали чаще конфликтовать не сыновья, а дочери-подростки. Уж не копируют ли они при этом своих матерей?» Журналистка утверждала: «Заметна тенденция: женщины все больше рассчитывают в воспитании на свои силы. На мужчин, дескать, никакой надежды. Иные прямо говорят и пишут в письмах: ребенка люблю, сама воспитаю, а отец только мешает, без него даже лучше».

И наконец, мнение ученого. Его я услышала на одном педагогическом семинаре: «Термин «безотцовщина» мы сейчас не употребляем, ибо в него вложен отрицательный смысл. То, что женщина в нашей стране может вырастить ребенка одна, без отца, свидетельствует о повышении ее социального статуса в условиях социалистического общества...»

Значит, обойдемся без отцов? Не получается. Учителя, воспитатели, директора школ очень встревожены: «Матери не справляются с детьми, особенно с подростками, особенно с мальчишками, которых женское воспитание в семье и школе (32 учительницы и 2 учителя) только портит, делает их либо вялыми и слабыми, либо неуправляемыми и «трудными». И ребята в своих письмах единодушны: «Если бы каждый отец, – пишет Игорь Ш. (Курск), – именно отец! – имел бы общие дела со своим сыном, если бы каждый сын интересовался делом отца, поверьте: меньше было бы «трудных» ребят». «Ужасно завидую тем, у кого есть отец» (Елена К., Ставропольский край).

Вот так: без отца плохо. Почему?

Есть у А. К. Толстого, кстати, выросшего без отца, одно поразившее меня стихотворение. Смысл его горек: человек, душевно богатый, добрый и щедрый, терпит поражение в жизни, потому что не умеет защитить ни себя, ни любовь свою, ни свои высокие идеалы от житейских трудностей и бурь:

Навстречу их враждебной вьюги

Я вышел в поле без кольчуги

И гибну, раненный в бою.

Беззащитная доброта, попранное достоинство, беспомощная человечность, которая не может противостоять злу, насилию, несправедливости, – это не просто обидно и больно, это страшно, потому что нежизнеспособно. Очень серьезная – и тревожная! – мысль.

«Ребенку для нормального развития совершенно необходимы и мать и отец. Отец в жизни ребенка – это мужество, сила воли, смелость поиска, умение бороться и побеждать. А мать – ласка, нежность, доброта и чуткость к людям. Отец не может дать душевной тонкости и красоты, а мать не даст ему силы и мужества» (Т. Милованова, Кишинев). Категорично, но, по-моему, глубоко верно: в этом диалектическом единстве двух разных начал, видимо, заключен большой смысл.

Не закономерно ли: мать с младенцем на руках – **мать и дитя** – образ, пронизывающий века, как бы не зависит от сменяющихся исторических эпох, классовых противоречий и национальных различий. Он хранит в себе какие-то изначальные общечеловеческие нравственные ценности, направленные на сохранение и продолжение жизни на земле. А вот понятие **отцы и дети** – это всегда злоба дня, проблема преемственности поколений, отражение противоречий между новым и старым в конкретных условиях, требующих трезвого расчета и отважного поиска, азарта, риска.

В то же время отец – это четкость стратегии, заглядывание вперед, определение главного курса, т. е. мысль, мысль, мысль, а мать – чуткость тактики, оценка сиюминутной ситуации и реагирование на нее. Чувство и интуиция – главные ее помощники в этом деле.

Итак, два разных, взаимонезаменяемых начала. Их гармония – вот что нужно в семье для полноценной жизни. Не пение по принципу кто кого перекричит, а прекрасный дуэт, в котором каждый ведет свою партию, поет своим, а не чужим голосом. И так с самого-самого начала.

Когда-то мужчины совсем не допускались к младенческому возрасту. Нянюшки, мамушки, тетушки, бабушки – вот были специалисты по младенцам. Теперь уже известно – односторонние специалисты. Они, обеспечивая малышу уход и защиту, окружая его любовью и лаской, успешно развивают нравственно-эмоциональные стороны личности ребенка, но безудержной опекой часто сдерживают физическое и интеллектуальное его развитие. Наш бурный требовательный век заставил пересмотреть многие взгляды на раннее детство. Оказалось, что для отцов там непочатый край работы не просто по уходу за младенцем, но по разностороннему развитию его. Я сейчас нередко наблюдаю: молодые папы по-настоящему увлекаются воспитанием, когда у них есть возможность вкладывать в

это сложнейшее дело свою выдумку, свое творчество, свой азарт, свое Я. Это прекрасно. Это делает их мужчинами, вдумчивыми, ответственными отцами. И нам, женщинам, надо понять их, и помочь им, потому что это нужно прежде всего нашим детям.

Пусть ребенок, не страшась, уйдет в жизнь, не только согретый материнской лаской и преисполненный доверием и любовью к людям, но и вооруженный отцовским опытом, мужеством и ответственностью за себя и за других.

Отец обязан оставить своим детям в наследство не просто отчество, но Отечество – мир, который им предстоит строить и защищать.

Вы, конечно, заметили, что уже третья глава этой маленькой книжки посвящена, по существу, одному и тому же, по-моему, важнейшему условию прочной счастливой семейной жизни; **гармонии мужского и женского начала** в семье. Знаю: болью и горечью отзовутся сердца многих и многих женщин на эту мою фразу о гармонии. Да откуда она возьмется, если нет его, мужчины, в доме, просто нет?!

Даже если нет – должен быть! Говоря так, я вовсе не подразумеваю под этим какого-то выдуманного («уехавшего» в длительную командировку или «погибшего») отца. Такой обман, по-моему, рано или поздно обнаружится и станет трагедией для ребенка. Нет, я о другом: о мужском начале в семье. Оно может быть сосредоточено в подрастающем без отца сыне. Для этого матери не надо подменять собой отца, то есть превращаться в полумужчину и заниматься не свойственными ей делами (допустим, мастерить, играть в футбол или изучать приемы самбо). Мне кажется, что мужчину рядом с собой можно вырастить, только оставаясь «самой женской» женщиной, опора которой – в сыне, даже маленьком. Помните, есть славная песенка, в которой четырехлетний мальчуган успокаивает мать: «Ты не бойся, мама, я с тобой!» Вот позиция мужчины: чуть не с колыбели он – покровитель слабого, защитник доброго и прекрасного в жизни. Позиция матери при этом – с благодарностью принимать любое проявление заботы о себе и стараться быть достойной этой заботы; надо, чтобы было **что** защищать.

Ну, а если рядом с мамой растет дочь? Казалось бы, должно быть всё проще. Лет пятнадцать назад одна женщина так и говорила мне: «Как хорошо, мы с дочкой как две подруги и никакого «мужского духа», всех этих грязных носков, потных рубаш, грубых приятелей нам не надо...» Я высказала опасение: «Так немудрено вызвать пренебрежение вообще ко всем представителям мужского пола». Она в ответ только усмехнулась: «Ничего, умней будет – первому встречному на шею не кинется».

Верно – ни первому, ни второму, ни пятому, ни десятому дочь навстречу «не кинулась». Ей сейчас тридцать два года; семьи, увы, и не предвидится. Это и само по себе грустно, а тут еще и профессиональные контакты у нее осложнены тем, что она не знает, как себя вести с мужчинами: и стесняется, и боится, и пренебрегает, и не доверяет – всё сразу.

Оказывается, прощс с дочерью не получается. Бывает, всю жизнь не заживает рана в сердце матери, оставленной или обманутой тем, кто действительно оказался немужчиной. И больше всего, мне думается, надо бояться передать дочери в наследство эту свою горькую обиду.

Как-то в шутку я поделила для себя всех представителей мужского пола на три категории:

- те, кого надо защищать,
- те, от кого надо защищаться,
- те, кто **защищает**.

Надо изо всех сил постараться научить своих дочерей не ошибиться в выборе.

## **ДЕТИ**

Среди множества добрых писем о детях одно – как вызов: «Я не хочу иметь детей и не имею. Представьте себе, у меня и жена единомышленница. Двенадцать лет мы живем куда дружнее, чем многие семьи с детьми. Я не люблю детей, не хочу повторять в них свои недостатки. Думаю, что далеко не у всех есть моральное право иметь детей» (И. Великанов, Киев).

Спасибо И. Великанову, что он «не повторил в детях своих недостатков». Это куда честней, ответственней, чем родить да тут же отдать в дом ребенка или оставить с легким сердцем на руках одной матери, или пьянками и скандалами калечить жизнь ребенка. Но главная мысль его письма не об ответственности, а вот эта: обойдусь, дескать, без детей, мне и так хорошо. Ни сожаления, ни сомнения – горделивая удовлетворенность жизнью. Вот это-то меня больше всего и поразило. Конечно, можно было бы не обращать внимание на это письмо (подумаешь, одно из сотен!). Но ловлю себя на беспокойной мысли: лет 25 назад это письмо не вызвало бы моего удивления. Не нуждаются в детях, ну и что? Значит, другое интересует. У меня тоже было много самых разных увлечений и дел, захватывающе интересных, в которых к тому же что-то и получалось. Я работала учительницей, и со школьниками мне было хорошо, но иметь собственных детей не тянуло. И никакого чувства неполноценности при этом я не испытывала. Пожалуй, могла бы прожить жизнь и даже не понять, как т. Великанов, чего я лишилась, вот ужас-то!

А почему, собственно, ужас? Об этом и хочу сказать. Детей, как правило, хотят иметь все. Судя по письмам, Великановы – пока исключение. Но многие хотят иметь одного. А это прежде всего вызывает горячие протесты самих Единственных (большинство на вопрос «Доволен ли ты тем, что ты единственный?» отвечают буквально: «Нет, нет, нет!»), этим недовольны учителя и воспитатели (единственные дети эгоистичны, им «трудно в коллективе»), это и самим родителям со временем становится в тягость («одного отпускать от себя – невыносимо!»). И все-таки типичной в городских условиях становится однодетная семья. Не помогают ни улучшения жилищных условий, ни повышение благосостояния, ни фотоочерки, статьи и фильмы о счастье многодетных семей... Почему?

Какие-нибудь сто лет назад проблемы не было: рождалось сколько «бог даст». Женщина примирялась с этим как с неизбежностью. Да иных дел для нее, как известно, и уготовано не было. Смысл ее жизни волей-неволей сосредоточивался на материнстве, и для большинства женщин оно сводилось к тому, чтобы как-то прокормить детей, уберечь от болезней, не надорвать ранней тяжелой работой...

А теперь? Что такое материнство теперь? Прежде всего оно перестало быть неизбежным и единственным делом жизни женщины. У нее появились громадные возможности приложить свои силы и способности в самых разных видах деятельности. Причем любая работа выглядит привлекательней, чем воспитание детей. Там – восемь часов да еще выходные, отпуска, а дети – это забота и работа круглые сутки, месяцы, годы – без передышки. Там – квалификация, мастерство, а с детьми – почти все ощупью, как в потемках. Там – зарплата, повышение благосостояния, а дети, как известно, – сплошные расходы. Но главное, там – ты человек среди людей, а в семье – обслуживающий персонал. Разве не так?

Что может теперь оправдать огромный труд, вкладываемый в развитие ребенка? Чего ради молодая мать, бросив интересное дело, друзей, развлечения, должна погрузиться в мир нудной повседневной работы по уходу за младенцем, переносить его болезни, капризы, вечно дрожать за него, ночи не спать, да при этом совершенно не быть уверенной в том, что вырастет тот, кого хотелось бы вырастить. Со всех сторон она слышит: «Как трудно с детьми!», «С младенцем сидеть – хуже работы нет!», «Ох и дети трудные нынче пошли – одно мучение!» и т. д. и т. п. А в то же время слышит и другое: «Вы, родители, в ответе...», «От вас зависит...», «Вы должны... вы обязаны, вы виноваты!...» А бабушка далеко, а в яслях малыш без конца болеет, а мужу дела нет...

Правда, вначале еще помогает полуинстинктивная родительская любовь – это пора любования, умиления и удивления перед чудом, имя которому Мой Сын или Моя Дочь.

Конечно, пушистая головка ребенка на плече, детский смех и лепет, первое слово малыша и первый его шаг – радость ни с чем несравнимая. Множество писем именно об этом. Но за первым шагом следует второй, пятый, десятый... Года через два-три, а то и раньше такой любви становится мало. И как часто можно услышать: «Все малыши лет до пяти – прелесть, это самый интересный возраст, а потом они только портятся, и с ними все трудней и трудней». А они не портятся, они – растут, делаясь все сложнее и интереснее, только мы, взрослые, не успеваем за этим бурным развитием, теряемся, отчаиваемся. Даже возраст почему-то многих взрослых ставит в тупик, а уж мир подростков для абсолютного большинства из нас – вообще темный лес. Об этом пишут и родители, и сами ребята. И те, и другие жаждут понимания и счастливы, когда оно есть. Вот теперь я, наконец, добралась до самого главного!

Вы, наверное, замечали: детишки всегда тянутся, «липнут» к хорошему, доброму человеку. И наоборот, человек высокой чистоты и нравственности любит бывать с детьми, играть или что-то делать с ними, быстро находит общий язык даже с самыми маленькими, хотя может быть очень далек от педагогики по профессии. По-моему, это потому, что дети и такие взрослые нуждаются друг в друге, в общении на самом высоком уровне человечности.

А мы, каждый из нас, разве не нуждаемся в этом? Если нет, значит, просто не доросли, значит, еще стоим на низком уровне в той области человеческого творчества, где все мы просто обязаны быть мастерами, – в области человеческого общения. Ведь каждый из нас живет среди людей, и многое в жизни (от семейного счастья до успехов в любом деле) зависит от того, умеем ли мы относиться друг к другу по-человечески. Этому учит жизнь с детьми, внуками – от их рождения до взрослости.

Давно известно: лучшая школа – это сама жизнь. В таком случае «дети для родителей – это наиболее сложный предмет жизненной школы» (Ф.Ким, Ташкент). Хорошо сказано! Я бы только добавила: и самый необходимый.

Конечно, все мы учимся и у своих родителей, и у старших, и из книг; наконец, все искусство – об этом: как протянуть друг другу руки, понять себя и людей. И все же, по-моему, по преобразующей силе воздействия на человека ничто не может сравниться с... собственными детьми.

Люди, взрослея, часто утрачивают многое из того, чем так богато детство: непосредственность, свежее восприятие мира, неумную любознательность и интерес к жизни, бескорыстие и глубину чувств... Общение с детьми заставляет как бы вернуться к этому животворному истоку жизни, постоянно поверять взрослую трудную жизнь надеждами и мечтами детства и юности. Кроме того, дети, живущие

рядом, – это твое постоянное отражение, которое не сфальшивит: каков ты, таковы и они. Этого не может дать никакое искусство. Никакое самое разнообразное общение со взрослыми этого тоже не дает – слишком осложнено оно всевозможными условностями, знаниями, званиями, корыстными соображениями. Среди взрослых волей-неволей «играешь роль», а с детьми да еще в ежедневном «околовращении» все парадные мундиры слетают, остается человек как он есть.

В педагогической литературе мне часто в разных вариантах встречалась одна и та же мысль: воспитатель должен постоянно следить за собой, воспитывать себя, подавать детям пример. И мне всегда от этой вроде бы правильной мысли становилось не по себе: быть только на высоте? Вести себя только образцово-показательно? Я давно поняла, почувствовала, что главное условие контакта с детьми – искренность, с ними надо быть самим собой. Это меня всегда выручало. Однако как спорить с авторитетами?

И вдруг в «Календаре для родителей» (1982, с. 57) читаю: «Правильное воспитание детей в том, чтобы дети видели своих родителей такими, каковы они в действительности» (Дж. Б. Шоу). А позже в воспоминаниях Т. Сухотиной-Толстой нахожу: «Пожалуй, правду говорят папа и князь, что надо делать так, как хочется, чтобы тогда, когда сделаешь дурно, чувствовать это. А если всегда делать хорошо, то делаешься собой довольна, и это очень противно». Как обрадовалась я этим мыслям! Ну конечно, старание быть лучше, чем ты есть на самом деле, приведет к самодовольству, самоуверенности, а открытость, естественность заставит и успех, и ошибку пережить, перечувствовать, а значит, чуть-чуть измениться к лучшему. Ведь по ответной реакции детей всегда можно определить и свои промахи, и свои победы в сложном деле налаживания отношений. Ох, и трудны бывают «детские» уроки! Мобилизуешь все для их решения: и чувства, и интуицию, и разум... Зато если получится, прямо-таки физически ощущаешь: еще чуточку человека в тебе прибавилось. И в детях твоих тоже... Если бы я сама этого не испытала, не поверила бы.

### ***БАБУШКИ, ДЕДУШКИ...***

Добрые письма о них – настоящая поэма о целом поколении людей, юностью которых был Октябрь, зрелостью – Великая Отечественная, а старость встретила с началом космической эры. Какая жизнь... живая история, источник великой стойкости, мудрости и доброты, нравственная опора и защита. «У меня завтра экзамен, – пишет Н. Завадская (Воронеж), – но я все отложила – не могу не написать вам о самом моем любимом человеке – бабушке». У А. Лисунова (Рязань) всегда с

собой бабушкина фотография, и хоть бабушки нет в живых, она и сейчас для внука – его совесть и руководитель в жизни.

Хорошо это устроено: с детьми мы живем как бы вторую жизнь, а с внуками начинаем третью. Дети растут среди старших. Дедушка, по выражению семилетнего человека, – это учебник для внуков, у него можно многому научиться, а старикам легче переносить невзгоды старости, если рядом кипит молодая жизнь, устремленная в будущее. Так? Очень хотелось бы, чтобы так было, но...

Вот что наблюдала я однажды во двореке пятиэтажного дома. Сидят на скамейке рядом старушки, на солнышке греются. Кто подремывает, кто разговаривает потихоньку с соседкой, кто без особого любопытства поглядывает на знакомую до мелочей площадку перед домом, прохожих, на несуетливых сытых голубей... Но вот пожилая женщина торопливо катит коляску с малышом, да еще мальчонку за руку ведет. «Петровна! – окликают ее со скамейки, – хоть бы вышла к нам, посидела, а то все бегом, бегом». «Куда там... – отвечает та, – дел еще много...» «Все равно спасибо не дождешься... – ворчит ей вслед одна из сидящих, – хоть костью ляжешь, а спасибо не скажут...»

Ей возражают: «Да нет, у нее молодые-то хорошие, уважительные, не обижают, чего зря-то...» – «Хоро-о-шие, уважительные – как же! – не унимается старуха. – Ребят подкинули бабке, а самих и дома не видать: то у них собрание-заседание, то кино-поход, то в отпуск куда-нибудь завихрятся, а бабка – нянчи: спи-недосыпай, ешь-недоедай. Вот как нынче молодежь-то устраивается: родили – и горя мало! Разве это родители?» «Да ты сама недавно с внуками сидела!» «Ну, не говори, – она горделиво поправляет платок. – Со мной так: где сядешь – там и слезешь. Я с внуками один день в году, да и то еще попроси – подумаю, а Петровна сама навязывается; идите, детки, идите – вам отдохнуть надо, я управлюсь... А сама едва ноги таскает...»

На скамейке оживление. Чувствуется, что тема эта привычна, без конца обсуждается здесь, но вопрос остается больным и открытым: как быть с внуками?

Каждый решает эту проблему по-своему. Тут есть свои крайности, одинаково поражающие своей бессердечностью. Одна из них вот эта: молодые родители с беззаботностью кукушки подкидывают своим старикам (а «старикам» иной раз и пятидесяти нет) неизвестно зачем рожденное дитя и ограничивают свое участие в его воспитании только денежными переводами (да и то не всегда) или такими вот замечаниями: «Ты, мать, его перекутываешь да балуешь чересчур – по старинке все. На-ка вот книжки, почитай, как нынче воспитывать надо...» – «Да ведь стара я по-новому-то начинать, – робко возражает бабушка, – как умею, так и делаю. – И не без надежды намекает: – Вот сами бы и почитали книжки-то...» «Что ты, мать! Сама

знаешь – не до детей нам, а тебе все равно делать нечего, да и повеселей тебе с ним...»

Другая крайность: «Можешь своей старухе сказать, чтоб и духу ее в доме не было: ее до ребенка допускать нельзя – чему она его научит? Только голову всякими небылицами забивает да сладостями пичкает. И в придачу еще нас учит. Хватит! И ребенка к ней не пушу, и она пусть к нам дорогу забудет». – «Да как же, Коля, бабушка ведь. Витюшка ее любит, да и мне по дому помощь...» – «Лучше я сам помогать буду, а ребенка не дам портить! Да смотри, если узнаю, что тайком малого к бабке водишь... А ты, сын, не горюй, проживем и без бабки, на что она тебе – старая да бестолковая».

Вы видели когда-нибудь глаза бабушки, которая смотрит на внука только издали, – сколько в них затаенной горькой обиды и беспомощной тоски!

Еще один вариант человеческой черствости – тот самый, что у сварливой бабушки на скамейке: «Ты меня попроси, а я еще подумаю!» Но та хоть «день в году» с внуком сидит, а ведь есть такие, что и того не хотят: «Я, сынок, свое отнянчила, с меня хватит. Мне никто не помогал, и твоя краля тоже не переломится. А как же, пусть знает, как детки-то достаются». – И сидит себе днями и вечерами перед домом, благо есть с кем поговорить-посудачить – не одна ведь на скамеечке.

Все это, конечно же, крайности. Ну а что между ними? Да тоже не очень-то радостно. Припомните-ка, сколько вы знаете семей, где со стариками живут дружно? Да и в письмах чаще пишут о другом: в одной семье старики, родители, дети и – постоянная, то явная, то скрытая вражда между ними. А вину валят друг на друга.

Молодые о старших: «Шагу не дают ступить без указки. Только и слышим: «Мы не такие были...» Но ведь мы-то не в прошлом времени живем – не понимают, зудят и зудят! Из-за ребенка только и живем вместе – никуда не денешься».

Старшие о молодых: «Ни приветов от них, ни уважения; ляжешь отдохнуть, а они хоть бы потише заговорили... все поперек делают, а уж рассказать что-нибудь, поделиться горем-радостью – этого и в помине нет. Все молчком. Внуку жалко, а то ушла бы куда глаза глядят...»

Кто же из них прав? Думаю, и те, и другие. И в то же время и те, и другие страшно, ужасающе неправы, потому что каждый печется прежде всего о себе, не желая вникнуть в переживания, намерения, мысли другого, тем самым создавая в семье напряженную, невыносимо враждебную обстановку, которая губит все ростки человечности, доброжелательности, чуткости в подрастающих здесь детях. Говорят: «внучат жалко...», «из-за детей вместе живем...» А хуже всех приходится от этого недоброго сожительства как раз детям, внукам.

Вот горький рассказ: «Сколько помню, бабушка всегда жила с нами, но сама по себе: питалась отдельно и не дружила с мамой. Папа очень любит маму, но он любит и свою мать. Атмосфера в доме тяжелая, все молчат. Мама часто лежит в больницах. Врачи говорят: всё на нервной почве. Бабушка не переставая твердит, что она устала жить, хочет умереть. Целыми днями читает газеты и книги. Устанет от них – ложится спать. А вечером, когда собираемся все мы, она опять стонет о своем здоровье. Папа от нее устает, но не находит выхода. Нам жаль всех, но маму – нет слов выразить как.

Ну и зачем же в доме такая бабушка? Чтобы болела мама, чтобы страдал папа? А мы, дети, чтобы ненавидели всех стариков? Это несправедливо.

В семье должен жить человек, любящий будущее поколение, своих внуков, детей, правнуков. Старость – это мудрость, это жизненный опыт, это тепло и уют дома. Как бы мы любили такую бабушку!» (Алеша Г. Хорог, Таджикская ССР).

Так хочется верить, что вместе должно быть лучше, чем врозь. В самом деле, каково старикам, тяготящимся своим одиночеством и ненужностью вдали от внуков и детей! Но каково и работающим родителям не знать целый день, как без них живут дети. В чем они себя проявили, во что играли, с кем дружат, кого боятся, из-за чего ссорятся, почему плакали, чему радовались, чему научились. И ничего не узнать об этом ни вчера, ни сегодня, ни завтра, да и видеть-то их только сонных по утрам и усталых по вечерам... Ни сказки рассказать, ни песенку перед сном спеть, ни делом всерьез заняться и уж, конечно, ни выслушать каждого толком... Да, очень нужен в наше стремительное суетливое время такой человек в доме, который бы никуда не спешил, не находился бы в вечном цейтноте и раздражении, который всегда бы выслушал и ребенка, и взрослого, посочувствовал ему, защитил, рассудил. С ним можно и что-то поделаться не торопясь, и почитать книжку или обсудить какую-нибудь историю, и просто помечтать о чем-нибудь. И ребенок постоянно ощущает, что и он бабушке нужен, что ей необходимы его забота и помощь.

Почему нам вместе так трудно живется? Есть для этого и объективные причины. Нынешние эмансипированные бабушки приспособлены больше отдавать себя делу, которому служат, а не людям, с которыми живут. «Они, – пишет Н. Введенская (Новосибирск), – не с прошлым веком связаны, они – наши современницы. Многие становятся ими в 40 лет, когда еще сами работают, учатся. И уж во всяком случае им нельзя в споре ответить: «...в ваше время» и т. д. Иная бабушка – мастер на заводе или стройке, профессор в вузе, хирург, руководитель.

Можно ли такой бабушке сказать, что ее время прошло, ее взгляды устарели, ее обязанность – нянчить внуков!?»

Все правильно. Только последняя фраза изумляет меня своей нелогичностью: разве нянчить внуков бабушке стоит лишь тогда, когда время ее пройдет и взгляды устареют?

А я-то мечтаю о том, чтобы наши дети доверили нам нянчить внуков. Не свалили бы их на нас с легким сердцем, чтобы избавиться от родительских хлопот, и не принудили себя оставлять детей с нами потому, что больше не с кем. Нет, именно захотели бы с нами вместе растить своих детей. Мы готовы всем, чем можем, им помочь. Ну а разногласия, взаимные обиды – как их избежать? Когда-то я думала: мир в семье зависит от старших. Поэтому исподволь присматривалась, наблюдала, какой должна быть бабушка. Завела даже такую тетрадку: «Какой не надо быть в старости». Между прочим, был там и такой совет самой себе – будущей: «Никогда не пользуйся аргументом типа: «А вот мы в свое время...» И не говори взрослой дочери: «Я бы на твоём месте...» Все дело в том, что надо не себя представить в ее ситуации, а саму ее с ее возможностями, характером, опытом – и при этом не столько советовать, сколько поразмышлять вместе...»

И вот я – бабушка. По-прежнему считаю, что от старших зависит многое в семье. Но теперь обнаруживаю такой вот современный жизненный парадокс: моральной ответственности у старших, как и прежде, больше, чем у молодых (еще бы: опыт позволяет видеть и предвидеть так много), а прав – куда меньше: видеть-то видим, а распоряжаться не можем. Только советовать, да и то когда спросят...

Снова, как и в проблеме «иметь или не иметь детей», выступает на первый план не материальная нужда и зависимость друг от друга, не обязательность традиционного почтения к старшим, а духовная потребность близких людей в любви и заботе, в передаче и усвоении опыта, нравственных ценностей жизни, которые не устаревают.

Какими же любящими, мудрыми и доброжелательными надо быть нам, старшим, чтобы молодые захотели посоветоваться, «поразмышлять с нами вместе». И какими же благородными и благодарными должны быть молодые, чтобы они смогли понять и принять лучшее из нашего трудного опыта, умели прощать наши слабости и ошибки, неизбежные в любой жизни!

Что же «вынесем за скобки» мы на этот раз? **Связь поколений** – так я сформулировала бы это важнейшее условие нашего общего счастья. От него зависит, чтобы наши дети не выросли Иванами, не помнящими родства. Жалок человек, не знающий, не чувствующий своих корней на земле. Недаром когда-то, чтобы сделать человека покорным и слабым душой, превратить его в манкурта – послушного безропотного раба, – жестокие завоеватели отбивали ему память. Запомним это.

Кстати сказать, во многих ли семьях, хотя бы в альбомах, сохраняются портреты тех, кто стоял у наших колыбелей? И храним ли мы их письма, дневники? И рассказываем ли о них нашим детям, внукам? Как бы не спохватиться слишком поздно!

## **ЧУЖАЯ РОДНЯ**

Двое, соединяясь, делают родными два клана родственников, чужих друг другу людей. Какое участие они принимают в создании новой семьи до свадьбы и после нее? Когда-то родня определяла почти всё: благословение отца и матери – не получив его, мало кто решался соединять свою судьбу; приданое – без него молодую семью ожидала нищета; жилье – родня решала, где, с кем жить; воспитание детей – попробуй сделай не так, как принято. Конечно, много здесь кондовой унижительной зависимости, доводящей людей до отчаяния. Недаром в народной песне поется: «Милые родители, сваха да родня, лучше бы, мучители, извели меня...»

Теперь многого и в помине нет. Благословение, например, совсем не требуется. У матери и отца никто не только согласия не спрашивает, их даже в загс не приглашают. Хорошо ли это? Думаю, нет. Если отвлечься от религиозной подоплеки этого обряда, обнаружится его очень, на мой взгляд, важный смысл, во многом определяющий прочность, надежность будущей семьи, ее жизнеспособность. Что такое любовь двух молодых? Как правило, это все-таки нечто очень далекое от реальных представлений о семье, ее трудностях, ее великой социальной миссии в воспитании детей, об обязанностях друг перед другом. В этой любви очень большое «хочется» и совсем маленькое «надо». А люди, которые имеют опыт семейной жизни, прекрасно знают, что в семье всё наоборот: на долю «хочется» выпадает не так уж много, зато «надо» бывает сплошь и рядом. Как же такое ответственное дело, как создание семьи, поручать людям неопытным? Ошибки – и трагические – здесь почти неизбежны. Вот тут-то и должен подключиться опыт старших, который поможет многое предотвратить, исправить, вовремя поддержать, укрепить. Важно лишь одно: никакого самодурства! Это должна быть школа доброты и деликатности, школа подлинной человечности чувств и отношений. Должна быть, а как бывает?

Вспоминается мне один случайно подслушанный разговор. В парке под большим деревом, кроме меня, спасались от дождя двое влюбленных. Они говорили, смеясь и перебивая друг друга, не слишком заботясь о том, что их кто-то услышит. «Как странно, – вдруг сказала девушка. – Твоя мама мне будет свекровь, а моя тебе – теща. А я... сноха или как там еще? Невестка? Ну и словечки, кто их

только выдумал? – Она поморщилась: – Не хочу быть снохой!» – «И не надо, – засмеялся парень, – ты будешь дочкой. А мамы у нас будут мамами – и никаких тещ!»

Взявшись за руки, они запрыгали через лужи, и весело было смотреть на них. Потом мне стало грустно: «Мама – и никаких тещ»? Такого, наверное, и не бывает.

А вот читаю письма, удивляюсь и радуюсь: оказывается, бывает! «Кому свекровь, а для меня – родная мамочка. Подруги завидуют мне» (М. Корякина, Челябинск). «Моя теща – самая лучшая женщина на свете. Я зову ее мамой» (Ю. Кошелев, Волгоград). «Мне хочется рассказать о своем зяте, хотя трудно его так называть, скорее это редкий родной сын» (И. Школьникова, Одесса). «Доченька, ласточка моя – вот кто у меня Надюша, выбрал же сынок мне такое утешение на старости лет!» (А. Семенова, Липецкая область).

Читать эти письма – истинное наслаждение, потому что в них – оцененная по достоинству человеческая доброта, не та «доброта», «что когда у соседки что-то случилось – посидели, погоревали, а ушли и все забыли, а та, что принимает чужую боль за свою, помогает, чем может, и радоваться умеет радостью другого больше, чем своей» (О. Богданович, Свердловская область). И чувство благодарности – как хорошо, что на него не скупятся люди: «Спасибо ей за то, что она есть...», «Как холодно на свете без таких людей...», «Все-все готова для нее сделать...», «С ней так хорошо, что даже лучше, чем хорошо!»

«Ей... она... для нее...» – речь все о женщинах.

...Все чаще встречаю я сейчас женщин деловых, энергичных, знающих и умелых. И все реже – добрых, умеющих сопереживать, понять без слов, утешить и вдохновить другого, словом, таких, о ком написаны эти письма, лежащие передо мной. Мне стало любопытно: а кто они, эти счастливые женщины? Читаю в одном письме: «Моя свекровь – малограмотная женщина – вырастила восемь детей...» В другом: «У моей тещи двое сыновей, трое дочерей, сама она образования получить не смогла...» В третьем: «Она всю жизнь работала – не до учения ей было – пятерых детей растила без мужа...»

Интересно получается... Я стала раскладывать письма в две стопки: «ученые» и «неученые». И – к моему величайшему удивлению! – вторая стопка быстро росла, а в первой так и не набралось больше пяти писем. Наверное, наша целеустремленность, увлечение своим делом заставляет предельно сосредоточиться на нем – иначе ничего не достигнешь! А потом еще хозяйство, быт – на него уходят последние силы. И выходит: рядом живущие люди с их волнениями и заботами отодвигаются на какой-то дальний плен, в суете перестаешь их понимать, да и сам становишься им, в общем-то безразличен... Те простые женщины, наверное, умеют

к каждому отнестись по-матерински, утолить жажду ласки, внимания и вызвать к себе ответные добрые чувства. Но разве нам, образованным, это не нужно? Нужно, и еще как!

С одной стороны, каждый из нас все больше жаждет самого избирательного личностного внимания, и эта потребность будет расти, потому что мы делаемся сложнее, развитее, а значит, чувствительнее, ранимее. А с другой стороны, мы, погруженные в пучину бесконечных (разумеется, важных и неотложных!) дел, все больше теряем способность удовлетворять эту потребность: наше общение становится суше, стандартнее, примитивнее, нам не до тонкостей! А рядом с нами растут дети. И для них наши семейные отношения – школа общения, уроками которой они волей-неволей будут руководствоваться всю жизнь. Что же они усвоят в этой школе? Какой язык общения мы им передадим? Боюсь, что дальше минимума он не пойдет: «Здравствуйте – до свидания – спасибо – пожалуйста – уступи тете место, сними шапку...» А увидеть огорчение в глазах сестренки, почувствовать усталость в походке матери – кто этому научит?

«Мама, мама, смотри, как здесь смешно написано: «глаза кричали», разве могут глаза кричать?» – смеясь, спросила девочка лет шести. Она сидела рядом с мамой в электричке и заглядывала в книгу, которую та читала. Мать огорчилась: «Глупышка, читать ты уже научилась, а не знаешь, что глаза могут не только смотреть и плакать, но и говорить, и кричать, и о человеке могут рассказать: хороший он или так себе, глупый или умный, добрый или злой... И что он чувствует, тоже расскажут. Вот я сейчас по твоим глазам вижу: ты мне не веришь, так?» Девочка удивленно подняла брови. «А теперь ты удивилась: как, мол, это я узнала, а вот сейчас смутилась, верно? А ну-ка угадай, что тебе скажут мои глаза?» Девочка с любопытством уставилась на мать, а та сощурила глаза в ласковой улыбке. «Ты меня любишь...» – неуверенно протянула девочка. «А так»? – мать грозно нахмурила брови, хотя глаза ее продолжали смеяться. «Ты сердишься?.. Только понарошку!» – торопливо добавила девочка, и обе рассмеялись довольные. «Давай еще так поиграем», – попросила девочка, но мать остановила ее: «Потом. Глазами надо разговаривать без слов, а мы с тобой разболтались, другим мешаем». Остальное время они ехали молча, лишь иногда взглядывая друг на друга и улыбаясь – «разговаривали глазами».

Мы уклонились от темы? Нет! Вот письмо: «Зачем она мне – родня-то? – спрашивает Николай Х. из Харькова. – Только и слышу: родню надо уважать, родню надо ублажать. Вот у меня есть Петро и Генка – друзья, девчонка есть хорошая – женюсь скоро, мать, отец, сестра – вот моя родня. Других прочих знать не хочу!» Как претит этому молодому человеку меркантильный подход к родне. Не

хочет он никаких родственных протекций, экономической и моральной зависимости от родственников – этим, признаюсь, он мне очень симпатичен. Но настораживает его категорическое: «Остальных прочих знать не хочу!» А мать «хорошей девчонки», самый близкий ей человек? А будущий муж родной сестры? Неужели и их «знать не хочу»? Да это же эгоизм чистой воды: дорожу только теми, кто мне самому нужен. Нет, так тоже не годится. А что годится? И для чего вообще нужна в наше время родня?

Когда-то это понятие четко определяло: это свой, остальные чужие. И в мире насилия, где царил закон «человек человеку – волк», это было необходимо. Так обеспечивалась защищенность каждого человека и особенно ребенка во враждебном и холодном мире. Мы хотим построить мир, где «человек человеку друг, товарищ и брат». Вдуматься только – брат, то есть самый близкий, родной человек, с которым вырос, которого знаешь, как самого себя.

В сложнейшем деле воспитания нового человека родственные отношения должны, на мой взгляд, сыграть особую роль, отличную от прежней. Чужие люди вдруг становятся для тебя своими. Непривычно, неловко сначала, но, желая хорошего своему, постараемся полюбить тех, кто ему близок, почувствовать его чувствами. Трудно? Конечно. Но – надо! По крайней мере надо очень постараться. И тогда родной дом для каждого ребенка станет той эмоциональной нравственной средой, очень индивидуальной, очень личной, в которой разовьется его чувство доверия и любви сначала к своим близким, потом к землякам, к соотечественникам... чтобы с каждым можно было «разговаривать глазами».

Вы считаете это необязательным? Хватает дружеских связей, сослуживцев и «нужных» людей? И вообще эта идиллия маловероятна и выглядит слишком приторно? А вы попробуйте вспомнить о брате не тогда, когда на даче надо делать забор, а просто так, ради него самого. Может быть, когда-нибудь такое будет не исключением, а правилом? Пока же пусть останется личным делом каждого.

## ***ДЕНЬГИ В СЕМЬЕ***

Деньги – казалось бы, проза жизни: расчеты, подсчеты, счета. А письма неожиданно говорят другое: «Тема эта весьма деликатна, касается порой и самых тонких струн души, и самого заветного, и самого больного» (Р. Сорокина, Москва).

Горький опыт... В молодой семье деньги делятся на «папины» и «мамины». И вот реплика любимицы отца, пятилетней Аллы, у которой младшая сестренка отобрала книжку и собирается ее разорвать: «Папа, не забирай у Оксаны книгу, пусть она ее рвет, ведь это мама купила...» (Г. Н., Николаев). Или вот: «Отец не пьет, зарабатывает немало, но чуть что не по его, не приносит домой ни копейки.

Вечно мать бегают по знакомым, выпрашивает пятерки и трешки – лишь бы дотянуть до своей получки. И постоянные попреки, скандалы. Я сначала переживала, а теперь знаю наперед, кто в семье что скажет. Боюсь самостоятельной жизни. Вдруг и у меня так же будет. Я ведь не знаю, как надо» (Татьяна Т., Черновцы).

Еще вариант: «У многих заведено: все деньги у жены, и она распоряжается ими, как ей заблагорассудится. Это опасно, если любовь матери слепа и не имеет границ или если женщину одолела страсть к вещам, к тряпкам, модным интерьерам и т. п. Да и просто противно, унижительно получать из рук жены «ежедневно на обед и папиросы», как мальчику на мороженое» (И. Н., Барнаул).

Для тех же, у кого «нет проблем», главным оказывается то, что все в семье «гребут в одну сторону» – дружно, согласно, каждый по своим силам. Складывалось это не сразу и по-разному. У одних главным семейным бухгалтером становится мать. У других деньги поделены: у матери на питание, у отца – на все остальное. У третьих они могут лежать в одном месте, доступном для всех. А у четвертых сразу после получки деньги распределяются по «статьям» или «фондам»: питание, личные фонды, книжный фонд, фонд быта и т. д.

Но абсолютно для всех, кто добился хорошей организации семейного бюджета, характерно вот что: гласность (все знают, откуда и сколько денег в семье), участие всех, в том числе и детей, в распределении средств и полное взаимодоверие («все знают, где деньги лежат»), Вот это последнее мне кажется главным, никто не чувствует себя униженным, обделенным.

Карманные деньги для детей в этих семьях – не проблема: «А зачем они? У меня и так есть все необходимое, а лишнего мне не нужно»,

Хорошо, правда? С чего же это начинается? Может быть, с этого: «Однажды пошла я с четырехлетней дочкой в магазин. Там были дорогие конфеты. Она стала их просить, капризничать. Некоторые покупатели возмутились: «Жалко купить ребенку конфет? А еще мать!» Я попросила дочку выйти со мной на улицу и посчитать деньги. Спокойно объяснила ей, что лишних денег у нас в этот раз нет. Куплю ей конфет в другой раз.

Сейчас дочери уже 10 лет и она, когда идем в магазин, обязательно спросит: «Мама, у нас есть деньги, хватит их?» и предлагает сама, на чем мы можем сэкономить» (Т. Целунова, Тула).

Девочка не стесняется быть бережливой – прекрасно! Но как ей укрепиться в этом качестве, если в школе, во дворе, в лагере она попадет в ситуацию, о которой рассказала в своем письме учительница С. Голубина (Рыбинск, Ярославская область): «Часто бываю со школьниками на экскурсиях. Обычно прошу ребят не

брать с собой лишних денег. И что же? Всегда денег у детей больше, чем нужно. Запомнилась мне экскурсия с третьеклассниками на ГЭС. Тогда на все расходы требовалось по 20 копеек. Однако у большинства детей было по рублю, а то и по три рубля. Они стремились их истратить...

На обратном пути у ребят спрашивала, зачем взяли так много денег. Почти все мне ответили: к чему, мол, их беречь, дома денег достаточно. Тем детям, у которых оказалось только по 20 копеек, стало неловко перед сверстниками, и они выпрашивали у них займы, чтобы не отстать в расточительстве...»

Вот это – страшно. Чем? Ответ – в письмах: «Дети живут за счет родителей до 20 лет и дальше, привыкают все тянуть с них. Удивляешься порой, с какой бездумностью дети требуют (не просят, а требуют): «Дай рубль, дай два!» А то и все десять. И родители дают. Иногда работают по две-три смены, чтобы обеспечить детей модными вещами, карманными деньгами... А если родители отказали в деньгах своему дитяти, то оно садится и пишет в «Комсомольскую правду» слезное письмо, что его родители не любят, хоть из дому уходи... Да, дети у нас, к сожалению, поставлены в положение иждивенцев. Это не их вина. Попрекать их за это («Заработай сначала, а потом трать») – низость, но поощрять иждивенчество, усугублять его беззаботным, безудержным потребленчеством – нравственное преступление; таким способом можно не только из своих детей вырастить обузу для себя и для общества, но и – что в тысячу раз вреднее! – способствовать превращению захребетничества в норму жизни.

Есть и еще одна сторона в воспитании, связанная с деньгами. Мне она кажется одной из важнейших.

...Внук наколот бабушке дров, она ему – конфетку или монетку: «Купи себе пряничка». Соседка просит девочку за молоком сходить; «А сдачи не надо, сладенького чего-нибудь себе купи». Вижу однажды: парень лет пятнадцати перетащил старушке мешок через подземный переход. Она достает мелочь, сует ему. И он берет! Оказывается, чувство благодарности, желание помочь может быть соизмеримо с... двугривенным? А чувство уважения – со стоимостью коробки шоколадных конфет? Дружба «стоит» бутылки коньяка, а любовь – кооперативной квартиры?

Стоп: ведь всегда делались попытки купить все, но всегда эти попытки кончались неудачей. Любовь, дружбу, уважение, благодарность – все, чем счастлив человек, – можно получить только за любовь, дружбу, уважение, великодушие, за деньги их не купишь.

Вернемся все же к «прозе жизни». Здесь остался один существенный вопрос: как быть, если денег катастрофически не хватает? Должны ли помогать молодым

родители? Обычно жалоба на нехватку средств у меня не вызывала доверия: часто это связано просто с неумением упорядочить траты, обуздать желания, использовать все купленные продукты по назначению – вовремя и без остатка. Да и вообще мне казалось: больше опасности представляют собой лишние деньги, особенно не заработанные тобой. Но вот письмо из Перми от Нины К. заставило меня отойти от жесткой предвзятости в решении этой действительно непростой проблемы.

«Пожились мы рано и, как это часто бывает в таких случаях, без родительского согласия. С тех пор от родителей мужа никакой помощи. Теперь я думаю: зачем нам это было нужно? Не лучше ли было подождать года три, как этого требовали его родители?»

Мы оба работаем. Окружающие нас люди удивляются, восторгаются: какие молодцы, самостоятельные, сами себе хозяева. Мы тоже дружно киваем головой: «А как же, так оно и есть». И хоть бы кто-нибудь знал, чего нам это стоит. Муж учится, работает и никак не может расстаться со своей легкой атлетикой, значит, еще тренировки. Арифметика простая: все домашнее хозяйство, сын, мой институт, моя работа – забота моя. Нет, муж не лентяй, просто его физически не хватает, это же понятно. Мы не имеем отпусков: ни он, ни я. У нас нет такой возможности. Изредка мы вырываемся в кино, театр (до безумия люблю театр), но это бывает как праздник и так редко, что больно и обидно вспоминать.

Мы бьемся как рыбы об лед, чтобы прокормить себя, нашего сына и как-то одеться (к сожалению, вещи не только выходят из моды, а еще и изнашиваются). Я стала бояться, что нас сломит такая жизнь. Уже нередкими стали ссоры, я чувствую, как оба мы заводимся по пустякам. И я боюсь: а вдруг это постоянное мелочное, неважное убьет нашу любовь?»

И я боюсь. Это же ненормально: люди хотят, но пока не имеют возможности обеспечить семью самым необходимым. Да конечно же, здесь нужна, просто необходима помощь!

Должно быть желание (необходимость) и возможность зарабатывать. Эти два условия совершенно необходимы для нормального существования семьи. Несоблюдение хотя бы одного из них ведет к катастрофе.

Есть желание, нет возможности – это изматывает физически и духовно, делает человека зависимым, униженным, озлобляет и может толкнуть на преступление. Здесь помощь необходима.

Есть возможность, но нет желания и нужды – это морально разлагает, ибо порождает паразитизм, превращает человека в вымогателя и потребленца, ищущего легкого заработка. Здесь подачки доброй родни – преступление.

Если бы только знать, что есть что. Это определить, оказывается, не так просто. Довериться? Да, конечно. Лучше, наверное, обмануться в ожидании, чем обмануть доверие. А вы как думаете? Я вспоминаю такое: когда В. М. Шукшину пришлось туго материально, мать продала дом, чтобы помочь ему. Скажете: то Василию Макаровичу Шукшину... Но ведь есть тут и обратная связь: таким сын вырос, потому что у него была такая мать.

## **ТРУДНЫЙ ВОЗРАСТ**

...Солнечный субботний день. Копошится народ вдоль дороги, кто с граблями, кто с лопатами – субботник. А я иду мимо – у меня рабочий день в библиотеке, и мне надо торопиться. И все же не удерживаюсь, останавливаюсь, смотрю.

Несколько мужчин грузят на машину мусор – разбирают свалку. Рядом с одним из них мальчонка лет четырех, суетится, бегаёт, подает что-то отцу. На нем сапоги, старенькое пальтишко, рукавицы – настоящий «мужичок с ноготок», сразу видно: вышел человек работать. Отец похваливает его, и тот старается вовсю. Вдруг малыш присел на корточки и замер. «Папа, папа», – позвал он минутку спустя. Негромко позвал, видно, боясь кого-то спугнуть. Отец тотчас отозвался, подошел к нему и тоже присел на корточки. Минуты две-три они сосредоточенно наблюдали за чем-то, потихоньку переговариваясь. «Ну, ладно, перенеси, только осторожно», – разрешил отец и вернулся к работе, а мальчик захлопотал с какими-то веревочками и бумагой, потом перенес что-то к забору, в безопасное место. «Жука спасает, – улыбнулся отец, – лопатой, говорит, зашибут, он маленький, не видно его».

Мальчонка около жука не задержался, вернулся снова к работе, только изредка подбегал посмотреть, цел ли жук. Потом радостно сообщил: «Уполз, в травку уполз». «Хорошо, ты его больше не трогай», – опять сразу откликнулся отец. Они с сыном были словно настроены на определенную волну: продолжая работать вместе со всеми, видели и слышали друг друга постоянно.

«Вот у этого парня, – неожиданно подумалось мне, – никакого трудного возраста не будет, ни через 3 года, ни через 10 лет. Факт». Я иду дальше в приподнятом настроении: мне нравится улица, дружная работа кругом, солнечный денек. И вдруг слышу сзади истошный вопль:

«Ма-а-ма!» А навстречу мне уже грузно бежит молодая женщина с испуганными глазами. Я оборачиваюсь, хочу бежать туда же, но ноги сами останавливаются... Лежит на боку трехколесный велосипед, лежит на боку человек лет пяти от роду и, не делая попытки встать, требовательно орет: «Ма-а-ма!» Сразу видно, что он не ушибся, даже не испугался – просто недоволен, что «скорая помощь» замешкалась где-то и не поднимает его сразу. Мама подхватывает

ревущего сына, мама правильно ставит велосипед, мама не без труда приподнимает «пострадавшего» и усаживает его на седло. Ногами, однако, он начинает двигать сам, но мама семенит рядом и, придерживая руль, виновато приговаривает: «Я тут, я тут, не волнуйся...»

А я подумала: «У этого чада трудный возраст уже наступил...»

Причем, ну при чем здесь вообще возраст?!

Сейчас много пишут о подростках, и ни одна книга или статья не обходится без слова «трудный»: трудный возраст, трудности в переходном периоде, трудно найти подход и т. п. и т. д. Успели уже общими усилиями не только себе, но и самим ребятам внушить, что все эти трудности неизбежны и даже закономерны. Моя тринадцатилетняя дочь, всегда раньше меня успевающая прочитать всевозможные статьи на педагогические темы, когда что-нибудь не по ней, морщит нос и нарочито обиженным тоном заявляет: «У меня трудный переходный возраст. Ко мне нужен особый подход, а ты...» Она, конечно, шутит, но все-таки и слегка надеется на поблажку: а вдруг? Но этого «вдруг» от меня не очень-то дождешься – я просто не верю в фатальную неизбежность трудностей этого «самого-самого» переломного возраста. В этом убеждает жизнь многих семей, знакомых мне, да и собственный опыт. По-моему, каждый возраст сложен и интересен, а трудные моменты бывают – независимо от возраста! – с первых дней жизни человека до последних.

И всё же, всё же – никуда не денешься – именно вокруг тринадцати–семнадцатилетних сейчас больше всего сосредоточено родительских тревог, огорчений, растерянности и обид: «Эгоисты, только о себе и думают. Все им дай, дай, дай. Сами же помочь не догадаются», «Курят, даже девчонки! Дерзят на каждом шагу – никакой управы на них...», «Ничем не интересуются, книг не читают, даже телевизор не смотрят, им бы только болтаться где-то с приятелями до полуночи – время убивать...»

И объяснение, напрашивающееся как бы само собой: «От безделья это. Слишком легко все им достается – на готовеньком живут. Мы-то в их возрасте...» Справедливо? Вроде бы да. Дети, попадая с самого начала в условия полного благополучия, ни разу не изведав, почем фунт лиха, и не зная цены трудовой копейки, действительно быстро становятся барчуками со всеми вытекающими отсюда последствиями. Юрий П. из Калинина прислал настоящую «Исповедь» современного Обломова.

«Хорошие дети – это «дешевые» дети», – услышала я однажды от очень доброго и проницательного человека. Я согласилась с ним сразу: сама наблюдала избалованных детей в так называемых обеспеченных семьях. И все-таки точило

меня какое-то неясное сомнение: выходило, что бедность – не только не порок, но и необходимое условие нормального воспитания? Что-то тут не так. А что?

Два года тому назад попала мне в руки (спасибо одному хорошему человеку) удивительная книжечка, неброская такая и совсем далекая от педагогической тематики: И. Чутко. «Красные самолеты» – документальный рассказ о жизни одного, пока, к сожалению, мало известного нам человека. Я перечитывала ее несколько раз и не переставала удивляться. «В детстве, в родительском доме, Роберто имел все, что только могла пожелать душа, и вскоре привык к этим возможностям»... «гуляет с собакой, старой умной Алисой, в саду при вице-губернаторской резиденции... поднимается по мраморной лестнице дома, идет в отцовскую библиотеку, куда вход разрешен только ему», «катался по дорожкам верхом на пони»... «мог в любое время, если ветер был не слишком крепок, выйти в море на вице-губернаторской двухмачтовой шхуне»... «захотел получить заводную куклу в человеческий рост и музыкальную шкатулку – кукла и шкатулка были немедленно доставлены...» Что же вышло из этого балованного мальчишки, не знавшего ни в чем отказа? Прекрасный, удивительный человек огромных творческих возможностей и великой самоотдачи, один из первых итальянских коммунистов и один из крупнейших советских авиа-конструкторов – Роберто Бартини. Как? Почему? Значит, сама по себе сверх-обеспеченность не столь уж пагубна?

Вспомнила: будущие декабристы росли ведь тоже в богатейших домах России. Так как же все это понять? Читаю в книге: отец Роберто, барон, считал: «Развитие человека должно быть гармоничным, воспитание – трудовым». И его наследник был постоянно занят... Чем?

Я не буду пересказывать книгу, ее лучше прочитать самому, но я скажу о главном, что стало для меня открытием: Роберто были предоставлены богатейшие возможности не для потребления, а для творчества, для пробы своих сил в самых разнообразных видах деятельности. Отец дал сыну главное богатство жизни, главную привилегию человека – возможность самостоятельно постигать окружающий мир и преобразовывать его для блага людей. Упоение творчеством и высшее наслаждение, испытанное при этом, дали маленькому Роберто как бы точку отсчета для всех будущих человеческих радостей, из которых все были ниже этих двух – радости **творчества** и **отдачи**.

В 24 года он, сын богатейшего сановника, стал коммунистом и ничего никогда больше не взял из отцовского наследства. Он вообще всю жизнь довольствовался весьма малым – «твердо на всю жизнь усвоил: в старом обществе человек богат тем, что сумел отнять у других, в новом – тем, что дал другим...»

Но началось-то это с детства!

И я вдруг – даже дыхание перехватило от этой мысли! – подумала: мы, конечно, не семейство Бартини, по всем статьям не бароны, но мы ведь в своей семье тоже дали ребятам с самых младенческих лет эту радость творчества – расширили, как могли, сферу приложения их сил и способностей: спортивная комната и мастерская, приборы и химические реактивы, книги и географические карты, учебные пособия и развивающие игры. И свобода – никакой заданности, принуждения, и радость общего труда для всех...

Может быть, поэтому не вижу я никогда своих ребят скучающими, изнывающими от безделья? Может быть, поэтому их и не тянет всякая модная дребедень или сомнительные соблазны вроде курения, выпивок и «балдения» в подъездах. Да они им просто неинтересны!

Теперь у меня мысли идут уже по другому руслу: не в обеспеченности и материальном благосостоянии зарыт корень зла, а в том, чем обеспечивают современных детей, на что это самое благосостояние идет.

Боюсь, что нашему «привилегированному классу», как теперь любят называть детей, иные родители торопятся в самом начале (я подчеркиваю это!) дать не то, что нужно: возможности для творчества и отдачи приближаются к нулю, зато потребления – от еды до развлечений – сколько угодно. А надо-то наоборот! Растут дети, и вместе с ними – в меру нашего старания и непонимания – растет проблема. Как? А вот так.

«Я сам», – говорит двухлетний малыш и пытается исследовать, пробовать, познавать мир. «Нельзя! – говорят ему. – Ты ушибешься, упадешь, обожжешься, испачкаешься, простудишься».

Он хочет шить – как мама, стучать молотком – как папа, писать ручкой – как старшая сестра, но слышит: «Уйди, ты только мешаешь, пойдешь лучше поиграй».

Пятилетний сын приходит со двора в заляпанном пальтишке, но сияет: «Мама, я перепрыгнул самую большую лужу!» «Какой ужас! Немедленно раздевайся – ничего хорошего надеть нельзя – обязательно куда-нибудь влезешь».

Десятилетнему: «Ну, разумеется, Петька твой всегда прав, а учительница ничего не понимает. Додумался ведь! И слушать ничего не хочу – садись за уроки!»

Его не слушают – взрослым неинтересно; ему не дают ничего делать самому – не верят; с ним фактически не считаются – это с одной стороны. А с другой...

Годовалому: «Кому самую большую конфетку? Митеньке, никому больше не дадим».

Семилетнему: «Сиди, сиди, здесь детские места, а я постою, ничего». В десять лет; «Купим, купим, не реви. У Петьки есть, и у тебя будет...»

Всё – ему, единственному: самое вкусное, самое дорогое, самое удобное, самое лучшее.

Примеры могут быть иные, суть остается: безудержное, избыточное потребление – лучший способ вырастить... Кого? Да тех, на кого жалуемся: «Все ему дай, дай, дай... Ни учиться, ни работать не желает...»

Я начала эту главу с двух эпизодов, которые произошли друг за другом на моих глазах. Но я не сказала о самом главном. За те полчаса, пока я шла по длинной улице, наполненной работающими людьми, мне встретилось много детей: маленьких и постарше. Все они были нарядно – и дорого – одеты, веселы и забавны, их развлекали, с них не спускали глаз заботливые мамы и бабушки. За малое это время я трижды услышала: «Не лезь в грязь, испачкаешься!» Дважды: «Брось эту дрянь сейчас же!» Раз пять или шесть: «Тише, тише, не беги».

Кто слушался, кто не очень – в общем, дети как дети.

Только вот рядом с занятыми делом отцами и матерями я больше не встретила ни одного маленького помощника. Ни одного!

Уйдут в жизнь подросшие люди и... «Трудно в армии!», «Трудно в семье!», «Трудно с ребенком!», «Трудно на работе!». И с ними трудно. Кто же скажет спасибо тем, кто их вырастил?

### **ОБЩИМИ УСИЛИЯМИ**

Речь пойдет о том, кому налаживать отношения в семье. Можно свалить все на одного. А можно и иначе.

«Скажи, где мама работает?» – «В Москву куда-то ездит». – «А поточнее?» – «На заводе... ну... это... как его... название такое трудное, забыл, как называется», – «А мама тоже не знает, в какой ты школе учишься?» – «Почему? Знает!» – обижается мой собеседник.

Такой вот разговор. И вот что обидно: не так уж редко он бывает. Дело в том, что я библиотекарь и при записи ребят в библиотеку обязана занести сведения о родителях в читательские карточки. И чуть ли не каждый третий (!) отвечает приблизительно так, как этот «внимательный» сын.

А вот еще. Девочка подает мне для записи целую стопку книг. «Это слишком много!» – «А я и на мамину карточку тоже беру».

У нас библиотека общая для детей и взрослых.

Смотрю книги: «Серебряные коньки», «Пятнадцатилетний капитан», «Хижина дяди Тома», «Сказки с хитринкой», «Джек-Соломинка». «Какие же из этих книг для мамы?»

«Нет, это все для меня! – удивляется моей «бестолковости» девочка, – маме некогда».

Ну конечно, можно было бы и саму маму упрекнуть:

«Как же вы допустили, что дочка для вас и пальцем не хочет пошевелить? Как получилось, что вам сплошь некогда, а дочь в день по три книги успевает прочесть?»

Но разве мама этого хотела? Нет, конечно. А вот вышло. Почему? Кого винить?

Конечно, за все спрос прежде всего с родителей: недоглядели, не учли, не сумели и т. д. Родителей вызывают в школу, собирают на родительские собрания... И бывает: не идут ноги домой и раскалывается голова. «Ну что же мне делать с ним? С работы, что ли, уходить? Так ведь все равно совсем от рук отбился, не будет слушаться... Что же делать?»

Почему я все это пишу? Передо мной несколько горьких писем, написанных ребятами. Плохо им с родителями: «Папка пьет и грозит нам с мамой», «Мать злая, ругается и все время ворчит», «Мама совсем меня не понимает...» А дальше рассказ на одной – трех – пяти страницах о своих горестях и бедах. И ничего о матери, об отце: какие они, каково им-то жить на свете? Ничего об этом в письмах нет. Как грустно их читать!

Да, я знаю, что и матери, и отцы бывают разные. И я не собираюсь оправдывать пьяниц-отцов или грубость, бестактность матерей. Я о другом.

В меру своих сил, а иногда сверх всяких сил и возможностей мать делает все: если надо не спать – не спит, если надо высвободить время – уходит с любимой работы, отказывается от многого....

Не скоро спохватываешься, не сразу понимаешь, что так можно только барчука и захребетника вырастить. И бывает, понимают это родители слишком поздно, когда и сделать ничего нельзя. Обычно все-таки спохватываются пораньше, но выход не всегда находят, запутываются, отчаиваются, раздражаются, кричат – это все не от силы, а от бессилия. В такие моменты свет не мил, знаю по себе.

И помочь-то нам, по существу, никто не может, кроме... наших детей. Отношения складываются нормально не сами собой, а общими усилиями, обязательно общими!

Однажды мой 14-летний сын вспылел и, зло бросив на ходу: «Ничего ты не понимаешь!» – громко хлопнул дверью. Так у нас с ним случилось впервые. Часа два мы дулись друг на друга. Потом я позвала сына к себе и сказала (мне было это нелегко, поверьте): – «Ну, да, допустим, я что-то не понимаю, в чем-то не разобралась. Ну и что? Главное, я хочу разобраться и понять. Но ведь мне трудно это

сделать, если ты мне не поможешь. Неужели ты думаешь, что понять другого человека легко? Попробуй, например, понять меня сейчас». Он посмотрел на меня с некоторым удивлением и растерянностью. «Да-да! А почему бы нет? Ты считаешь, что я должна понимать тебя с полуслова, а тебе самому это не обязательно? Но ведь я тоже очень нуждаюсь и в твоём понимании, и в твоей... помощи» – Голос под конец у меня предательски дрогнул, и я полезла в карман за платком. Мне действительно так нужна была сейчас его помощь!..

Потом, много дней спустя, он признался мне: «Мам, в тот момент я как будто старше и сильнее тебя стал...» А года через два он сумел это чувство определить: «Когда начинаешь отвечать не только за себя, но и за других, вот тогда и становишься взрослым». Но для этого вовсе не обязательно ждать, пока у сына вырастут усы.

Советоваться можно и с трехлетним, и к мнению семилетнего следует прислушаться, не обрывая его на полуслове. А иногда стоит поступать так, как предлагает сын-подросток. Тогда вырастет рядом друг.

## **ВРЕМЯ НА ВОСПИТАНИЕ**

Чаще всего в письмах, в разговорах ставят проблему: где взять время на воспитание детей? И почти никто не говорит о том, как его использовать. А я думаю: это последнее куда важнее. Почему? Времени у меня, что ли, много? Да ничего подобного! Когда у меня спрашивают: «Когда вы все успеваете: работа, хозяйство и детей куча?» – я смеюсь: «Все-то как раз я и не успеваю». Просто из всех дел выбираю, что важнее. То и делаю. Такой вот выход для себя нашла. Далось это мне не сразу. Когда-то даже до слез доходило – так хочется все успеть, а не получается, хоть разорвись. Теперь пришел опыт: что-то сама научилась делать побыстрее, кое-что из домашних дел (могли бы и побольше) взяли на себя отец и ребята, пробую совмещать дела, разумнее чередовать их, но настоящим открытием стало для меня вот это – выбери главное и не терзайся, если остальное не успеешь сделать так, как хотелось бы... И получилось, что дети очень быстро потеснили с первого места все прочие дела и заботы.

Сказали бы об этом мне восемнадцатилетней, я бы не поверила: была ярой противницей привязанности женщин к семье, быту, детям. В моем представлении все валялось в одну кучу; тряпки, кастрюльки, младенцы с их мокрыми носами и пеленками. Брр... Я считала себя творческой личностью, жаждала необыкновенной деятельности, научной, общественной и т. д. и т. п. И вдруг – какой пассаж! – семеро детей и, конечно, все, что с этим связано: от кастрюлек и пеленок до... Вот! Об этом я в свои восемнадцать лет и не подозревала. Только сейчас понимаю, что

верхней границы здесь просто нет: как бы высоко ни стояла мать в своем развитии, все равно ей нужно подниматься еще выше.

Как же это оказалось интересно: наблюдать, размышлять, пробовать, открывать ребенку мир, а для себя мир ребенка, расти вместе с ним...

Это что – призыв к многодетности? Назад к домашнему очагу? Нет, я о другом: не о том, что мы приобрели, а о том, что мы теряем, теряем, теряем... Я о времени, которое мы недодаем детям, и даже не замечаем этого. Пришлось мне однажды говорить с многодетной матерью, которая никогда не бросала работу, добилась больших успехов в своей профессиональной деятельности и выглядит моложе своих лет. «Все это, конечно, очень сложно, – пожаловалась она, – во многом приходилось себе отказывать, а уж время – каждая минута на учете: ни театра, ни путешествий, ни художественной литературы, сколько бы хотелось. Особенно было трудно, когда дети были маленькие, зато потом стало куда легче...» – «А у меня что-то наоборот получается, – заметила я, – дети растут, а времени на них уходит больше». – «Странно». – «Да нет, что ж тут странного: малышами были – я с ними, как говорится, между делом управлялась, а теперь: поговорить с каждым, выслушать да еще надо услышанное пропустить сквозь сердце и голову – на это ведь тоже время нужно...» – «Ну уж, это слишком, – вдруг возразила моя собеседница, – мать должна быть с ребенком до пяти лет, а потом меньше опеки, больше самостоятельности. Зачем, например, чтения вслух, если каждый и сам читать умеет? Главное – пример матери и отца: как они относятся к своему делу, как ведут хозяйство, как разговаривают с людьми – вот что действует на ребенка больше всего – пример. Я вот спрашиваю свою двенадцатилетнюю дочь: «Когда же это я тебя воспитываю?» А та отвечает: «С утра до вечера и с вечера до утра». Вот так. А все эти нотации и разговоры ни к чему. Надо «прежде всего вырастить детей здоровыми, а для этого нужны чистота и питание. На это время и уходит». – «Значит, – попыталась возразить я, – по-вашему, материнский труд главным образом сводится к ведению хозяйства?» – «А по-вашему, это не труд? Я валилась с ног от одних только пеленок, но зато дети у меня были в чистоте и имели в зависимости от возраста разное меню. Разве это не материнский труд? А починка, стирка – вспомнить страшно – вот на что надо было бы дать матери дополнительное время за счет рабочего. А разговоры с детьми – пожалуйста! – за общим столом. Этого вполне достаточно. Если надо что-то по секрету сказать, можно и на это время найти, но ведь это случаи исключительные...»

Все в ее речи так правильно, рационально, но мне почему-то становится не по себе: «У меня-то, – думаю, – этих «исключительных случаев» каждый день хватает: я сама без них не могу».

Разговор этот не дает мне покоя. Время на разговоры – зря? Чтение вслух – не нужно? А поиграть – уж вовсе излишество? Оказывается, воспитывать можно весь день, не выделяя для этого особого времени? Интересно, что еще десять лет назад я сама утверждала что-то подобное. А теперь с каждым годом все острее чувствую, как много матери и отцу надо времени, чтобы отдать его детям – специального времени для общих дел, для интересных занятий, для чтения, походов и игр, для наблюдений и разговоров обо всем на свете – без этого жизнь взрослых скучна, а детей – неполноценна. Ирина Щ. из Целинограда пишет: «Наши родители всегда спешат. Им все некогда. Хочешь поделиться радостью, а в ответ: «Отстань, у меня нет времени...» Идешь с горечью: «Ну, а что я могу поделывать!» Спешат, спешат, а успевать ничего не успевают. С ними неинтересно». Вот так: друг с другом скучно.

Прочитала я недавно в одной статье: «Как ни странно, но у людей, прошедших аспирантуру, часто бывают неинтересные и малоразвитые дети: их родители зачастую бывают настолько поглощены своими собственными занятиями, что не находят времени для своих отпрысков».

Мне очень повезло: моя аспирантура, мое хобби, мой отдых – дети.

Тогда почему я не бросаю работу, собираюсь на старости лет даже в хор записаться? Да потому, что ребятам-то не столько руки мои нужны, сколько голова и сердце. Значит, как говорил Марк Твен, надо самозатачиваться. А дома быт заест, заржаветь можно. «Ну, а если бы, – спрашивают меня, – у вас было какое-то другое главное дело в жизни? Скажем, медицина, или биология, или искусство? Как тогда?»

Тогда у меня не было бы столько детей. Двое-трое, не больше, просто времени не было бы. Думаю, что многодетность пока несовместима с глубоким увлечением, какой-либо другой областью творчества. «Значит, образно говоря, либо Ковалевская, либо Ульянова?» – так спросили меня однажды. «Да! По крайней мере пока. Пеленки и кастрюльки мешают не только ученой, но и матери. Лучше бы на это времени тратить вообще поменьше. Но это уже проблема государственная. Убеждена, что совместные семейные постирушки и поочередное мытье посуды этой проблемы не решат».

Хорошо сказано в письмах: «Пусть меньше обременяют нас материальные заботы, пусть «доходят руки» до формирования духовного мира своих детей... Тут скрывается один из источников большого наслаждения» (А. Анисенко, Пенза).

«Наше свободное время – это капитал, который нельзя положить на сберкнижку, нельзя оставить на хранение. Его можно использовать только в тот момент, когда оно есть. Мы любим своих друзей, книги, театр, почти у каждого найдется свое хобби. Но если в семье ребенок, то все это должно перейти на второй

план. Наше свободное время принадлежит ребенку. Его нельзя тратить на тысячу мелочей. Ребенок – не тысяча первая мелочь, а то главное звено в нашей жизни, которое соединяет нас с будущим. На почве нашего свободного времени происходит его развитие и познание окружающего мира и самого себя. Не для нотаций и нравоучений, не для применения строгих мер, а для совместных дел, увлечений, общения» (Ю. Климов, Москва). Вот для этого нужно время.

### **ИГРА – НЕОБХОДИМОСТЬ**

Об игре родители в письмах упоминают редко. Видимо, считают тему несерьезной. Да и какие тут проблемы? Чем бы дитя ни тешилось – лишь бы не плакало. «Игр и игрушек в магазинах полно, мы таких и не видывали в свое время. Сына с улицы не дозовешься, весь день играет. А как к делу, к труду приучить – действительно, проблема» (К. И., Пермь).

Но может, и потому мало пишут, что писать... не о чем? Просто многие из нас с детьми играть не умеют, потребности никакой в этом не ощущают, а если играют, то через силу, словно отбывая некую «педагогическую каторгу». Грустно.

Как-то мне пришлось больше часа наблюдать за молодой нарядной мамой, «прогуливающей» в коляске малыша полутора-двух лет, красиво одетого и заваленного какими-то необычными игрушками. Рекламно привлекательна была эта современная мадонна. Однако скоро я поняла, что и маме и сынишке скучно друг с другом. В течение часа малыш не играл. Лениво перебирал надоевшие ему игрушки, нелюбопытно смотрел на редких прохожих, иногда куксился. И тогда мама совала ему пряник... А что делала сама? Думала о чем-то своем, изредка поправляла на малыше то шарфик, то шапочку, раз шлепнула его и коротко отчитала за что-то. Все общение сводилось к редким вопросам и замечаниям матери: «Тебе не холодно?», «У тебя ножки не замерзли?», «Не снимай шапку», «Не вертись!» Чаще всего звучало: «Кушать не хочешь?»

Все это было так однотонно, с привычной полужезвотой. Отбыв «положенный для поглощения кислорода» срок, мама удалилась из скверика, изящно катя впереди себя коляску. Я смотрела ей вслед с невольным тяжелым чувством: зачем ей ребенок и зачем ребенку она?

«Считаю, если мать не умеет играть с детьми, дети – бедны», – написала одна мама, которая «двух сыновей вырастила достойными людьми, потому что хоть и уставала, игр не было, а сама их придумывала и играла вместе с ними». А потом появились и инструменты в доме и шумные приятели, «и стружки, и грохот...» А мама – вместе с детьми во всех огорчениях и радостях, и во всех играх. «Как

хорошо, – подводит она в письме итог, – некогда им бездельничать, мальчишки на глазах. Все вижу: как с товарищами умеют ладить, как привыкают к инструменту...»

Просто? Для этой матери – да, она естественно входит в игру, труд, саму жизнь сыновей, не подменяя при этом себя своим карманом.

Многие ли из нас, родителей, столь же щедры? Конечно, все мы готовы купить любую игру или игрушку своему ребенку, лишь бы она ему на радость и на пользу пошла, а вот придумать и сделать ее вместе с ним, даже просто поиграть с детьми способен далеко не каждый. Для этого нужна особая щедрость, обеспечиваемая не рублями, а богатством иного рода: развитым воображением, находчивостью и смекалкой, чувством юмора и веселым лукавством, мастерством на все руки и артистичностью.... Откуда же всего этого набраться? Да в самой игре! Игра требует всех этих качеств, но она же их и развивает, как бы повышая творческий потенциал человека, превращая каждого из нас чуть-чуть в волшебника. К тому же в игре неизбежно проявляется своеобразие и детей и взрослых, делаются настоящие педагогические открытия.

Для меня, например, удивительным оказалось то, что мамы и папы играют с ребятами совсем по-разному.

Женщинам обычно хочется как-то «поублажать» малыша. И игры матерей и бабушек нередко сводятся к развлечениям, показам, рассказам, где ни риска, ни азарта, ни мало-мальского напряжения умственных и физических сил, в общем-то, не требуется. Зато в них много ласки, нежности, взаимного любования и тонкого прислушивания к сиюминутному настроению, состоянию друг друга. Возможно, это школа чувствования, проигрывание с детьми самых разных переживаний – от испуга до восторга.

А когда берется за дело отец или старший брат, тогда игры приобретают подвижность, стремительность, включают в себя элемент риска, уйму неожиданностей и всяких задач, которые непременно надо преодолеть, чтобы достичь желанной цели.

Честно признаюсь, мне было сначала страшновато, когда в нашем доме отцовскими стараниями стали появляться всевозможные спортивные сооружения для игр в летчиков, космонавтов и отважных путешественников. И я не отважилась бы нагрузить ребят такими головоломными задачами, какие предложил им отец в своих «развивающих играх». И страху я натерпелась, когда во дворе у нас начались азартные сражения «танковых армий» из спичечных коробков с микровзрывами и пожарами. Но, набравшись терпения, наблюдала и убеждалась: как же нужно все это ребятам! И поэтому, когда у нас во дворе мы залили маленький каток и открыли первый хоккейный сезон с настоящими клюшками, шайбами и синяками от них, я

тоже вышла на лед, в валенках, правда, но на равных правах со всеми участниками этой отважной игры.

И тут же обнаружила, что равные права не вернули мне детства: я как и все почти женщины в играх с детьми так и осталась мамой, взрослой – старшей. Невольно позавидовала я мужчинам, которые, играя, сами превращаются в мальчишек, ровесников тех, с кем играют. Это, как магнит, притягивает отцов и детей друг к другу. И может быть, уже поэтому нам, женщинам, не упрекать нужно мужчин в мальчишестве, а почаще восхищаться этим удивительным их свойством. Ну а мужчина, даже придя с работы домой усталый и голодный, да не оборвет он нежную воркотню матери с малышом грубым окриком; «Сюсюкаешь все, лучше бы делом занялась!»

Игра – это серьезно. Она помогает нам постигать совсем не игрушечные закономерности жизни. Она способна волшебным образом превращать обязанность – в потребность (вспомните, как красили забор приятели Тома Сойера), необходимость – в удовольствие (ПОДВИЖНЫЕ ИГРЫ, например, побуждают двигаться до изнеможения), трудность – в радость напряжения, преодоления и победы.

Да, игра – это серьезно. С нею связана и другая проблема: как не подменить игрой саму жизнь, как уже не в игре, а в настоящем деле преодолевать, создавать, напрягаться и побеждать? И делать это с удовольствием!

### **ТРУД – УДОВОЛЬСТВИЕ?**

Трудолюбие безусловно включает в себя удовольствие, наслаждение от работы и ее результатов. Но ведь труд чаще всего связан с суровыми понятиями «должен», «обязан» и не очень считается с разными «хочется, интересно, приятно» и т. д. Какое же может быть удовольствие от необходимости работать?

Вот письмо: «Многие мамы боятся дать в руки своей дочке или сыну грязную тряпку. Меня в свое время часто осуждали: мол, если она такого ребенка (7–8 лет) заставляет трудиться, то она не мать, а мачеха, которая не любит ребенка. А сейчас, когда сын вырос хорошим мне помощником, они же и завидуют» (Т. Михайлова, Днепропетровск). Завидуют, потому что просчитались; спасая от труда своих подрастающих детей, они обрекли их на непригодность к жизни, на черствость и эгоизм...

Да, домашний труд бесконечен, однообразен, неблагодарен, непродуцителен – все так. Как и большинство женщин, испытываю это на себе ежедневно. И ворчу, и дохожу до отчаяния: «Да когда же эта каторга кончится?!..»

И все же, все же... хочу сказать этой «домашней каторге» свое материнское похвальное слово. Без всякой иронии. Да, игра для детей необходима, это главная

форма их жизненной деятельности. Но игра – это для себя. Да, творчество детей – все виды творческой деятельности, конечно, крайне нужны для развития личности. Но – своей личности. И учение с увлечением – развитие разнообразных интересов – прекрасно! Но и здесь – своих интересов. Даже самообслуживание – и то обслуживание себя. А что остается для других? Вот здесь и выручает домашний труд. В нем я вижу главную и едва ли не единственную возможность для ребенка с самого нежного возраста не на словах, а на деле помочь другому, ощутить радость и гордость отдачи. Вот оно – главное удовольствие от трудовых усилий – ощущение своей полезности, нужности людям. Но это ощущение не приходит само собой. Оно питается благодарностью тех, для кого ты делаешь что-то, А если ее нет, если твой труд не ценят – приходят горечь, обида, злость, отвращение к делу, к людям.

«Не знаю, как кому, но мне приходится убирать дома каждый день, – пишет девочка из Сахалинской области, – семья собирается только к вечеру. И за один вечер, оказывается, можно всю мою работу свести на нет. Я прихожу домой с кружка часов в восемь. И что же? От идеальной чистоты нет и следа. Там половики сбиты, там пепел на скатерти, сигареты в цветах торчат. Посуда после ужина на столе. Явно дожидается меня. А мне ведь еще и уроки сделать надо. От обиды даже плакать хочется. Едва сдерживаюсь, чтобы не крикнуть: да что я, бесплатная домработница?!

Сам физический труд меня несколько не тяготит. Часто убираю даже с удовольствием. И вот вам плата!.. Знают, что много уроков, что опять буду сидеть до 12 часов ночи, и все равно никакой помощи и благодарности, а в мозгу одно: все равно завтра опять будет грязно».

Вот так. Сколько «любовных лодок разбилось о быт» именно по этой самой причине. Неблагодарность – признак великой непорядочности, будем это помнить.

Есть в работе еще одно высшее наслаждение, доступное лишь мастерам, – это гордое ощущение своего могущества, уверенности в том, что «это я смогу, сумею, это дело мне по плечу». Долог и труден путь к такому мастерству, а начинается он с детства, с ученичества, с первых стараний сделать всё на самом высшем уровне – так, что «лучше не могу». Главные помехи на этом пути – снисходительность, нетребовательность, незаслуженная похвала, равнодушие окружающих.

Что-то в последнее время взрослые стали усиленно пекься о том, чтобы их детям было легко – облегченно! – жить, буквально «играючи-припеваючи». Не избежали этой ошибки и мы в своей семье. В книге «Мы и наши дети» читаю теперь с немалою досадой на себя: «...у детей нашими стараниями все больше появлялось всегда доступных для них вещей, начиная от спортивных снарядов и кончая всевозможными инструментами и строительными материалами, все это помимо

обычных игрушек, кукол, которых у детей было тоже много». Сейчас я вижу во всем этом по крайней мере три существенных просчета. Избыток – раз, а от него небрежность, поверхностность в использовании и привязанностях (что называется, «поматросил и забросил»). Второе – сверхдоступность: нет нужды в напряжении, преодолении, все достается слишком легко и просто. Это плохо: расслабляет волю, не дает почувствовать, на что же ты способен. И наконец, третье – смешали игру с работой: вещи, предназначенные для какого-то дела, серьезных занятий (книги, инструменты, приборы, краски, бумагу, домашнюю утварь, хозяйственный инвентарь), отдали детям «в игрушки». И получилось: кое-как построгали, кое-что посверлили, бумагу краской испачкали, новые гвозди вбили в ненужный чурбак, на токарном станке попробовали поточить – на полдороге бросили и т. д. и т. п. Ни количества, ни качества...

И совсем стало бы худо, если бы не одно обстоятельство, выручившее нас: мы-то сами, отец в мастерской, а мать на кухне не играли, а дело делали. А ребята помогали. То, что позволили ребятам мы, дело позволить не могло. Вот эта жизненная необходимость и помогла нам со временем понять проверенное веками: делу – время, потехе – час.

И еще поняли важнейшее: хочешь ребенка увлечь делом всерьез – сам влюбись в это дело и стань в нем мастером. И пусть ребенок вместе с тобой ощутит радость преодоления, восторг открытия. В этом и заключается секрет приобщения человека к труду.

Как-то задали сыну-шестикласснику сочинение на тему: «Дело мастера боится». «Странная какая-то пословица, – сказал он мне с недоумением, – почему боится-то?» Я согласилась: «Лучше так: дело мастеру радуется». «А мастер радуется делу», – добавил сын.

Вот это – норма!

## **ЛЕНЬ-МАТУШКА**

Лень – это плохо. Никаких сомнений на этот счет ни у кого нет. Справедливо. Недаром испокон веков лень считается матерью всех пороков. А сколько презрительных кличек придумал народ ленивым: лентяй, лодырь, ленивец, лежебока, лоботряс, бездельник, байбак...

Каких только причин лени не называют в письмах! Вот поучительный их перечень. Главное – отстранение детей сызмальства от всех дел: «Еще маленькие, успеют за свою жизнь наработаться». Однако и понукание, муштра к добру не ведут. «Когда не дают ребенку спокойно жить, он от этого не переделывается, но озлобляется, замыкается в себе и испытывает отвращение к любому труду».

Излишек свободного времени, незанятость, праздность рождают скуку и лень, убивают интерес к делу. Плохо, когда слишком легко все дается, не требует значительных усилий. Это частенько случается с развитыми ребяташками, которых недогружают в школе. Особенно расслабляют незаслуженные похвалы, нетребовательность взрослых: «Пальцем шевельнул – а кругом восторги».

Еще хуже непосильный труд, невыполнимый в данный момент для ребенка. Тут бы помощь нужна, внимание, ласка, а человеку твердят: «Сам должен делать. Не сделаешь – гулять не пойдешь. А если к этому прибавляется «Лентяй! Лоботряс!» и т. д., то обеспечены потеря веры в свои силы, апатия и безразличие ко всему. Очень расхолаживает человека, притупляет даже сильное его стремление к делу равнодушие окружающих, безразличное отношение к его успехам и достижениям.

Вот что получается: и так плохо, и так нехорошо. А как нужно? Авторы писем предлагают только один «рецепт». В разных вариантах звучит одна мысль: надо работать вместе с детьми и главное – самим увлекаться разными делами и делать все с удовольствием. Увлеченные полезным делом родители, сами того не подозревая, увлекают и ребенка. И не столько самим процессом труда, сколько пользой, которую он приносит кому-то. Как говорил А. С. Макаренко: «Признание его работы хорошей должно быть лучшей наградой за его труды».

Лень – это плохо. Безусловно. Но вот вопрос: всегда ли то, что похоже на лень, является ленью и всякая ли деловитость свидетельствует о трудолюбии? Как отличить подлинную лень, то есть «отвращение к трудовому усилию», как это определял А.С.Макаренко, от лени мнимой? Этот вопрос в письмах даже не упомянут. Жаль. Не свидетельствует ли это о нашем невнимании к сложности, неоднозначности этой большой воспитательной проблемы? Вот мы говорим: «Лень-матушка». А попробуйте представить себе словосочетания: «ложь-матушка», «жадность-матушка», «трусость-матушка». Не получается! Ни с одним пороком не уживается это ласковое слово «матушка», а с ленью ужилось. Не без иронии, конечно, но и ирония-то не злая получается, добродушная.

Или вот: Обломов, само имя которого стало синонимом беспробудной лени, не вызывает у нас отвращения, а в то же время деятельный Штольц нашими симпатиями никак не пользуется.

Нет, не получается с ленью так уж все просто. Невольно возникает мысль: всегда ли лень – это плохо? Может быть, в лени отчасти кроется защищенность от перегрузок, суеты, стрессовых состояний? Или проявляется стремление к стабильности, к устойчивости бытия – в противовес безудержному потоку жизни? Может быть, она – «матушка»! – помогает не начинать дела сплеча, без всяких

раздумий, позволяет понаблюдать, осмыслить, остановить прекрасные мгновения жизни, предупредить иные необдуманные скоропалительные поступки? У Пушкина встречаю: «Я променял порочный двор цирцей... на праздность вольную, подругу размышленья». И у Маяковского: «А я – убег на берег Риона и шлялся, ни черта не делая ровно. Сердилась мама: «Мальчишка паршивый». Грозился папаша поясом выстегать...»

Оказывается, действительно все не просто, «лень» будущего поэта родителей в восторг не приводила. Они считали ее обыкновенной ленью – ошибались!

То же случается и с современными родителями. Мы не умеем организовать труд ребят, часто не видим, что кроется за внешней их праздностью. То ли отвращение к любому волевому усилию, то ли, наоборот, предельная сосредоточенность на чем-то очень важном; то ли скрытый протест против каких-то наших родительских действий, то ли губительное равнодушие к любому делу? А может быть, это робость от собственной неумелости и неловкости или просто усталость от постоянного сидения над уроками? Выходит, лень наших детей – следствие каких-то неустройств в их жизни.

Посмотрите-ка, какое удивительное письмо прислала нам шестнадцатилетняя Марина С. из Нижнего Тагила:

«С детства мне не давали возможности делать хоть что-нибудь самой. Мыть посуду было нельзя – вдруг разобьешь тарелку, пол подмести, – рано еще, все равно после тебя переделывать придется. А сейчас заставляют это делать, а я не хочу. Понимаете, не хочу и все. Может, и стала бы все делать, но как быть с родителями, они будут считать, что это их заслуга, что это они перевоспитали меня: раньше, мол, не делала ничего, а сейчас вот работает по дому. Я не могу так, понимаете, «гордость», что ли, какая-то, какое-то чувство неподчинения. Уступать не хочется. Я понимаю, что это неправильно, но сейчас, видимо, уже поздно. Может быть, я вырасту и все пойму, как тяжело матери одной работать и т. д. Да я и сейчас это понимаю, но не могу себя переломить. Если бы родители попробовали говорить со мной иначе, а то только и слышишь: «Ничего не помогаешь, а ведь уже большая».

Да ведь это настоящее средство защиты от несправедливости, форма протеста, пассивного, но протеста – против... нашей родительской лени. Вот ее-то оправдать ничем нельзя.

Я думаю, надо четко различать два вида нервных, психических напряжений.

Напряжение от сосредоточенности на каком-либо огромном, нужном, прекрасном деле – оно не во вред, наоборот, именно оно и растит, тянет вверх человека. Лень как неспособность к такого рода напряжениям пагубна для человека, растлевает его.

Но есть и другое напряжение – от суеты сует, когда силы, время человека растаскиваются по мелочам, на тысячи пустяковых забот, далеко не обязательных, часто ненужных, даже вредных. Это гнетет, оглушает – губит. И способ уйти от этого – отключение, расслабление – та самая лень-матушка, которая только и спасает.

В делах семейных есть и то, и другое. Научиться отличать, что есть что – еще одно условие нашего семейного благополучия.

### **А КОНТРОЛЬ НУЖЕН?**

Сколько мне помнится, ни одно родительское собрание в школе не обходилось без этого грозного слова – «контроль»: «Усильте контроль за детьми», «Бесконтролье ведет к беде», «Постоянно контролируйте, где, с кем проводит время ваш ребенок, чем он занят, во что играет...»

Вот и в письмах – все педагоги, написавшие нам, единодушны: контроль необходим, «бесконтрольность в учебное время, бесконтрольность на каникулах дают в девяти случаях из десяти нравственный брак» (С. Корягин, Смоленская обл.).

Мнение родителей: «Контроль за ребенком у родителей в крови – с первого шага, крика, слова» (Г. П., Воронеж).

Однако посмотрите! В письмах подрастающих наших детей отчаянный протест: «Нам не нужен контроль, нужно доверие! Его нам так не хватает...» И в то же время просьба к взрослым: «Помогайте нам...», «Станьте собеседниками...» И тут же предостережение: «Но не опекайте нас».

Как же во всем этом разобраться?

Думаю, что все зависит от того, что понимать под словом «контроль». А понимают разное. Подростки протестуют против надоедливой опеки, сопровождающейся подозрительностью и недоверием. Писем от них много, а вот писем от родителей, практикующих такой «контроль», нет. Может быть, это потому, что они и сами не чувствуют себя правыми, просто не знают, как быть, как надо. Ведь болит сердце за детей, вот и мечется мать в страхе, желая только лучшего, только хорошего, а получается все хуже да хуже.

В школе твердят: «Плохо следите за сыном, контролируйте его строже». Она и контролирует как умеет: «Где был?», «Выверни карманы!» «Сдачу всю принес?», «Покажи дневник!», «А не врешь? Я у учительницы спрошу – не отвертись!..» А мальчишка обманывает все изощреннее, огрызается все наглее. «Ах, как трудно с подростками», – слышишь то и дело.

«А мне легко! – пишет Е.Трубкина (Челябинская область). – Когда есть доверие с самого раннего возраста, тогда и придирчивый контроль не нужен».

А если шагу не дают ступить без присмотра, получается вот что: «Летом на даче мы жили по соседству с семьей, где была девочка трех лет, – рассказывает в письме москвичка Т. Денисова. – Уже с утра мама громко окликала дочку, которая увлеченно играла в песочнице: Анюта, ты где?»

– Я играю.

Через несколько минут:

– Аня! Ты здесь?

– Да.

Через некоторое время вновь мамин голос:

– Анюта! Что ты делаешь?! Брось сейчас же эту гадость! Зачем ты собираешь жуков? Вот дрянная девчонка! Сейчас я выйду!..

И такой «контроль» – весь день.

Однажды девочка перестала откликаться. Тогда бабушка в испуге выскочила из дома и бросилась искать внуку, продолжая кричать: «Аня! Аня!» Увидела и набросилась на нее:

– Ты почему не откликаешься?

И слышит в ответ спокойное:

– А вы мне все надоели».

А вот еще одна история: «Когда умерли наши родители, я осталась с двумя братьями 12 и 14 лет, а мне было тогда всего 17. Конечно, опыта в воспитании никакого, но я старалась мальчишек контролировать. Я, казалось, делала все: и с улицы вовремя звала их, и дома заставляла все делать, и в магазин ходить. А возраст-то у них какой: только смотри за ними да смотри. Но дела шли все хуже и хуже – ребята где пытались обмануть, где не послушаться. Старший вообще стал от рук отбиваться. И тут соседка посоветовала: «Ты ослабь опеку над ними, старайся, чтоб они чувствовали себя в ответе за дом. Будь ближе к ним, чаще советуйся, кому что купить, не одна думай, а все вместе решайте семейные вопросы». И вот как-то собрались все вместе, обсудили, сколько денег оставить на питание (сколько оставить, конечно, только я знала, но я объяснила, что нужна именно эта сумма), кому купить обувь, кому брюки, что делать сегодня, как отдохнуть в выходной. Прошел год. Ребята не по годам повзрослели, а мне стало куда легче, радостнее с ними» (Н. Фокина, Бузулук, Оренбургская область).

Внимание, участие, интерес к жизни растущего человека – вот что понимают под контролем те, у кого нет конфликтов с детьми. «Нужно жить интересами ребенка, знать, чем был заполнен его день, кто его друзья, что его волнует, его обиды

и радости» (В. и Г. Лихачевы, Тольятти). «С самых первых сознательных дней жизни сына я старалась выслушать в первую очередь его самого: почему так вышло? Зачем он так сделал? И помогала ему понять, в чем его вина. А он мне всегда все рассказывал» (В. Маматова, Казахская ССР). «Не надо инициативы ребенка зажимать, нужно дать ему возможность самостоятельно решать и делать, отвечать за себя. Пусть у ребенка развивается самоконтроль» (С. Попов, Свердловск).

Выходит, секретов особых нет, все просто: «жить жизнью ребенка, впустить его в свою жизнь, думать вместе с ним, а не за него» (В. Левштанов, Московская область). Тогда и дождешься такого признания: «Подруги в училище мне завидуют: вот бы такую мать! А я и не отрицаю: лучшей подруги не найти. Когда прихожу домой, мама садится рядом со мной, слушает мои новости и рассказывает сама. Я понимаю, что она очень переживает и волнуется за меня, и стараюсь делать так, чтобы не только мне, но и ей было хорошо» (Г. Глущенко, 16 лет, Зеленоград).

«Хорошо рассуждать, когда время есть, – возразят мне. – Но ведь днем дети в детском саду, в школе, а мы на работе. А общим бывает только вечер – с домашней суетой, телевизором и усталостью после рабочего дня. Тут не до разговоров по душам».

Все так. И все же. Автор уже упоминавшегося письма Е. Трубкина работает швеей-мотористкой, ее сыновьям 15 и 16 лет, а вот говорит: «Мне с ними легко!» Успевает, значит. А успевает потому, что, судя по ее письму, постоянно держит с ребятами «обратную связь», знает, чем они живут. И они в курсе всех ее дел и забот. Когда это началось? Не год и не два назад, а наверное, гораздо раньше.

Вот письма от воспитательниц детских садов.

«Удивительно, но родители, приходя за детьми, интересуются (да и то не все) только тем, как дети... едят. Ни игры, ни занятия, ни отношения с другими детьми – ничего этого им не надо! Они ругают своих детей за то, что те испачкали рубашку, штанишки, но никогда не спросят, а что они делали, почему испачкались» (С. Земскова, Рязань).

«Нередко в детском саду можно услышать такой диалог: «Мама, я сегодня был капитаном, а Саша боцманом на корабле! Наш корабль ловил рыбу в море. Мы...» В ответ же: «Одевайся скорее, не болтай!» (Н. Гречишкина, Барнаул). Так и вчера, и сегодня... а завтра сыну уже не захочется маме ничего рассказывать. И тогда живое общение с ребенком придется заменить этим: «Покажи руки! Выверни карманы! Где был? Да отвечай же, когда тебя спрашивают!» Начнется тот самый въедливый контроль, который не нужен.

А вам, уважаемые взрослые, не приходилось разве ежиться от недоверчивого надзора супруга, начальства, общественности? Вряд ли такой контроль действовал на вас благотворно. Мне, например, всегда в таких случаях хочется делать наперекор.

Итак: контроль – **интерес** мы «вынесем за скобки», только его и никакой другой.

### **НАКАЗАНИЕ**

Наказание, как известно, следует за преступлением. Или хотя бы за проступком. Вернее, должно следовать, но...

Однажды я видела, как мать жестоко отшлепала мальчугана лет четырех за то, что тот перемерил глубину всех луж, которые ему попадались на дороге. Сначала мать только ворчала, повторяя через каждые полминуты: «Не лезь в лужи», «Не лезь, кому говорят». Но мальчуган никак не мог удержаться от соблазна, да, по моему, просто и не слышал матери. Вступая в очередное бездонное оконце, он испытывал каждый раз восторг первопроходца – это прямо написано было на его сияющей забрызганной рожице. И вот когда он поскользнулся и... нет, не упал, а только поскользнулся и с гордостью взглянул на мать: молодец, мол, я – не упал, мать разъяренно накинулась на него.

Я шла следом за ними и не удержалась: «Ну, за что ж вы его?!» «За что?! – возмутилась мать и продолжала кричать на ребенка: – Я тебе покажу! Ты у меня будешь слушаться! Ты у меня будешь слушаться!» – твердила она с искаженным красным лицом.

Итак, человек наказан. За что? На мой взгляд, он заслуживал похвалы: за жажду исследовать, радость познания, за то, что изловчился в трудный момент и удержался на ногах. Позвольте, скажут мне, но он же не послушался матери, разве это не проступок? Пусть еще маленький, но разве можно оставить его безнаказанным?

А я спрошу, в свою очередь: разве у этой мамы в сложившейся ситуации нет своей вины? Видимо, сын так привык к постоянным нудным указаниям матери, к тому же еще малообоснованным, что просто перестал их замечать. Виноваты оба, наказан один. И ребенок, судя по всему, уже усвоил: сильный всегда прав. В проигрыше оба: сын получает урок безнравственности, а мать еще больше утверждает в своей педагогической темноте. А если подойти ко всему этому совсем-совсем иначе?

Человек входит в мир не нравственным и не безнравственным, не героем и не преступником, не добрым и не злым – никаким. И каким он будет, зависит от нас – людей, живущих с ним рядом. А мы в отличие от младенца – уж какие-то очень

разные. Конечно, каждый из нас, взрослых, признает, что до совершенства ему еще далеко, но кое-что за душой все-таки имеется. И вот с этим кое-чем мы отважно беремся лепить нового человека, прямо-таки осуществляем в миниатюре функции господ бога. И, к сожалению, часто совершаем одну и ту же ошибку: верим в свою непогрешимость и право делать все, что ни заблагорассудится, вершим скорый суд, караем и милуем, но если выходит что-то не так, вины за собой не признаем.

Что же получается? Москвич В. Фалин утверждает; «Большинство родителей с удивительной легкостью дарят детям СВОИ пороки и недостатки, а потом наказывают их за это». Вот так. И возразить нечего: письма о наказании – подтверждение этого грустного наблюдения. Многие подростки отчаянно требуют: «Прежде чем наказать – разберитесь! Разберитесь и в себе, может быть, ВЫ не правы!» Взрослые, анализируя многие стороны этой сложной проблемы, тоже пишут о справедливости и чувстве меры, о необходимости понимать ребенка, выбирать средство воздействия на него от укоризненного взгляда до бойкота. Кстати сказать, рукоприкладство в любом его виде всеми расценивается как педагогическая дикость: «Ударить ребенка – значит расписаться в собственном бессилии и дремучем невежестве» (К.Кузнецов, Тюмень).

Некоторые авторы писем, исходя из собственного опыта и ссылаясь на известное утверждение А.С.Макаренко («В хорошей семье наказаний никогда не бывает»), считают, что надо стремиться к тому, чтобы предотвращать проступки детей, тогда и наказаний не потребуется. «Ребенок часто делает неправильно потому, что в силу своего малого жизненного опыта просто не знает, как поступить» (Е. Нефедов, Свердловск).

И вдруг читаю: «Если возникла необходимость наказания, то это всегда ошибка и вина не только и не столько ребенка, сколько того, кто его воспитывает. Значит, надо прежде всего спросить с самого себя, а разобравшись, показать воспитаннику, что происшедшее есть результат совместной ошибки и ее надо, пока не поздно, совместно исправить. Только тогда ребенок поверит в искренность взрослого, в его желание помочь ему стать лучше» (А. Дурилов, Чернопенье, Костромской области). О том, что не надо чувствовать себя непогрешимым, пишут многие, но приглашать самого ребенка к разбирательству ошибок взрослого? Это звучит неожиданно и почти антипедагогично. А я хватаюсь за эту мысль, как за протянутую мне дружескую руку. Именно этого и не хватало мне в письмах: признания естественного права ребенка тоже воздействовать на взрослого, влиять на него.

Это, на мой взгляд, чрезвычайно важная мысль, которая, судя по письмам, никак не пробьет себе дорогу в нашу воспитательскую практику. Процесс

воспитания упорно представляется нам направленным лишь в одну сторону – от воспитателя к воспитаннику, но ни в коей степени не наоборот. Предполагается: взрослый все знает, все умеет, все может, поэтому распоряжается; ребенок не знает и не умеет ничего и должен беспрекословно подчиняться, слушаться. Послушание – вот чего добиваются взрослые самыми разными способами, всевозможными кнутами и пряниками в прямом и переносном смысле. А нужно – умение слушать друг друга.

И мы с мужем в своей семье начинали с того же: с уверенности в своем праве поощрять и наказывать, с убеждений, что в воспитании нет мелочей, с попытки осуществить единство требований к ребенку, то есть шли от привычных педагогических постулатов, а не от ребенка. И получали результаты, далекие от желаемых. В поощрении и наказании оказалось чрезвычайно трудным соблюсти чувство меры и справедливости. Желание ничего не упустить приводило к скандалам из-за пустяков (уронил ложку, опрокинул чашку, испачкался в грязи, не хочет ложиться спать и т. п.), в то же время что-то важное оставалось незамеченным (например, испорченное настроение окружающих, проявление неуважения к занятиям друг друга, к достоинству другого). А стремление к единству требований порождало желание заставить всех, живущих с нами, делать только так, как мы считаем нужным. Это порождало раздражение и уж никак не способствовало не только воспитательному процессу, но и просто нормальной жизни каждого в семье. И мы набили немало шишек, прежде чем поняли: воспитание есть доброжелательное общение, основанное не на подчинении и принуждении, а на взаимодействии и взаимовлиянии, взаимозависимости и взаимопомощи.

Об этом рассказывают и письма: «Аленке было сказано, чтобы она, придя из школы, вымыла на кухне пол. Прихожу с работы уставшая. Пол на кухне не вымыт и даже не вымыта чашка после выпитого ею компота. Я не кричу, не злюсь (хотя мне очень хочется крикнуть на нее, поругать). Приглашаю ее на кухню и говорю: «Ты о маме не подумала, что она с работы придет уставшая, голодная, ты не сделала то, что я тебя просила. А теперь сиди и смотри, как я все буду делать». И принимаюсь за дела. Она начинает извиняться: «Мамочка, извини. Ты садись, я тебе обед разогрею, пол вымою». Мне хочется пойти ей навстречу, но я поступаю по-другому. «Ты так сделаешь в другой раз, а сейчас посиди, посмотри и пусть тебя совесть помучает» (Г. М. Маркова, Кострома).

«У нас дома есть своя слесарная мастерская. Я любил и люблю мастерить, но на первых порах частенько ломал инструменты. А отец что? Он меня наказывал, не наказывая. Он говорил: «Если что сломал, то сразу скажи мне». И после того как я

видел, что отец тратит свое драгоценное время на ремонт инструментов, то ломать мне их больше не хотелось – я стал аккуратным» (Б. Шкраблюк, Херсон).

Ребенок с самых первых проблесков сознания воспринимает семейные отношения (или те отношения, в которые он попал), как некую общечеловеческую норму общения. Любой его поступок вызывает определенный отклик окружающих: ему улыбаются, на него сердятся, разговаривают то ласково, то неодобрительно – десятки разных оттенков. И ХОТИМ мы того или нет, в них всегда присутствует оценка: это хорошо, а это плохо, так надо, а так не надо делать. Но ведь тем самым мы ориентируем ребенка в сложнейшем мире человеческих отношений, формируем, по существу, его нравственные критерии.

Не в эту ли пору закладывается в маленьком человеке то, что мы называем совестью человеческой? Вот мы говорим: угрызения совести, совесть мучает – еще не осознавая вины, мы ее уже чувствуем. Почему? Может быть, в это время и происходит неосознанное сравнение наших поступков с тем нравственным эталоном, который был заложен в нас в самом раннем детстве. И если он есть, то наказания становятся просто излишни. Но этот эталон обязательно должен подтверждаться жизнью, опытом каждого дня, корректироваться и оттачиваться в переживаниях, размышлениях, поступках. Мы, взрослые, можем и обязаны помочь в этом нашим детям, помня, однако, что и они, как никто, могут помочь нам стать лучше.

## **ЗАБОТА**

Кто против заботы о родителях? Таких нет. Кто не заботится о детях? И таких нет: все, судя по письмам, проявляют к своим детям максимум внимания и заботы. «Я жила для нее, а не для себя, – пишет 70-летняя мать о СВОЕЙ взрослой дочери, – во всем себе отказывала, надеялась увидеть под старость ласку, внимание. А вышло... Я не вижу ласкового лица, не слышу слов: «Когда же ты успела все сделать?!» Не вижу заботы. Даже в праздники от нее ни привета, ни поздравления. Так обидно на старости лет!» (М. Г., Ленинград).

«Забота детей о родителях встречается куда реже, чем забота родителей о детях», – утверждает Н. Ермаков (Рязань). Судя по письмам, он прав.

Читаю стихи, слушаю песни о матерях, и грустно мне: не слишком ли часто встречается в них запоздалое сожаление взрослых детей, что на ценили они раньше бескорыстную любовь матери, мало отвечали на ее щедрую заботу тогда, когда было еще кому ответить? Опоэтизированное чувство раскаяния трогает, будоражит, но при этом исподволь внушает успокаивающую мысль: у всех так, всегда так, ничего тут не поделаешь.

А ведь неправда это! Не у всех, не всегда. И можно, чтобы не было поздно, и надо, чтобы было вовремя. Надо не только для нас, родителей, но и для самих наших детей, если мы хотим сделать их счастливыми.

Как же научить детей быть заботливыми? Эта задача посложнее, чем просто заботиться о детях. Давно замечено – и письма это подтверждают, – что самоотверженная забота ответной заботы сама по себе не рождает; морализование и нравоучения надоедают и не трогают; напоминания и упреки вызывают раздражение и строптивость; хуже всего подкуп: «Я тебе конфетку, а ты мне...» – это первый шаг к вымогательству, внешней заботе с подтекстом: «Что я с этого буду иметь?» Нет, нет – все это не то!

А что нужно?

С. Алеева (Ульяновская обл.) рассказывает, что ее родители, вырастившие шестерых отзывчивых добрых детей, никогда особой ласки к ним не проявляли. «Отца и мать всегда окружали люди, которые шли к ним за советом, поддержкой. И родители наши всем спешили на помощь, всячески поощряя нашу помощь друг другу и чужим людям. В семье же, где любят только своих детей и вообще только «своих», вырастают эгоисты». А что если присмотреться к себе; как вы относитесь к товарищам своих детей? Что говорите дома о сослуживцах? Если толкнули вашего ребенка в переполненном автобусе или трамвае, как поступите?

«Я всегда интересовалась товарищами своих детей, спрашивала, не нужна ли кому-нибудь из них помощь» (Э. Оганесян, Москва). Не с этого ли начинается забота о других? «Моя мама считает, – пишет Лена Д. из Саратова, – что с раннего детства ребенок должен заботиться об игрушках, куклах, о животных, о младших и старших в доме».

Самая распространенная и нелепая ошибка – отстранить ребенка от всех дел, отказываться от его помощи, потому что матери всегда проще и быстрее что-то сделать самой, чем научить ребенка. Каждый ребенок обязательно пытается подражать работающему: берется за веник или пылесос, за молоток, посуду, тряпку... Вот тут-то его бы и не оттолкнуть, а подбодрить, даже если мусор попадает не туда, куда надо, молоток бьет мимо гвоздя, а чистая чашка плюхается снова в мыльную воду. Это пока еще не желание помочь. А важно возбудить именно желание помочь, а не просто умело сделать что-то. «Спасибо, мой помощник, как хорошо с тобой работается, как быстро мы все сделаем!» – дайте ему, вашему несмышленишу, радость почувствовать себя умелым, нужным, незаменимым! Минуты, затраченные на переделку, на обучение (ласковое, тактичное), на разговоры с ним, обернутся потом часами сэкономленного времени и

той драгоценной заботой – помощью, о которой все мы, отцы и матери, так мечтаем.

А упустишь момент и вскоре обнаруживаешь с досадой: 5–6-летний сын не только сам не берется помогать, но и не идет сразу, когда зовешь, когда просишь помочь. И вот матери жалуются друг другу: «Мой-то такой лентяй – не допросишься ни о чем!» – «И не говори, моя тоже: зовешь-зовешь – даже не откликнется. Бессердечная какая-то растет, даже не поделится никогда со мной ничем...» Мне неловко бывает слышать это: так легко эти женщины признаются в собственном неумении, беспомощности, безответственности. А надо бы спохватиться: «Стоп! Почему все лучшее сыну да сыну? Почему я себя и дочку обкрадываю? Подумала так и потом, что бы ни купила – пополам для всех; что бы ни делала – с ним вместе. Не сразу получилось: полтора года понадобилось, чтобы он понял, что и маме, и сестренке нужны его помощь, забота» (Магавас, Киев).

Там, где детей много, проблема взаимной заботы возникает редко: там помощь друг другу часто диктуется необходимостью. Но когда она снята, и в многодетной семье может получиться так: «Было нас четверо детей, а заботливой выросла только старшая сестра. А я не умею: привыкла, что все для меня делает мама или сестренка – надобности не было никогда думать не только о других, но даже и о себе. Плохо, когда забота превращается в опеку» (Наташа С., Волочиск).

Есть здесь на мой взгляд, одна психологическая тонкость, которая до меня самой дошла сравнительно недавно. Не замечали ли вы такое: одному человеку помогать приятно – он искренне радуется помощи, даже гордится ею, его чувство благодарности действует вдохновляюще, поднимает тебя в собственных глазах, начинаешь чувствовать себя сильным, щедрым, нужным, и хочется быть таким долго-долго... Может быть, в этом заключается секрет известной женской «слабости», которая стимулирует мужское великодушие, сознание своего мужского достоинства, даже чувство ответственности?

А есть другие люди, как бы монополисты на любовь к ближним. Они сами – сплошное самопожертвование, но заботу о себе не приемлют.

Среди женщин сейчас это встречается не так уж редко. Может быть, это одно из последствий эмансипации: сама, мол, могу, и ни в чьей помощи не нуждаюсь?! Да что скрывать: есть в моем «родительском сундуке» одно, дорогое для меня, а потому упрятанное подальше, с трудом выношенное и, пожалуй, выстраданное, открытие. Для кого-нибудь оно может показаться наивным, слишком азбучным, но разве не часто именно азбучные истины способны поставить нас в тупик?

Началось, наверное, все с того, что я как-то стеснялась помощи, отпихивала от себя все попытки мне помочь, даже гордилась тем, что могу обходиться без чьей-

либо помощи: дескать, жалость унижает, забота нужна только слабому, а слабой я себя считать не хотела! Вот и получилось постепенно: и муж, и малыши перестали замечать, что я в помощи все-таки нуждаюсь, и чем дальше, тем больше. Прошел год, второй... И накапливались во мне обида и недоумение: почему же они такие бесчувственные? Просить помощи я не могла – гордость не позволяла, но как же тогда быть? Дошло дело до срывов и взрывов: я сердилась на непонимание, на то, что не замечают моей усталости, безразличны к моим заботам. В общем, я получила за свое стремление к «независимости» сполна.

Выход пришлось искать долго и мучительно, хотя он оказался прост и естествен: мы стали учиться заботиться друг о друге, думать больше не о своих нуждах, а о нуждах другого. Например, не я стала говорить: «Помоги мне вымыть пол», а отец: «Ну-ка давайте маме поможем с уборкой!» А я, в свою очередь, предлагаю: «Надо бы папу совсем освободить от кухонных дел – у него сейчас так много работы». И старались не дожидаться, пока старшая сестра напомнит, что у нее завтра контрольная, а опередить ее, сказав: «Ребята, управимся с картошкой сами, пусть Оля готовится...» И учимся принимать эту заботу с радостью и благодарностью.

Я не могу сказать, что все сразу пошло на лад – ошибки исправляются трудно и медленно. Но постепенно мы стали все чаще ощущать благотворную заботу друг о друге, которая так радуется, так украшает жизнь.

В семье, где несколько человек, надо позаботиться о том, кому в данный момент труднее всех. Важно – архиважно! – не эксплуатировать отзывчивость и не злоупотреблять помощью. Но если просят, помоги без кривой гримасы нежелания или досады, а с готовностью и радостью, что обратились именно к тебе – значит, надеются на тебя больше, чем на других. Да этим же можно только гордиться!

### **ПИШИТЕ ПИСЬМА!**

Писем о письмах мне читать не приходилось. Да и о чем тут, собственно, говорить? Дело личное: хочу – пишу, хочу – нет. К тому же есть телефон, телеграф – они экономят наше драгоценное время. Но, думаю, не выходит ли нам эта экономия боком?

Пришлось мне как-то довольно долго ждать на переговорном пункте вызова. В стороне от всех сидела пожилая женщина. Во всей ее позе – ожидание. От каждого очередного вызова она вздрагивает – нет, не ее! – и снова застывает в напряженной готовности. Наконец: «Архангельск! Третья кабина, побыстрее, пожалуйста!» Дверца осталась неприкрытой, и всем слышен голос: «Володя! Володя! Это ты? Ну вот... Ну хорошо... Как ты там? Как Люся? Как детки?

Здоровы? Как с работой?» Судя по тому, что вопросы следуют один за другим, ответы односложны и торопливы, что-нибудь вроде «Ничего, порядок, нормально». Потом отвечала она – также односложно; «Ничего-ничего, не волнуйся... отец хорошо, только... – Она остановилась и вдруг попросила дрогнувшим голосом: «Ты напиши нам, как ты там». С полминуты молчала, слушая и виновато вставляя: «Ну да. Ну да, я понимаю, некогда... Ну Димочку попроси, он уже большой. Да, да... и музыкальная, я понимаю...» Уже положив трубку, она машинально продолжает: «Поцелуй всех». Понимает, что сын ее уже не слышит, делает героическое усилие, чтобы не расплакаться при посторонних, и только уже у самого выхода прижимает к глазам платок. «Пообщались», – мрачно произносит пожилой мужчина.

Живем рядом мы и наши дети. Они растут себе, и кажется, что так будет вечно. А потом вдруг (это всегда бывает вдруг) наступает день: «До свидания, мама, не горюй, на грусти...» И прощальный взмах руки, и гул моторов или перестук колес – и пустота: был сын, и нет его, была дочка – где она теперь? были рядом отец, мама – хотелось удрать от их опеки, а вот нет их рядом, так хочется услышать – или прочитать! – их ласковое слово.

Верно: есть телефон, и можно поговорить не три, а пять, десять, пятнадцать минут, и более сердечно (это, правда, трудно себе представить) – все равно этого так мало! У меня до сих пор в ушах дрогнувший голос матери: «Ты напиши нам...» Как не понять ее? Ведь письмо, написанное родной рукой, таким знакомым, единственным в мире почерком, обладает каким-то магическим свойством – оно словно частица человека, написавшего его, как бы материализует его чувства, мысли, отношение к адресату и сохраняет в первозданной свежести много-много лет. Мы остаемся живыми в памяти близких и в письмах, если умеем быть в них искренними. Разве не так? Личные памятники не только личной жизни – вот чем мне представляются письма.

Последние тома сочинений в библиотеках никогда затрепанными не бывают – их не читают. «А что там интересного – одни письма», – так мне однажды сказал глубокомысленный юноша, увлекающийся научно-популярной литературой и фантастикой. «Одни письма...», а вот читаешь их – и оживают какие-то мгновения, часы, дни трудной и прекрасной жизни, и снимается с нее «хрестоматийный глянец», и каждый из великих становится ближе – не проще, не приземленной, нет! – но ближе, как-то по-человечески роднее.

Письма – древний и вечный способ общения, преодолевающий и расстояние, и даже само время, А нам писать... некогда. Мы спешим «отметиться» только по праздникам: «Желаю крепкого здоровья, успехов в труде и счастья в личной жизни». Шаблон, штамп – кому он нужен?

А бывает и так: получаешь письмо, а от него никакой радости. На неопрятном клочке бумаги неразборчиво написано что-то наспех – честное слово, читать не хочется, потому что не от сверхзанятости это, а от сверхнебрежности, элементарного «тяп-ляпства»: авось, мол, и так сойдет. Между тем каждое письмо – портрет автора, и довольно точный, по-моему портрет.

### **ПРАЗДНИК В ДОМЕ**

Ну не обидно ли: праздник и праздность – родственные слова! Что общего между ярким торжеством, которое дарит нам ощущение наибольшей полноты, радости жизни, и тусклым, скучным ничегонеделанием? Просто и то, и другое – антипод делу, труду, работе, в сущности, безделье. Так?

«Не люблю праздников, – пишет москвич В. Селезнев. – Суета, шум. Делаешь вид, что весело, а чувствуешь себя все время не в своей тарелке. Одно время думал, что это один я такой, нескладный – веселиться не умею. А потом пригляделся – многие тоже «делают вид». То ли мы все с каким-то изъяном, то ли праздники организовывать не умеем, не знаю». Это у взрослых, а как у детей?

Лужники. Я сижу на самой верхотуре: вся огромная чаша стадиона как на ладони. Впереди, сзади, вокруг меня дети всех возрастов: жуют, шуршат конфетными бумажками, тянут друг у друга бинокли. Внизу, на поле – феерия, волшебное действие, ожившая сказка. А на трибунах: «Смотри, – печка-то на колесиках катится, а внутри, наверное, моторчик...» – «А Дед Мороз вовсе и не говорит, это все записано раньше, а он только рот раскрывает».

Действие доходит до кульминационного момента, поймали, наконец, злодея-Волка и... «А когда пода-арки будут давать?» – уже не глядя ни на что, обливаясь потом под многослойными одежками, начинают хныкать малыши и, не дожидаясь окончания спектакля, бегут со старшими занять очереди – за подарками, за пальто, за мороженым... Во многих глазах – усталость и разочарование.. И ради этого затрачено столько средств, времени, изобретательности, труда!?

В том году нашим ребятам «везло»: подарили билеты на четыре елки, в том числе в Лужники и в Детский театр. Я спросила, какая же елка им больше всего понравилась. И услышала вдруг дружное: «У вас в библиотеке!» Я удивилась: куда же нам с Лужниками равняться? «Да-а, – вдруг протянула пятилетняя Юля, – там все сиди да сиди, смотри да смотри, а делать ничего нельзя...»

И я узнала, что, оказывается, «там все толпятся-толпятся, все время страшно – вдруг потеряюсь». И что «один мальчик лучше всех стишков прочитал, а подарок ему не дали, а девочка ничего не сказала, только начала и забыла, а ей мячик

подарили». И что «мне так хотелось игрушки на елке посмотреть, а нас туда не пустили...»

«Ну, а в библиотеке? У нас ведь даже елка не настоящая. Да и тесно...» – «Зато весело! Мы так играли!» – заговорили все разом, наперебой вспоминая, как «ужасно смеялись», когда мальчишки пролезали через обруч и повалились друг на друга «мала-кучей», как Аня вырезала такую красивую снежинку, что Снегурочка даже прикрепила ее к своей шапочке, как все уселись на ковре, зажгли свечу, потушили свет и стали придумывать сказку по очереди: «Передаешь свечку другому, а сердце замирает; вдруг погаснет и сказке конец». – «А мороженое-то! Вот здорово: всем сразу и – бесплатно! Никто не ожидал – все так обрадовались!»

Ребята вспоминали и вспоминали, заново переживая те события, в которых они были не зрителями, а участниками. А потом я провела маленькое «социологическое исследование» – попросила ребят ответить на вопрос:

«Что тебе запомнилось и понравилось в наших домашних праздниках?» Цитирую их ответы: «Пироги печь – тесто такое мягкое, тепленькое...» – «Люблю подарки преподносить, особенно всякие сюрпризы делать – такое удовольствие испытываешь, прямо счастье... И еще очень люблю поздравлять всех...» – «А мне нравится наша «круговая чаша» – только, когда она до тебя доходит и надо тост говорить, очень волнуешься и не всегда получается то, что хочешь сказать...» – «Главное – концерты: как готовимся, костюмы придумываем, выступаем. Придумывать – самое приятное...» – «Украшать комнаты, готовить праздничный стол...». И даже: «Люблю после праздника посуду мыть. Потому что все вместе, и посуда такая веселая, праздничная...»

И никто не вспомнил, что ели, что пили, что видели по телевизору.

А что ответила бы я сама на тот же вопрос? Пожалуй, главное, что греет после праздников, – состояние размягченности и душевной открытости от встреч с близкими людьми. И минуты удивления перед неожиданно проявившимися их талантами, которые в будни в них даже не заподозришь. И свое собственное священное волнение – до немоты! – перед выходом на импровизированную сцену, и нежелание расставаться в конце концов...

Однажды на одном из праздничных застолий мы попытались вкратце определить, без чего праздник не праздник. Получилось что-то вроде «Праздничного кодекса». Вот он.

Во-первых, праздников не должно быть много и каждый из них надо заслужить. Он – как награда за большой, напряженный труд, как бы его завершение, итог. А не просто: подошла дата – устраиваем торжество. Даже если праздник

связан с определенной датой, все равно ее встретить надо окончанием большого дела.

Во-вторых, праздник – вовсе не безделье, а перемена деятельности. Поэтому принцип «хлеба и зрелищ» нам не подходит. Праздник тогда хорош, когда каждый в нем не зритель, а участник, когда каждый может открыть в себе какой-нибудь закопанный талант и подарить его людям.

В-третьих, прелесть любого праздника в непринужденности общения – не по обязанности, а по симпатии, по сердечному влечению. Поэтому не надо натужного увеселения публики – никаких «двух прихлопов, трех притопов», но позаботиться заранее о том, кого пригласить, как рассадить, обязательно надо.

И наконец, в-четвертых, высшая праздничная радость – дарить радость другим. Для этого (а не для того, чтобы заткнуть за пояс соседа) – украшения, угощения, подарки, сюрпризы, нарядные костюмы и хорошее настроение. И поэтому нельзя все праздничные хлопоты взвалить на одного. Разделим эти приятные заботы на всех.

Однажды мы встречали Новый год в доме у бабушек, а потом часов в пять утра возвращались домой. Целый час мы брели по сказочной, алмазной дороге, и небо смотрело на нас звездами, и фонари провожали нас длинными тенями, а дома – черными окнами. Мы одни в целом свете и, остановившись у своей калитки, слушаем тишину. Она щелкает железнодорожными проводами, поскрипывает снегом под валенками, звенит далеким лаем собак, пошмыгивает замерзшими ребячьими носами... И так хорошо нам вместе!

Если после праздника лучше слышишь и видишь себя, людей, целый мир вокруг – значит Праздник состоялся.

### ***НИЗКО КЛАНЯЮСЬ ВАМ...***

Есть в нашем поселке улочка – каждый раз я иду по ней с замиранием сердца, а подходя к одному дому, испытываю такое неизъяснимое смятение, что боюсь смотреть на него. Это улица и дом моего детства, мой Отчий дом.

Мне повезло: я могу встретиться с ним не только в памяти, но и наяву. Правда, от того – нашего – дома осталась только малая часть, остальное перестроено, и живут там уже другие люди, но вот же он, вот! Могу даже подойти и потрогать его деревянные морщины. Когда я осмеливаюсь на это, во мне обрывается что-то и делается сладко и больно. Я мгновенно переношусь в детство; память выхватывает живые лица, какие-то события, яркие картины далекой довоенной жизни. И я не просто вижу, а прямо чувствую себя той стриженной бо-соногой девчонкой, у которой все потери и приобретения в жизни пока еще

соизмеримы со слезами из-за пропавшего мячика и с ликованием по поводу выигранной партии в лапту.

Детские слезы, детские радости – что за дело мне до них сейчас в моей хлопотной взрослой жизни? В ней давно уже другие мерки для радостей и печалей. А вот чувствую, знаю: не было бы памяти о них – насколько труднее стало бы мне жить на свете. Держась за эту светлую тонкую ниточку, которая связывает меня с детством, я чувствую уверенность и защищенность, совсем такую же, как когда-то, когда бежала рядом с отцом, крепко ухватившись за его большую, сильную, добрую руку. Что за волшебная сила у этой ниточки? Почему она так надежно ведет меня по жизни?

Вот он, мой «родительский дом, начало начал»... – обыкновенный, серый от времени сруб, огромная (как мне тогда казалось) терраса, высокие липы под окнами... Множество людей: родни, соседей, знакомых, мало знакомых. Вечно занятая мама, торопящаяся с грудой тетрадей то в школу, то из школы. Отец, приезжающий поздно вечером, он работает в своей комнатке даже по выходным. Мы, дети, твердо знаем: у них главная жизнь где-то там, за стенами нашего дома. Она приходит к нам вот с этими кипами школьных тетрадей, мамиными коллегами-учителями и их разговорами о школьных делах, с учениками из всех маминых классов, о которых мы знаем по ее рассказам. Она, эта взрослая жизнь, притягивает нас таинственными чертежами на столе отца и трудными книгами, которые отец одолевает медленно, но упорно.

– Что, интересно, курноса? – спрашивает он меня, притихшую от почтения перед непонятными значками, – Погоди, подрастешь – разберешься. А пока подточь-ка мне карандаш.

Я испытываю необыкновенную гордость: эту ответственную операцию папа доверял только старшему брату, и вдруг – мне! Я очень стараюсь; я довожу кончик длинного грифеля до острия иглы; я не дышу: не сломать бы! Наконец, отдаю карандаш папе. Он осматривает его придирчиво, не торопясь:

– А знаешь, неплохо получилось для первого раза. Немного чересчур срезала вот тут, а в общем, молодец. Так и быть, бери линейку и проведи мне здесь одну линию. Сумеешь?..

Счастье, испытанное тогда, греет меня и сейчас.

А первые уколы совести – как памятливы они! Пустяк ведь – съела пряник по дороге из магазина и... соврала, что не ела. Зачем соврала – не знаю.

Думаю, мама догадалась обо всем, но поверила мне, мне – обманувшей! Меня словно обожгло: было бы лучше, если б мой обман открылся. Первый раз я

осмелилась рассказать об этом, когда стала взрослой, а стыд от этого маленького бесчестья несу всю жизнь. Повторение его для меня невыносимо.

Вспоминаю елку в нашем доме. Мне шесть лет, и мне очень хочется быть хозяйкой бала. Ребята уступают мне, и я вхожу в роль: не хочу так, давайте так... Еще немного и я скажу этой противной Нюрке: «Ну и уходи отсюда, это мой дом!..»

– Нюра, – зовет отец, – Нюра, ты останешься со мной – будешь водить, а остальные – марш за дверь!

Потом мы все входим в комнату, и начинается поиск спрятанной где-то деревянной уточки. Вот уже все нашли, одна я осталась, бегаю, ищу, вот-вот заплачу, а Нюрка, как назло, пляшет передо мной, подмигивает. Вдруг вижу: уточка-то привязана к ее шали! Нюра радуется больше моего, я сияю – я ее и всех люблю! – как я могла на кого-то обижаться? А в папиных глазах и одобрение, и усмешка: «Вот то-то же, доченька, смотри какие люди-то кругом хорошие, а ты...». И ведь запомнилось же мне и это прекрасное чувство благодарности к ребятам, и тот отцовский маленький щелчок: не заносись!

Жила семья трудно, едва сводя концы с концами, но я не помню озабоченности родителей по поводу каких-то домашних нехваток. Помню другое: большая карта Испании у папы в кабинете, его напряженное лицо, красные маленькие флажки, которые мы вместе с ним передвигаем по линии фронта – главное этого сейчас ничего нет. Там решается судьба мира, человечества – что по сравнению с этим какие-то другие заботы!

И вот 1941-й. Война. У отца не было выбора: его направили в Златоуст – на пост начальника военной школы. Но отец выбрал: в Златоуст, вопреки приказу, он ехать отказался – пошел на фронт в саперные войска. Мы, дети, узнали об этом два года спустя – от мамы. Это был последний – посмертный – его урок нам, уже подросшим детям.

Мы росли. Из того же дома, откуда ушел на фронт отец, мы уходили в школу, в институты, на целину – в жизнь. А мама, как все матери в мире, провожала нас и встречала. Все тяготы жизни не согнули ее: по-прежнему подтянутая, строгая, она входила по утрам в класс и начинала урок – очередной и бесконечный – и своим ученикам в классе, и своим детям – урок стойкости, любви к делу, к людям, к жизни.

Эти отцовские и материнские уроки, а в них требовательная и бесконечная любовь к нам – единственное наследство, с которым мы, их дети, вышли в жизнь. Богаче этого богатства я ничего не знаю. Сколько раз жизнь подсовывала мне свои каверзные задачи и соблазнительные к ним решения. Бывало: запутывалась,

залезала в дебри. Но – звенел в душе тревожный колокольчик совести и я снова находила единственно верный – человеческий – путь.

Человеческий... как это не просто. Все чаще думаю: самое трудное и достойное на земле – прожить обыкновенным хорошим человеком, рядовым, не знаменитым, не выдающимся, но надежной опорой тем, кто с ним общается непосредственно. Быть хорошим внутренне, не напоказ труднее, чем под взглядами окружающих. Это требует большого мужества, подлинной незаурядности. Именно такие люди и становятся в свой звездный час героями, потому что не могут изменить себе в самых сложных условиях, не могут быть иными, чем есть. Такими были и останутся для меня мой отец и моя мать. Низко кланяюсь вам за это, мои родные...

## II. Я УЧУСЬ БЫТЬ МАМОЙ

«Я человеку подарила мир,  
А миру подарила человека...» –

Эти две строчки из какого-то давно прочитанного стихотворения врезались в мою память еще с юности. Так говорила юная мать, только что родившая сына-первенца. Мне понадобились годы и годы, чтобы понять, как много надо вложить в крохотного человечка, чтобы, вырастив его, можно было сказать о себе эти справедливые и гордые слова.

Каким он будет, рожденный мною малыш? Если я не сумею вырастить его человеком, мир мне за такой «подарок» спасибо не скажет. И если мир, наш беспокойный, сложный и прекрасный мир Земли ворвется в жизнь моего подросткового ребенка не чудом, а чудовищем и свалит его, слабого и неумелого, с ног, мой сын или моя дочь тоже не скажет спасибо – не кому-нибудь, а нам, матери и отцу. И пожаловаться будет некому...

### **КАКАЯ МАМА НУЖНА!**

*«ЗАЧЕМ ДЕТЯМ НУЖНА МАМА!»*

Читаю любую книгу или брошюру для начинающих матерей и не перестаю удивляться: как много внимания уделяется в них обслуживающему труду матери! Все расписано по минутам, причем рекомендации большей частью категоричны: обязательно кипятить, обязательно обмыть, протереть, проветрить, тем-то и тогда-то кормить, купать и т. д. и т. п. На это уходит все время не только матери, но и всех окружающих ребенка взрослых. Некогда подумать, понаблюдать; общение с малышом примитивно и однообразно, как, впрочем, и рекомендации на этот счет. Но хуже всего то, что дети растут, а материнский труд нередко все так же сводится к обслуживанию своих детей, к безотказному обеспечению их всеми благами жизни – вплоть до служебной карьеры и удачной женитьбы. И родительская радость заключается в удовольствии видеть свое дитя ухоженным, накормленным, одетым и «продвинутым» лучше «разных прочих». Какая же уйма времени и сил уходит на это! И какой же незавидный получается результат...

Получила я как-то раз письмо: «Возможно, вы даже несколько причастны к тому, что у меня четвертый малыш... Когда я носила второго, каждый прохожий считал своим долгом предостеречь и объяснить, что это огромная глупость. И вот – четвертый. Дело в том, что еще в школьные годы я увидела телефильм о вашей семье... Очень завидовала вашим детям. Решила тогда: когда у меня будут дети, пусть их будет много. Тогда у каждого из них будет товарищ для любой игры, любого дела. И скучно нам не будет...

Но оказалось всё не так. Оказалось, что главное – заставить поесть, научиться готовить, наводить и поддерживать порядок, укладывать спать (от одного до четырех часов тратится на это по вечерам!) ...Когда вдруг появляется свободное время, то непонятно, что с ним делать... Я не понимаю детей, не могу войти с ними в душевный контакт, не знаю, о чем и как можно с ними разговаривать...» Вот горько: «Я не понимаю детей!» И все потому, что главным стало: заставить поесть, навести порядок, уложить спать...

Допустим, матерям будут предоставлены сказочные льготы: например, работать полдня при полной зарплате, а в детских садах будут увеличены штаты, материальное благосостояние возрастет – все это осуществимо, кажется, к этому идем. Но вот вопрос: как будут использованы эти высвободившиеся средства и время? Будут ли они отданы детям? Если да, то как, на что они будут употреблены? Не выльется ли это прибавление времени и средств в более старательное обслуживание и только? Это страшно, потому что и детям, и самим матерям в жизни нужно совсем-совсем другое. О матерях я еще расскажу, а откуда мне знать, чего ждут от нас дети? Да от них же самих.

Прочтите «молитву», которую сочинила наша тринадцатилетняя дочь, когда я заболела. Привожу ее не всю – она шутливо-пародийна и касается лично моих качеств. Вот отрывок, поразивший меня серьезностью и глубиной заключенных в нем мыслей: «Господи! Господи! Господи! Верни здоровье матери матерей и отцов будущего... Будь милосерден! Верни здоровье матери, знающей все языки мира, ибо она знает язык детства!»

Дочка мне польстила: язык детства я еще только старалась постичь, но она как бы подсказала мне, что это-то и есть самое главное в матери. А через три года именно ее я попросила ответить на вопрос, который и меня саму мучил;

«Зачем детям нужна мама?» Вы думаете, что на него легко ответить? Попробуйте. Я отвечаю на него всю жизнь.

Мне захотелось взглянуть на проблему и с «детской» стороны.

Я получила от дочери несколько исписанных листков, в которых неожиданно обнаружила много интересного и поучительного для нас, взрослых. Воспроизвожу заметки полностью, не изменяя их конспективный стиль. По ходу выскажу и свои мысли: от этого просто невозможно удержаться!

Итак: «Зачем детям нужна мама? Действительно, зачем? И смотря **какая** мама! (Здесь и далее следуют подчеркивания автора заметок.) Каждый человек (независимо от возраста) должен знать, что есть существо, любящее его и принимающее его **таким, какой он есть**. Вот это принятие **таким, какой он есть**, – самое главное в матери».

Главное-то (дважды сказано и подчеркнуто!), оказывается, не всякая любовь, а любовь-понимание, проникновение в суть, доверие, т. е. принятие **своеобразия** и неповторимости растущего человека – без подчинения его намерениям взрослого.

«Мать, говорящая: «Я не хочу с тобой говорить», отталкивающая свое дитя, убивает в нем сына или дочь, **в себе – мать**. Самая главная обязанность матери – понимать. Мать, не понимающая своего ребенка, – это трагедия. Должно быть (видимо) в раннем детстве: мать для ребенка – спасение, защитник, **мать – утешение**. В более старшем; мать – советчик, наставник, **мать – утешение**. В зрелости: мать – друг, **мать – утешение**. Должен быть человек, у которого на груди можно плакать и в пять лет, и в пятьдесят».

Заметьте: мать – **не судья**, определяющий, что хорошо, что плохо, **не пример** для подражания, т. е. не какой-то жизненный эталон – оказывается, не этого ждут от нас дети! Признаюсь, меня это поначалу очень смутило: я всегда была убеждена, что нравственное влияние матери на ребенка зависит главным образом от ее собственного морального облика и ее оценок, ориентирующих ребенка в окружающем мире. А здесь об этом даже не упомянуто. Не требует ребенок от матери ни особого совершенства, ни какого бы то ни было превосходства над окружающими. Зато жаждет **утешения**, сочувствия, сострадания, соразмышления – содействия. Быть **ВМЕСТЕ** – вот чего он хочет! И я вспомнила, как в спектакле Ленинградского ТЮЗа «Дети, дети, дети...» пронзительной нотой прозвучал маленький рассказ-воспоминание одной актрисы. Ее мать была воспитателем детского сада и как-то взяла дочку с собой на работу, но, чтобы не смущать детей, попросила называть ее в группе по имени и отчеству – как все дети. Весь день девочка была, «как все». Но когда они с мамой, возвращаясь домой, остались одни, девочка бросилась матери на шею: «Мамочка, как я по тебе соскучилась!» Они были целый день рядом, но **НЕ ВМЕСТЕ!** Согласитесь, что это не так уж редко бывает и в собственном доме.

Мать – утешение... Но для этого мать должна быть сильной. Или это необязательно? В конце концов, «выплакаться» можно и у подруги на плече, и просто сочувствующему попутчику в вагоне...

«В любом возрасте между ребенком и матерью остается невидимая граница; превосходство матери над своим ребенком. Это не должны чувствовать ни тот, ни другой. Это, быть может, и опыт, и умение понять и принять, и эта способность к утешению...»

А-а-а... Значит, превосходство все-таки нужно, но такое, которое не разъединяет, не отчуждает, не унижает – превосходство «опыта... умения... способностей», а не просто старшинства с его нравоучениями и морализированием.

Значит, надо быть подлинно ведущим всю жизнь. Хоть и трудно, но надо – так я думала всегда, но...

«Наверное, отношение к матери строится так (на протяжении всей жизни человека): восхищение – сомнение – недоверие – неприятие – осуждение – снисхождение – понимание – прощение – раскаяние – преклонение. Эта цепочка составлена наспех: ее нужно разработать. Не знаю, **должно ли** это так быть. Для всех ли это одинаково, или, может быть, разное – для сыновей и дочерей? Быть может, мать должна быть разной для мальчиков и девочек? Для мальчиков она должна быть и женщиной, т. е. слабой, а для девочек – иной, более сильной?»

К сожалению, мне никогда не приходило в голову, что отношение ребенка к матери может так меняться на протяжении жизни. Я и сама испытала нечто подобное, однако забылось, забылось... А надо помнить – тогда негативизм подростков, отчужденность взрослых детей воспримутся не как крушение, трагедия, а как болезнь роста и только...

«Почему общественное воспитание не может заменить мать по крайней мере сейчас? Человек может любить кого-то **конкретно**, т. е. ограниченно – не тысячу людей и даже не сто, одинаковой материнской или сыновней любовью. Человек должен себя уметь «отпустить» и знать, где это можно сделать. В общественном воспитании ДОМА нет. Все время на людях. «Поплакаться» некому. Это давит на психику. Человек прячет свои переживания, приучается не обращать на них внимание, давит себя:

«Коллектив – главное! Думай о коллективе!» Это крайность – и поэтому плохо. Человек должен знать, что он для кого-то **НЕЗАМЕНИМ**. А какая незаменимость в общественном воспитании?!»

Снова и снова появляется эта мысль о незаменимости и незаменимости в отношениях между близкими людьми. Может быть, в этой жажде незаменимости лежит сознание неповторимости своей личности, чувства человеческого достоинства, невозможности, немыслимости предательства друзей, измены самому себе – этим изначальным нравственным основам человека.

Как же, оказывается, нашим детям не хватает личных, глубоко индивидуальных контактов с близкими людьми, не хватает избирательной, заинтересованной любви, тонкости и богатства эмоционального общения! Именно в общении маленький человек получает первые уроки нравственности.

## РАЗГОВОР О СОВЕСТИ

Дело было лет пятнадцать назад. Решили мы с ребятами определить (не заглядывая в словари!), что такое **совесть**. Трудная оказалась задача. Предлагали и то, и иное определение, наконец согласились, что «совесть – это умение почувствовать, хорошо ты делаешь или плохо».

– Чтоб всем было хорошо, – добавил кто-то из девочек, – а кто плохо другим делает, тот, значит, бессовестный.

– А если он думает, что делает хорошо, а выходит плохо, тогда как? – спросила Оля.

Этот вопрос всех озадачил, меня – тоже.

– В том-то и дело, – вдруг сказал Алеша, – что у каждого **своя** совесть, она может не соответствовать общепринятым критериям.

– Как, – удивилась я, – что же это за совесть, которая только сама с собой и считается? Тут что-то не то!

– Нет, то! – загорячился Алеша. – Именно только с собой и считается. Совесть – это соотнесение своих поступков **со своим** нравственным эталоном, вот и всё. **Со своим**, понимаешь?..

Дальнейшие его рассуждения запомнились мне надолго, заставили о многом подумать.

Он говорил, что хороша была бы совесть, если бы она была способна на «вливание под влиянием». Тут все дело в том, как и когда она закладывается в человеке, почему так стойка. Ребенок приобретает свои нравственные критерии тогда, когда еще ничего **не понимает**, но воспринимает все на эмоциональном, подсознательном уровне – как бы впитывает с молоком матери ее нравственные оценки. Это и становится его совестью – на всю последующую жизнь!

Помню, я возражала ему: «Что же, по-твоему, в дальнейшей жизни этот первоначальный критерий не меняется?» Он ответил, что хоть и меняется, но очень трудно: это не подконтрольно разуму, совестью нельзя **управлять**. Это она управляет, а не ею. Вот говорят: «Совесть мучает». А что это такое? Человек получает **неудовольствие** от каких-то своих поступков, испытывает душевный дискомфорт, хотя может и не знать отчего. Понимание, осознание приходит позже – вот в чем дело! Как это важно, чтобы ребенок с самого начала был окружен не просто любящими, но добрыми, умными людьми. А глупая, в том числе жертвенная, любовь страшна: она породит потребителя, эгоистичного и завистливого. Он родную мать, которая его всю жизнь ублажала, когда-нибудь сдаст в дом престарелых, и совесть его будет молчать!

Вспомнили мы старинную притчу о материнском сердце. Раньше она всегда возбуждала во мне чувство благоговения перед великой силой материнской любви. Напомню ее вкратце.

Влюбился юноша в прекрасную девушку и просил ее руки. Жестокая красавица согласилась стать его женой только при условии, что в доказательство своей любви он принесет ей сердце матери. И вот несет юноша материнское сердце в ладонях, но спотыкается, падает и роняет его на землю. И вдруг слышит: «Не ушибся ли ты, сынок?»

Когда мы вспомнили эту притчу после Алешиных слов, вдруг дошел до меня и до всех нас совсем иной ее смысл: да ведь **такой** сын, способный на самое страшное преступление ради своей прихоти, мог быть только у такой матери, которая готова пожертвовать всем, оправдать всё, лишь бы сыну было хорошо. Потому его совесть и позволила совершить такое ужасное злодеяние.

Наш разговор несколько увел нас от общепринятого определения совести, но заставил подумать о том, как рано закладываются в человеке основы для формирования его личности.

Обратите внимание: ребенок только появился на свет, а сразу начинает налаживать контакты с окружающим миром – кричать, например, когда мокро. Его не берут на руки («Ничего, пусть поплачет!») – он кричит громче. До-о-олго. Наконец взяли на руки, сменили пеленку. Мама рядом – какое блаженство! Малыш замолкает, удовлетворенный, а тут его опять кладут в коляску. Ну и логика у этих взрослых: за крик – наслаждение, за молчание – неудовольствие. Ну так получайте крик! Это первые, самые первые шаги ребенка и взрослых к будущему взаимопониманию или непониманию. Если и дальше так пойдет, а взрослые вовремя не спохватятся – получайте капризы, неврозы, озлобленность, скрытность, лживость. Только не говорите, что он такой **уродился**.

Итак, с самого начала мы, взрослые, направляем поведение, развитие, психику ребенка, передаем ему свои нравственные критерии, представления о жизни.

Я говорю «мы», но если этих «нас» много, неизбежен, как правило, разнобой. А если ребенку достается одна тридцатая замотанной няни в яслях или детском саду – что же он получит от такого «общения», кроме сухих штанишек?

Вот почему нужна малышу мать, с ее глубоко индивидуальной любовью, с ее возможностью и тонкой способностью с самого начала наблюдать первые пробы и шаги своего ребенка на долгом-долгом пути становления Человека, с ее неистощимым терпением и великим умением радоваться каждому, даже крохотному его успеху, чувствовать его боль. А при этом неизбежно **оценивать** все

его проявления и тем самым ориентировать его в жизни. Но для этого самой матери какой надо быть!

Реакция матери мгновенна, чаще всего интуитивна; о вычитанном и услышанном вспоминать некогда – как чувствуешь, так и делаешь. Ошибаешься, конечно, особенно в самом начале, но, если переживешь и осмыслишь ошибку, прибавится опыт. Матери надо, по выражению Марка Твена, «самозатачиваться» всю жизнь, но при этом **КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕЛЬЗЯ...**

Но закончу я эту важнейшую мысль только в последней главе книги – просто потому, что там она прозвучит убедительнее: сама я пришла к ней после всего того, о чем вам еще предстоит прочитать. Впрочем, матери меня поняли бы сразу, а вот отцы, дедушки и даже бабушки, а также ученые и руководители всех рангов, от которых зависит будущее наших детей, почему-то с трудом постигают очевидное. Попробую их убедить.

### **С ЧЕГО Я НАЧИНАЛА**

Мне всегда казалось, что к материнству, да и вообще к семейной жизни я была подготовлена неважно. Судите сами.

Во-первых, моя эрудиция в области педагогики была до обидного скудна, несмотря на педагогическое образование. Богатства, заключенные в трудах великих педагогов прошлого и настоящего, были когда-то «пройденны», но моими не стали.

Во-вторых, для меня и практика сводилась всего лишь к четырехлетнему стажу работы со старшеклассниками. Я ничего – буквально ничего! – не знала о младенческом и вообще о дошкольном возрасте. До 29 лет я ни разу не только не держала, но даже и не видела развернутого младенца. Мои представления о народных воспитательных приемах и обычаях, кажется, ограничивались «Ладушками», «Сорокой-воровкой» и рассказами бабушки о том, что «за столом ни гу-гу, а то ложкой по лбу». Небогато, как видите.

Как довольно скоро выяснилось, не был обременен всеми этими знаниями и мой супруг, и нам в семье многое пришлось постигать с азав, методом проб и ошибок, открывать не только новое, но и давно известное. Плохо, конечно, но нет худа без добра: приобретение чужого опыта ДО своего, усвоение великих мыслей тогда, когда собственная мысль еще ни над чем не побилась, не помучилась, направляют твою жизнь в колею указанной кем-то дороги. Ехать, конечно, легче – ровней, приятней, надежней, но... Как бы это объяснить? Когда сам идешь, да еще по буеракам, по бездорожью, каждую пядь буквально отвоевывая у пространства, все в тебе напряжено: и мышцы, и мысли, и чувства – и ты постигаешь закономерности жизни не готовыми формулами, а всем существом своим, каждой

клеточкой тела. Тогда и ошибка – урок и просчет учит, а удача окрыляет, делает увереннее, крепче. На этом пути ждут открытия, радость Творчества и «вечный бой»... Наша родительская доля складывалась именно так, и мы постепенно уверовали в то, что всё в семье, от фундамента до крыши, мы построили сами, начиная чуть ли не с нуля.

Однажды нам пришлось выступать перед большой аудиторией. Мы подробно рассказывали о нашем «нетрадиционном опыте воспитания» (так и значилось в афише) и отвечали на многочисленные вопросы. В одной из записок нас спрашивали: «А вас самих тоже так воспитывали? Что вы взяли в семью из собственного детства?» Мы переглянулись, засмеялись, и я сказала в микрофон:

– Нет, конечно, нас воспитывали совсем не так, мы ничего не могли взять из нашего детства: оно у нас было обычным, ничем от остальных детей в общем-то не отличающимся.

Как стыдно мне сейчас за этот ответ! Как хотелось бы вернуть тот вечер, увидеть тех людей, которые тогда почему-то одобрительно зааплодировали нам, и остановить их, и вернуть свои слова назад, и вспомнить, вспомнить, что же мы взяли в жизнь из нашего «обычного детства» и не могли не передать своим детям.

Теперь-то я понимаю: без того «начала начал» я просто не состоялась бы как мать.

### *ДЕВОЧКИ ПРЕДВОЕННОЙ ПОРЫ*

Я всматриваюсь, вдумываюсь в ту себя, далекую, и удивляюсь: многие мои материнские беды и победы зарождались именно там, в начале моей жизни.

Тогда я, разумеется, попросту и не думала о будущих детях. Правда, было один раз: в пику взрослым, утверждавшим, что много детей – обуза, я, еще девчонка совсем, похвасталась: «А у меня будет пятеро!» В ответ – громкий смех: «Ты одного сначала попробуй!» Обидно было до слез. Детская эта обида не забывалась долго. Я растревляла себя такими, например, горестными мыслями: «Ну что хорошего: один брат, да и то старший, поиграть не с кем. Вот была бы у меня сестренка...» Или: «Ленка – в магазин, Ленка – за картошкой, Ленка – за водой, все я да я. А вот было бы нас трое или четверо...»

В общем, я подходила тогда к вопросу о многодетности с позиции собственной выгоды: побольше поиграть, поменьше поработать. Рассматривать эту проблему с точки зрения усталой, работающей в две смены мамы мне и в голову как-то не приходило.

Как и многие мои сверстницы, девочки предвоенной поры, я мало чем отличалась от мальчишек и повадками, и мечтами. И хоть слыла основательной

плаксой – ревела из-за пустяковых обид, – синяки и царапины у меня слез не вышибали и своим голоногим приятелям я старалась не уступать ни в чем. Ни в дочки-матери, ни в куклы играть не любила, да и не было у меня кукол, кроме одной, кем-то подаренной и тут же брошенной. Училась я охотно и легко, и тут ежесекундно утверждая свое равноправие с мальчишками и втайне завидуя им: мне не хотелось быть слабым полом, приспособленным лишь к домашнему хозяйству. Да по правде говоря, меня к нему не очень-то и приохочивали, а сама я, разумеется, находила куда более интересные занятия: в доме было много книг, конструкторы, мозаика, игрушки, во дворе всегда шумно от ребячьих игр, а мне всего-то навсего десять лет.

– Ну и какая же здесь заявка на будущее? – спросите вы. – Что в этой полудевчонке-полумальчишке от будущей многодетной матери?

– О, в ней моя суть, да-да, никак не меньше! В это трудно поверить, но это так.

Именно тогда в дружбе-соперничестве с мальчишками я приобрела стойкий – на всю жизнь – иммунитет против многих женских недостатков: жеманства, завистливости, пристрастия к вещам, тряпкам, внешней косметике, искусственности вообще. Искренность в отношениях, открытость и незлопамятность – этому я научилась у мальчишек. Как мне потом пригодилось все это в общении с детьми!

Однако и многих подлинно женских достоинств я сильно недополучила: мягкости, ласковости, податливости и доброты мне явно не хватало. Как трудно было приобретать все это позже, буквально вынашивать под сердцем вместе с собственными детьми. Живи я без детей – не прибавилось бы всего этого во мне, а наверняка еще и поубавилось бы.

Так в нас, девочек, подобных мне, уже тогда зрела будущая «мужественная женственность», которая, осуществляя свое равноправие и не желая быть слабой, ломала самое себя, училась брать на себя все тяготы жизни и не просить помощи, быть независимой, гордой, самостоятельной, надеяться только на свои силы и ни в чем мужчинам не уступать. Разве мы могли тогда догадываться о том, что, расставаясь со своей слабостью, мы теряли свою силу? И разве могли мы представить, сколько еще из-за этого предстоит потерять и нам, и детям?

Впрочем, о детях как-то и не думалось. Мы вступали в юность с мечтой;

«Пуускай прославятся среди героев наши имена...». Главным для многих из нас было дело, которому мы готовились отдать все свои молодые силы.

Теперь много страшной правды узнали мы о тех годах. Камнем легло это на душу – ужасом бессмысленных жертв, горечью растоптанного доверия, стыдом за свое благополучное «святое» неведение и позором пусть косвенного, но участия в

том, что делалось у нас в стране. Как снять этот камень с без вины виноватых? Не знаю. Но то, о чем пишу, тоже правда: многие и многие люди, не ведая, что творится за их спинами, жили тогда трудной и честной жизнью. Я пишу о таких.

### *НЕСКОЛЬКО СТРАНИЧЕК ПРО ЛЮБОВЬ*

Вписывалась в наши девичьи мечты и будущая любовь – «на всю жизнь», и семья – не тихой гаванью с «грошовым уютом», а содружеством в деле. Эти возвышенные романтические мечты уберегали нас от легкомыслия и приземленности в отношениях с мальчишками: «Умри, но не давай поцелуя без любви» – это было сказано про нас.

Сама я была бескомпромиссна во всех этих вопросах и своих надеждах: я ждала любви огромной, а не крошечной – всё или ничего! Мое «мальчишеское» детство подарило мне мальчишескую же грубоватость, бесхитростность и мучительную застенчивость в проявлении чувства. Кокетничать я не умела: это казалось мне нечестным, стараться понравиться не хотела: это было для меня унижительным. На школьных вечерах я была либо среди дежурных, либо среди зрителей. И никто, ни один человек в мире, не догадывался, что мне... нравился один мальчишка из нашего класса. Самое большее, на что я осмеливалась, – это украдкой посмотреть ему вслед. А когда он отвечал у доски, я не могла на него взглянуть; боялась, что покраснею.

Святое чувство – дай бог испытать каждому это первое прикосновение к душе другого человека, проникновение в его мир, вчувствование в его чувства через восторг маленьких открытий, свершающихся каждый день: «Как смешно он оттопыривает губы, когда думает...» И я долго пытаюсь повторить губами это движение. «Ой, пуговица на рукаве едва держится...» – и целый урок сладко мучаюсь: «Сказать или не сказать?» Когда нас сталкивают друг с другом какие-нибудь школьные дела, мы оба теряемся до немоты, а потом исподволь ищем возможности как будто невзначай очутиться рядом.

Иногда я замечаю, что со мной ты быть не смеешь,  
И глаза твои темнеют, на меня косясь чуть-чуть.  
Ты не робкий, я ведь знаю, почему же ты робеешь  
Посмотреть в глаза мне просто, руку честно протянуть...

Я бы умерла, наверное, если бы эти мои стихи попались ему на глаза...

Первая любовь моя так и осталась моей тайной. Я даже сейчас не могла бы признаться в ней тому, кто был ее причиной. Но какой же глубокий след оставила она у меня на всю жизнь, какой была великой школой чувств: в этих милых, трогательных пустяках шла громадной важности работа – постижение духовного мира другого человека и... узнавание себя.

Какое отношение имеет все это к моей будущей семье, к моим детям? Самое прямое, иначе моя откровенность была бы просто неуместна. Я решилась на рассказ о своей первой полудетской любви потому, что этот духовный этап в развитии отношений между двумя людьми представляется мне необыкновенно важным. Его нельзя миновать, если хочешь любви глубокой, а семьи – прочной. Это, разумеется, не открытие, поскольку известно людям давно. Время «ухаживания», обряды обручения и помолвки отражают стремление найти пару прежде всего по душе. И высокой поэзией («Душа ждала... кого-нибудь»), и немудреной песенкой («Полюби меня, моряк, душою...») людям молодым как бы внушалось: не торопись, приглядишься, прислушайся и к себе, и к другому, прежде чем переступить черту.

А вот для чего это нужно, мне стало ясно сравнительно недавно. Этап духовного сближения, душевного приравнивания молодых людей друг к другу – это и есть главная подготовка их не только к дружной семейной жизни, но и к будущим родительским обязанностям в самой человеческой, самой ответственной их сути. Известно: чтобы дитя родить – «кому ума не доставало». Никакой особой физической и психической совместимости для этого не требуется; природа нас всех в этом отношении унифицировала, как миллиарды миллиардов других живых существ. Ей что? Лишь бы побольше было. А нам – человечеству – этого мало. Нам нужны люди неповторимые, одухотворенные, непохожие друг на друга, прекрасные человеческие личности, счастье которых, как известно, совсем не в хлебе едином... Но они сами по себе не рождаются. И успех в этом великом деле зависит уже не от природы, а от тех, кто ведет каждого нового человека в жизнь, от гармонии их отношений, совместимости многих их сторон – от любви, связывающей их друг с другом. Но любовь бывает, как известно, разная – каждому своя.

Во многом это зависит, по-моему, от разного **ожидания** любви, как бы ее предтечи, определяющей не только продолжительность и глубину чувств, но и сам выбор любимого или любимой. Буквально что ждешь, то и получишь – только не ошибись! Диапазон этих ожиданий огромен. У меня своя шкала их оценки. На низших ее ступенях стоит примитивная тяга к запретному плоду, возбуждаемая ранней половой и поздней социальной зрелостью. Она часто заводит в тупик бездуховности и отсекает пути к высшим пластам человеческой любви, застревая на уровне так называемой «сексуальной озабоченности». Чтобы ее снять, достаточно

партнера, тем же «озабоченного». Дети в эту «любовь» не вписываются никак. Тут они только помеха.

Где-то ближе к середине моей воображаемой шкалы стоит ожидание «законного» семейного счастья: с шумной свадьбой, уютной квартирой, материальной обеспеченностью, по возможности терпимыми отношениями и – что поделаешь? – с детьми!.. Нет, лучше с одним ребенком. В этом варианте возможна женитьба сразу с перспективой на развод («Поживем – увидим»), который сейчас все чаще обходится без трагедий и даже без слез. Ребенок? А что ребенок, при чем здесь ребенок? А если разлюбил (а)? И вообще: «Любовь свободна! Век кочуя, законов всех она сильней». Кочуя – понятно? Кармен можно, а мне нельзя? Отчего же – можно. Только вот дети... Ну, мы их в «теплые ладони страны» – выживут, не пропадут. А папы и мамы получают свою любовь, как и заслужили, мелкой разменной монетой и всю жизнь пребывают в уверенности, что любовь бывает только «в книгах» и «в кино».

Ну а что на вершине? Любовь Ромео и Джульетты? Божественное соединение двух жизней в одну судьбу и немыслимость существования одной без другой? Наверно, да. Ожидание такой любви прекрасно – недаром человечество благодарно хранит память о ней и создает о ней легенды. И все же, все же... не боги мы, а люди. Что богу даром дается, человеку трудом достается. Тем-то он и прекраснее всех богов и божьих избранников. Стою на том, что самая великая любовь – та, что создана, выстрадана, выпестована, пронесена и сохранена незапятнанной через все испытания жизни, та, что прошла по всем трудным дорогам рядом с тобой: и целовала морщины на твоём лице, и ласкала мозоли на твоих руках, и лечила раны твои, и воевала с тобой и с собой ради тебя, и прощала и защищала тебя, и даже без тебя продолжала дело твое, чтобы остался ты жить в памяти людей.

Есть в русском языке удивительное слово – целомудрие. Под этим словом понимают буквально девственность, непорочность, невинность. Иногда его считают почти синонимом неведению, неопытности, наивности. Однако словарь В. Даля дает определение, поразившее меня неожиданным глубоким смыслом: целомудрие есть здравомыслие, т. е. здоровый, не испорченный разными изъятиями душевный настрой, разум, не умеющий изворачиваться, ловчить, интриговать, поступать против чести и совести. Это неподкупность и непродажность. Целомудрие в любви имеет, по-моему, тот же великий нравственный смысл. Помните пушкинскую Татьяну? «Судьбу мою отныне я тебе вручаю...» Значит, доверяю тебе всю свою жизнь, и даже ее продолжение – в детях. Надеяться на такую любовь, искать ее, готовить себя к ней, не обмануться и не обмануть – вот в чем, по-моему, суть человеческого – целомудренного – ожидания любви.

В такой любви как без детей? И как без нее детям? Но это понимаешь позже, гораздо позже. А в начале, когда ее только ждешь...

Да что общие рассуждения. Коли уж начала, продолжу рассказ о себе.

Итак, я тоже ждала большой любви. Но вот дети... Как-то не вписывались они в мои представления о будущей жизни. Запомнились мне лишь два эпизода, связанные с этой неинтересной для меня темой.

В восьмом классе (мне – шестнадцать) мы одолеваем «Путешествие из Петербурга в Москву». Глава «Едрово» вызывает у меня недоумение: почему это Радищев так восторгается Анютой? Подумаешь – о ребенке она мечтает, героизм какое! И зачем было целую главу в такой книге ей посвящать? Тридцать лет спустя, когда мне пришлось перечитать полузабытые удивительные эти страницы, я восхитилась не только большой человечностью и добротой их автора, но и глубоким проникновением в суть социальных процессов, только зарождающихся на его глазах, но грозящих в будущем большими потерями для человечества. Но ведь это тридцать лет спустя! А тогда... Да что тогда, даже в институте в этом отношении я так и «не проснулась». Студенческая жизнь захватила меня. Была в ней и дружба, и молодая романтическая любовь, а у друзей – и веселые свадьбы вскладчину, и... дети. Помню, меня ошеломило: «Как, у Розы ребенок?» – но больше ни любопытства, ни радости от этой новости. Скорее удивление: и охота ей? Суэта эта с пеленками, кормлениями... Жизнь идет мимо, столько интересного в ней: научные кружки, самодеятельность, стенгазеты, первые «пробы пера» – все это, разумеется, я суетой не считала...

А потом наступил 1954 – целинный! – год. Я на Алтае, учительница в средней школе. Мне 25, я среди детей самых разных возрастов, но о своих не думается, не до того, спать приходится по три-четыре часа в сутки: тетради, подготовка к урокам, школьные дела – важнее этого для меня тогда ничего не было в жизни.

А ведь ждал меня в Москве человек; за письмами его я с замиранием сердца каждый день заходила на почту, и, когда наконец получала толстый пакет, не вскрывала его до дома, и первый раз читать листочки, исписанные знакомым нескладным почерком, могла лишь тогда, когда в комнате никого не было. Нет, я не была ни каменной, ни деревянной – живой.

Когда я вернулась в Москву, тихой семейной пристанью должно было окончиться мое бурное и долгое плавание по волнам непонятной и чем-то настораживающей меня любви. Ну что такое: без него не нахожу себе места, а с ним скованна, неловка, сама не своя. Без его писем тоскую, но каждое письмо, ожидаемое с таким трепетом, чем-то разочаровывает, раздражает. Мне казалось, что с любимым, близким, своим человеком я должна, наоборот, становиться больше

сама собой, но собой – лучшей. Не получалось и не получилось: этот барьер душевной отчужденности я преодолеть не смогла. Наревелась, но не сдалась. Сначала было тяжело, потом поняла: все правильно – лучше «не сойтись характерами» ДО, чем ПОСЛЕ.

Я только в 28 дождалась своего единственного, которому поверила сразу и навсегда: таких чистых глаз, сквозь которые «душа видна до доньшка», и такого сердца, открытого людям и всему хорошему в них, я еще не встречала. И... решено: судьбу свою я смогла вручить только ему. Но когда мы начинали свою общую жизнь, мы не знали, разумеется, чем для нас станут дети, какое счастье растить их нам предстоит испытать и как трудно будет это счастье строить.

Теперь самое время подвести некоторые итоги. С чем же я пришла к порогу своей будущей семейной жизни? Как я была подготовлена ко всем своим женским жизненным ролям? В кратком виде мои представления о них сводились к следующему:

главное – работа, остальное подчинено ей;

отношение к любви и браку возвышенное, требовательное и наивное одновременно (подчиняться мужу? Ни за что!);

хозяйство – к сожалению, без него не обойдешься, а хорошо бы времени на него не тратить;

дети? Как бы они не помешали более важному. К счастью, есть выход – ясли, детский сад...

Если бы я оценивала свою подготовку к семейной жизни по пятибалльной системе, то лет пятнадцать назад, я, наверное, поставила бы себе не выше тройки, а теперь за то же самое поставлю, пожалуй, четверку с плюсом. Спрашивается: почему?

Почему я со временем произвела такую существенную переоценку своего «досемейного багажа»? Дальше я расскажу подробнее о тех изменениях, которые произвело во мне материнство, ставшее настоящим «пробным камнем» для всех моих достоинств и недостатков.

А сейчас скажу коротко. Мое стремление быть независимой научило меня ответственности, а без нее мать не мать. Мое отношение к труду определило мою готовность браться за любую работу и доводить ее до конца, а без работоспособности и терпения матери обойтись никак нельзя, в том числе и в домашнем хозяйстве.

И именно мое убеждение, что семья нерасторжима, а любовь непреходяща, послужило стимулом моего великого старания находить выходы из семейных конфликтов без жалоб на разные обстоятельства и без расчета на чью бы то ни было

помощь. А дети... Что ж, я действительно не знала, что такое мой ребенок. Зато, когда он родился, ничто не встало между нами – ни знания, ни предрассудки. Мы учились понимать друг друга без посредников – с этого и началась моя материнская школа. Лишь теперь я могу оценить вполне: это было хорошее начало. И спасибо тем, кто дал мне к началу семейной жизни такое приданое. Все остальное мы наживали и преодолевали вместе всей семьей.

А преодолевать пришлось многое. Наша семейная жизнь, кроме обычных неумений, нехваток и неустройств, довольно скоро осложнилась еще и «нетрадиционным методом воспитания», который привлек в наш дом разных людей и вызвал много недоумения и даже возмущения:

– Зачем босиком по снегу?

– Буквы в два года?

– Вы разрешаете играть с огнем?

– Новорожденный – стоит? Висит? Ходит?

– Спортивные снаряды в комнате – не опасно? И т. д. и т. п. И хотя все семеро детей уже выросли, обзавелись своими семьями и опыт, описанный в наших книгах, помогает другим, споры вокруг нашей семьи да и между нами все еще идут, а «аквариумное» существование продолжает испытывать на прочность наш Дом до сих пор.

Сначала меня очень расстраивало то, что споры «со всем белым светом» не позволяют мне с легким сердцем свалить какую-то свою беду на природу, родню, улицу, школу, – за всё мы были в ответе, потому что во многом не подчинялись общепринятому. Только годы спустя я поняла, что эта обостренная ответственность для моего материнского становления была благом: она заставляла жить своим умом, набираться своего опыта, который помогал мне усваивать опыт других не слепо, а осмысленно, без подчинения авторитетам. Это и позволило идти непроторенным путем и прийти к удивительным открытиям в воспитании не только своих детей.

### **ЭКЗАМЕНЫ ПРИНИМАЕТ ЖИЗНЬ**

Обидно: во все творческие вузы, училища – сногсшибательные экзамены, тщательный отбор, огромные требования и нет отбоя от желающих приобщиться к прекрасному таинству искусства. А в то же время есть область творчества, значение которого непреходяще, – искусство воспитания, сотворения человека, но желание служить этой прекраснейшей из муз явно идет на убыль. Разве не так? Тогда почему же такая несправедливость?

Может быть, одна из причин заключается вот в чем. У деятелей искусства вся «кухня» их тяжелого кропотливого труда скрыта от глаз публики и от вме-

шательства извне (таинство!), а результат, пусть не столь великий, но доведенный до доступного совершенства, всегда на виду: в цветах и аплодисментах, на экранах и аренах, в граните и мраморе, на выставках и в ярких обложках.

А у воспитателей (всех без исключения – от «дилетантов»-родителей до профессионалов) все наоборот: на виду, как правило, вся «кухня» с ошибками, промахами, постоянным «соавторством» окружающих и великим сопротивлением «материала». А результат? И дожидаться его так долго, и получиться он может вовсе не такой, о каком мечталось, к тому же никогда не разберешься, что тут от тебя, что от «природы», что от «окружающей среды». Все радости, победные минуты и часы воспитателей, как правило, скрыты от всех, никому не видны или воспринимаются как должное. Сознайтесь: когда встречаешь хорошего человека, редко вспоминаешь его учителей жизни. Вроде бы он таким сам собой получился. А ведь у каждого есть свое начало, сотворенное кем-то.

Кому повезло на родителей, на учителей, а кому – не очень. Так как же сделать, чтобы повезло всем?

Говорят, каждый сам кузнец своего счастья. Но если бы любого из нас приставили к молоту и наковальне и сказали: «Ну-ка, давай...»

Семейная жизнь и сложнее, и ответственнее, а входим мы в нее часто без всякой подготовки. Вот и «куем» соответственно той «квалификации», которую получаем в родительских семьях, часто весьма неблагоприятных, а то и вовсе без семей – в каких-нибудь «общагах». Думаю: будет время, когда желающие стать родителями будут сдавать экзамены на отцовство и материнство (каждому – свой!), и тройка на этом экзамене не будет «проходным баллом». И справедливо: кому нужны «уцененные» родители? Придется проходить папину и мамину школу заранее.

А пока экзамены (к сожалению, после рождения ребенка) у нас принимает сама жизнь. И за наши ошибки расплачиваются наши дети – есть чего бояться потенциальным родителям, если честно прикинуть свои возможности. К тому же найдутся и еще причины для страха. Когда говорят и пишут о материнстве, главным образом сосредоточиваются почему-то на огромном труде матери и бесконечном ее самоотречении и самопожертвовании. Читаешь любую брошюру для молодых матерей – и оторопь берет: об одних детских болезнях – полкнижки! А остальное? Если прохронометрировать все рекомендуемые процедуры по уходу за младенцем, получается, что мать должна потратить на них не менее 15 часов в сутки! Такое представление о материнском «счастье» может только оттолкнуть от материнства: не мать при ребенке, а служанка. Оно и отталкивает, а любое другое дело становится более привлекательным и интересным.

К счастью, я раньше не читала брошюр ни об уходе за младенцами, ни о детских болезнях, ни об этом «ужасном переходном возрасте» и к тому времени, как у меня появился первый малыш, страху набраться еще не успела. Я шла навстречу неизведанному с радостью и с готовностью все осилить, все превозмочь. Я ничего не боялась: ведь рядом был Он – будущий отец моих детей. И все наши жизненные экзамены были еще впереди. Я пока о них даже не догадывалась.

### *СНАЧАЛА БЫЛ ЭКЗАМЕН «НА ЖЕНУ» И «НА МУЖА»*

Конечно, каждого в супружестве прежде всего ждет проверка «на мужа» и «на жену». И длится этот экзамен всю жизнь, а не только медовый месяц или первый год. Это, правда, понимаешь значительно позже, когда характеры начинают проявляться – и постигаться – не на поверхностном уровне житейских привычек, а на глубинных своих качествах: от разных интересов и потребностей до разных эстетических вкусов и нравственных оценок.

У нас в семье многое – главное – счастливо совпало или удачно совместилось; это мы поняли еще до женитьбы, но оставалось немало и такого, что сразу упрямо столкнулось и продолжает противоборствовать до сих пор. По-видимому, это естественно: горшок с горшком в печи и то сталкивается. Однако не мешало бы «горшкам» знать меру и способы этих столкновений, иначе недолго достукаться и до черепков. Способы мы изобретали «на ходу», а меру определяла наша большая взаимная привязанность. И хотя трещинки иногда появлялись, мы старались лечить их поскорее и «второй раз по больному месту не бить» – такое вот правило семейных баталий нам преподнес один наш приятель.

Постепенно выяснилось, что, во-первых, мы разные, а во-вторых, что это очень хорошо. Вам смешно? Скажете: ну и открытие! Теперь-то и я посмеюсь, а поначалу нам было вовсе не до смеха.

Я, допустим, с удовольствием слушаю какую-нибудь веселую передачу по радио, а Борис может поморщиться: «Ну и чепуха!» – или в самый неподходящий момент включить электродрель. Или так: он чертит графики, проставляет точки, тщательно выверяя их по своим таблицам, сидит над ними даже по ночам, а я не очень-то вникаю во всю эту «цифирь», которой, как я убеждена, далеко не все можно измерить. Меня больше интересует как раз то, что не укладывается в формулы. Но когда я с жаром начинаю говорить о каких-то своих наблюдениях, переживаниях, размышлениях, он с трудом подавляет зевоту. Мы оба терпим и

«блажь» друг друга, и обидное к ней отношение, но терпение когда-то кончается и (чаще начинаю я):

– Ты совсем не понимаешь, что я хочу сказать.

– Не могу! Разве за это казнят?

– Не хочешь понять. Если бы захотел, понял бы!

И так до слез и серьезных размолвок. Хуже всего, что причины конфликтов виделись и оценивались нами тоже по-разному. Борис считал, что каждая наша ссора начиналась с сущего пустяка, а потом на нее наматывался клубок, снежный ком моих необоснованных обвинений, которые я в запальчивости могу «выдумывать сколько угодно».

Для меня же начало конфликтов обычно ощущалось как верхушка айсберга – краешка каких-то исподволь накопленных («выпавших в осадок?»), невысказанных, невыявленных недовольств, нескрытых противоречий, от которых я с удовольствием бы избавилась, как от ненужного тяжелого груза. Но как избавиться, если так трудно выразить все это словами, а он еще не хочет слушать и вникать? И вот снова и снова:

– Опять снежный ком?

– Нет, это айсберг!

Растапливать все эти «льды» приходилось общими усилиями; затем мы вздыхали с облегчением и думали: ну, это больше не повторится. Однако повторялось, правда, реже и реже, но – повторялось! И не только у нас. Подобное я наблюдала и у ребят.

Однажды мы с Борисом на несколько дней уехали в Киев, а дети оставались дома одни. Когда мы вернулись, старшие девочки рассказали нам, что Люба с Ванюшкой очень хорошо утром вставали, сами собирались в школу, сами делали уроки и даже мыли посуду без всяких напоминаний. На следующий день я, как обычно, провожала их в школу. Они немножко тянут, не торопятся, и я говорю с некоторой досадой:

– И отчего это вы без нас так хорошо управлялись?

Любаша стояла рядом со мной и сказала тихо;

– Мы хотели, чтоб вы обрадовались...

Ваня не слышал ее и почти одновременно сказал отцу:

– Когда мы были одни, то мы были от... (запнулся на трудном слове) ответственной.

– Вот что значит женщина и мужчина! – умилилась я.

– Подлиза! – тут же буркнул Иван.

– А ты... а ты! – возмутилась Люба. – А ты врун и хвастун!..

И пошло-поехало. Что-то мне напоминает этот «диалог». А вам? Вот ведь как рано это начинается...

Много раз мучительно думала: неужели это противоборство столь неизбежно? Когда я впервые прочитала дневники С. А. Толстой, я поразились, какого трагического накала могут достигать отношения двух людей, каждый из которых защищает свою правду и не может ею поступиться. Тогда-то мне стало понятно, почему Л. Н. Толстому так нравилась чеховская Душечка с ее великим женским даром жить только интересами любимого существа и не претендовать в этом отношении на взаимность: своих-то отдельных интересов у нее просто не было.

Так что ж выходит? Чтобы стать идеальной женой, надо отказаться от самой себя, подчинить (да еще с радостью!) свою жизнь мужу и детям? А почему бы и нет? Ведь «только» женами и матерями были, например, Мария Александровна Ульянова, Анна Григорьевна Достоевская, Женни Маркс, Наталья Александровна Герцен и многие-многие другие... в прошлом веке. Что-то я не припомню примеров из нашего времени. Да-а, эмансипация сделала свое черное дело – отлучила женщину не только от пресловутых трех К: Kirche, Kuche, Kinder (церковь, кухня, дети), но и от собственного мужа. У нее появились свои интересы, связанные с занятиями вне дома, расширяющие ее духовные потребности. «Духовной жаждою томим» бывает не только пророк, но и любой из нас. Особенно жаждой понимания – ее стремится явно или подспудно утолить каждый. Прекрасен супружеский союз, основанный на таком взаимопонимании. Джоан Фримен, профессор из Великобритании, общественный деятель и мать четверых детей, говорит, что своими успехами обязана мужу, тоже преуспевающему ученому и очень занятому человеку: «У меня очень хороший муж! Он постоянно твердил: «В твоей жизни должно быть много других интересных для тебя дел, не только семья и дети!» Он заставлял меня писать статьи и книги, благодаря ему я написала свою первую книгу... мы прожили вместе уже 31 год. Главное, мы очень хорошие друзья; муж хочет, чтоб у меня было в жизни все, что меня интересует, а я хочу, чтобы у него было все, что нравится и хочется ему» (Семья. 1989. № 5. С. 13). Значит, это возможно?! Но почему же тогда так редко встречается подобная гармония отношений, которой мы все жаждем? Почему женщины прямо на глазах теряют эту «исконно женскую» способность понимать? Кавычки я поставила здесь неспроста: за ними скрывается очень важное, может быть, самое главное для того, чтобы успешно сдать экзамен и «на жену», и «на мужа».

В 1988 году (весной из ФРГ, а осенью из Японии) к нам приезжали переводчицы наших книг – в высшей степени современные женщины: эмансипированные, деловые и в то же время обаятельнейшие. Я по-хорошему позавидовала

гармоничному сочетанию в них деловитости и женственности – ведь эти два качества так трудно уживаются в моих соотечественницах. И вот, разговаривая с каждой, я невольно всякий раз думала: «Да-а, у такой женщины и муж, наверное, под стать – разделяющий ее духовный мир умом и сердцем, иначе ей такой не быть». Очень хотелось узнать, так ли это, да ведь не спросишь о личном напрямую...

А оказалось... Впрочем, процитирую (с магнитофонной записи) их внезапные, очень эмоциональные реплики по поводу моих размышлений о взаимонепонимании женщин и мужчин.

Марианна Б. (март 1988 г.): «У нас с мужем такие же споры, как и у вас, – удивительно!.. Я вас очень хорошо понимаю, потому что у меня муж такой же – критикует, но никогда не хвалит, никогда не спрашивает: когда же ты успеваешь все? Это ужасно! Женщина теряет женственность...»

Норико-сан (октябрь 1988 г.): «Да! И у меня тоже постоянно возникали такие конфликты, и в конце концов мои дети выросли, как это сказать, в окружении конфликтной ситуации...»

Вот так: процесс, оказывается, глобальный – ни западная, ни восточная культура с их прочными национальными традициями не в состоянии ему противостоять. Что же с нами происходит? И когда все это началось?

Прочтем, что просвещенные люди думали об этом сто лет назад: «В той мере, как женщины будут более заниматься научными изысканиями и общественной деятельностью, в той мере, как они больше и больше будут переносить центр своей жизни и деятельности из своего собственного «я» вне себя, страстнее будут отдаваться профессиональным занятиям, политической борьбе и интригам, тем лучше они будут сопротивляться инстинктивной потребности любви, тем легче будут обходиться без нее и приближаться в этом отношении к мужчинам. Для достижения такой цели, конечно, нужно соответственное воспитание целых женских поколений. Подобный результат в настоящее время достигнут в некоторых местностях Северной Америки. Там женщины давно пользуются большим почетом, широкой свободой, образованием, правами и теперь оказываются не менее образованными и свободными, чем мужчины... Вместе с тем наблюдатели отмечают, что американки суховаты сердцем, мало восприимчивы к нежным чувствам, при вступлении в брак руководствуются простым расчетом и не создают таких приятных семейных очагов, какие создают европейки. Воспитание даже маленьких своих детей они стараются передать посторонним лицам, но не занимаются им сами. Вообще так называемые женские свойства у них несколько атрофировались... Есть уже множество женщин, принципиально отказывающихся от брака, чтобы свои силы всецело посвятить общепольной деятельности»

(Каптерев П. Ф. Душевные свойства женщин. Спб., 1895. С. 48–49). А дальше автор цитирует из немецкой книги: «...высшее образование и самостоятельность дают женщине возможность искать и находить свое счастье независимо от мужчины» (Крепац А. Опасные стороны полной женской эмансипации. М., 1893). Каково?! И каковы названия книг?!

Время шло, «соответственное воспитание целых женских поколений» проходило по мужскому образцу. «Сколок, копия с мужского» – так с негодованием оценивал женское образование П. Ф. Каптерев даже тогда, сто лет назад. Что же сказал бы он теперь, когда мужское образование дополняется в жизни женщины мужскими обязанностями и профессиями? В общем, «опасные стороны женской эмансипации» проявили себя вполне. Только вот счастья в этом не находят, как мы убедились, ни женщины, ни мужчины, ни их дети. Последним особенно плохо в этом мире с «атрофированными женскими свойствами». Вырастая в бесчувственном холодном мире нелюбимыми – НИЧЬИМИ! – они несут эту эстафету разобщенности и дальше, в будущее, следующим поколениям. И процесс этот не остановить: джинн выпущен из бутылки. Как же всем нам быть?

Теперь я расскажу о том, к каким утешительным выводам я пришла в результате дальнейших размышлений... Только пишу все это и который раз ловлю себя на мысли, что скольжу по поверхности огромной, сложной, неисчерпаемой темы. Но что поделаться, если глубже не получается, а умолчать о своих «открытиях» не могу: слишком многое зависит в семье от решения этой давней и большой женско-мужской проблемы. Меня вдохновляет то, что я нашла подтверждение многим своим мыслям в книге П. Ф. Каптерева, о которой я уже упоминала. Правда, обидно было, что уже сто лет назад было известно то, что я открыла для себя с таким трудом. Но ведь открыла же! Так может быть и то, что хочу сказать, тоже имеет некое рациональное зерно. Заранее благодарю тех, кто не пропустит эти важные для меня страницы и подумает вместе со мной.

Давно я пыталась понять, почему же так обострился вечный «женский вопрос» именно в наше время. Раньше женщины жили тоже не бог весть как обласканные своими мужьями, но тогда их претензии на понимание не были так велики. Терпели потому, что зависели? Тогда почему сейчас мы, свободные и самостоятельные, стонем от внутренней неприкаянности? А мужчины в недоумении: чего им не хватает? И деньги у них есть, и власть, и независимость, и почет. Ну, времени маловато – верно, но самые чуткие готовы помочь и в быту, и с детьми, даже цветы по праздникам... («Чай, теперь твоя душенька довольна?») Ан нет! Душа как раз и мается: выслушай меня, прими со всеми моими метаниями, исканиями, мучениями, раздели их со мной – **пойми!** И чем больше развита,

духовно богата, творчески деятельна женщина, тем больше она этого жаждет. А деятельность, особенно творческая, – самое дорогое для женщины. Именно она и выманивает ее из дома. Не в этом ли корень всей проблемы?

Думая над этим, я вспомнила слова Тургенева о Пушкине, сказанные им в речи по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве: «В поэте, как в полном выразителе народной сути, сливаются два основных ее начала: начало восприимчивости и начало самостоятельности, женское и мужское начало, – осмелились мы бы прибавить». Какой неожиданный взгляд на поэта и на... женское и мужское начала народной сути. А что если, предоставив женщине возможность участвовать в самых разных, а преимущественно мужских, сферах деятельности (да еще с такой перегрузкой!), мы тем самым объективно поставили ее в положение деятеля со всеми вытекающими последствиями: она начала быстро терять свои воспринимающие свойства и неизбежно стала остро нуждаться в проявлении этих качеств у близких людей, особенно у мужа. Кто как не супруги призваны разделить все радости и тяготы жизни? Но ведь мужчины не прошли долгого и трудного пути развития чувств, который прошли женщины благодаря материнству. Они часто даже не представляют, сколько «обязана трудиться» душа, чтобы понять другого. В большинстве своем мужчины оказались не готовы к этому труду. Исключение составляют (да и всегда составляли!) поэты, объединяющие эти два начала в себе. Объединяющие! Оказывается, возможно в одном человеке слить деятельностное и воспринимающее начала.

Я вспомнила еще и слова Гоголя: «Пушкин... это русский человек в его развитии, каким он, может быть, явится через двести лет», т. е. человек будущего, далекого, но осуществимого! Вот тут-то и подумалось: коли мы стали деятелями, то обязаны вырабатывать воспринимающие функции и тем самым подниматься к «полному своему развитию» – к совершенству. Это не значит, конечно, что мы будем уподобляться друг другу – наоборот! Речь идет именно о понимании, восприятии иного мира, похожего и непохожего на твой собственный. Насколько богаче мы станем, приобретя этот воистину божественный поэтический дар. Но путь к этому так долог и противоречив. Первый шаг – к равноправию – сделан, пусть с перекосами, потерями, трагедиями, но сделан. Сейчас мы находимся как бы в противостоянии. Теперь нужен второй шаг – навстречу друг другу. Каждому предоставляется возможность сделать его в своей собственной семье. Я попыталась, и вот как это было.

Во-первых, я поубавила свои претензии к мужу: поняла, что он действительно пока не может понять меня, а во-вторых... дала волю своей Душечке, которая во мне – эмансипированной! – оказывается, вовсе не погибла. Все началось не с

обдумывания, а с чувства. Я как-то в минуту сильного раздражения и возмущения посмотрела на его смятенное, ничего не понимающее обиженное лицо и вдруг увидела нас обоих как бы со стороны – глазами его матери. И так жалко его стало... Взрослый человек, отец моих детей, стал на мгновение моим ребенком, которого обижают. И я будто опомнилась: ему так нужно было, чтобы его поняли, и мне самой захотелось того же – понять. Это было не старание понять умом, а вчувствование, желание оказаться на его месте, ощутить его состояние. Эти прекрасные, добрые минуты не только спасли нас от бури, но и открыли во мне неведомые раньше резервы сочувствия, сопереживания, доброты.

Постепенно я осознавала, что не подчинять мы друг друга должны, а приравниваться друг к другу, особенно бережно обращаясь как раз с тем, что составляет суть каждого, его неповторимость, индивидуальность. И при этом не ожидать, что все потребности каждого смогут быть удовлетворены одним человеком. Кроме семьи, у каждого из нас есть друзья, родственники, сослуживцы, есть занятия и интересы, которые могут совсем не интересовать другого. Важно тут хотя бы не мешать заниматься любимым делом, если оно, конечно, не во вред окружающим и не осуществляется за их счет.

Поняла я еще и вот что: переживания могут быть похожи, а средства их выражения разные. И наоборот, вроде один и тот же жест, взгляд, а смысл их различен. Причем у каждого этот язык чувств свой, выработанный когда-то в детстве. Для одного, например, бурное проявление эмоций свидетельствует о силе и глубине чувств, а для другого то же самое покажется несдержанностью, даже распушенностью.

Как же это хорошо: понять друг друга! А в самом начале... Ох и трудно было в самом начале, особенно когда появились дети, а мы еще не знали, что отец и мать не должны повторять друг друга. В наших дневниках в те годы нередко встречается слово «конфликт». И из-за чего! Неловко признаться. Но вот пример.

### *КОНФЛИКТ ИЗ-ЗА... РАСКЛАДУШКИ*

«28.07.1964 г. Алеша (5 лет) и Антон (3 года) уже улеглись спать, когда бабушка пришла за раскладушкой. Обе раскладушки были заняты, но папа решил быстро: ребят положил валиком на маленькую раскладушку, а большую отдал бабушке. Увидев, как он положил ребят, бабушка, естественно, запротестовала: «Им тесно...»; «Они упадут...»; «Давай принесем матрас...»; «Давай положим на пол обоим...»; «Давай, наконец, я возьму маленькую раскладушку, а ты их положи на большую...» Ее тревоги и протест были понятны: из-за нее другим причиняется неудобство. Всякий бы на ее месте тоже запротестовал, почувствовал неловкость от

происшедшего. Но Борису это было непонятно. Он это расценил как очередное «не нашей линии» бабушкино желание – и все. Он взял и отнес раскладушку в бабушкин дом, не обращая внимания на ее протесты. Когда он вернулся, снова начались препирательства.

Я была в соседней комнате (кормила Анюту) и все это слышала, а потому с раздражением сказала:

– Борис, да принеси ты матрас и уложи их порознь, стоит ли из-за этого спорить!

– Они и так очень хорошо лежат. Почему мы должны делать так, как захотелось бабушке?

Мое вмешательство было расценено им как очередное отступление от «нашей правильной линии» и только подлило масла в огонь.

– Ну, тогда я не возьму раскладушку, – в сердцах заявила бабушка и через некоторое время принесла раскладушку назад. Во мне все закипело от обиды и негодования: из-за чего все пошло – из-за человеческого упрямства, мелочи какой-то. А я-то собиралась лечь спать пораньше, чтоб выспаться!

Обида, досада наворачивали мысли, одну нелепее другой, но в такие минуты они кажутся правдоподобными: «Лишь бы на своем настоять; неважно, что просят сделать два человека, лишь бы по-своему сделать в любой мелочи – что за глупость невозможная! И как после этого дети могут относиться к словам и просьбам других?» Короче, я «завелась»: захотелось грубить, обидеть, задеть побольнее.

– Удовлетворен? – громко спросила я, проходя мимо комнаты, где находился Борис с детьми. – Вот спасибо – устроили: все идет как по маслу...

И результат: мне совсем не до сна и от всего происшедшего, и от собственного поведения – мерзко на душе. И слезы не помогли. Ох, до чего противно! И как выбраться из всего этого?»

А вот та же история глазами Бориса и его мысли при этом.

«Пришла бабушка и попросила раскладушку, у них нет ребятишек, значит, спать будет взрослый. Надо дать поэтому большую раскладушку – взрослому на маленькой (160 см) коротковато. Так подумал я и переложил Алешу к Тинюше валетом. Кстати, надо посмотреть, как они будут спать в одной кровати: вдруг в жизни так придется, а они не умеют. Надо сейчас это попробовать – так думал я, а бабушка стала возмущаться:

«Ведь им тесно в раскладушке».

– Ничуть не тесно, – возражает Алеша и отодвигается на край раскладушки. Я ложусь посередине между ними, на меня взбирается еще и Оленька. Но... это бабушку не убеждает. Она продолжает утверждать, что им тесно. Видимо, она так и

не даст попробовать уложить ребятишек вдвоем; я уже начинаю нервничать, но сдерживаюсь.

– Раскладушку считайте доставленной уже на дом, – шутливо говорю я и бегом отношу ее в бабушкин дом.

А по дороге думаю: ведь барство заставляет людей считать маленькое неудобство громадным ущербом для себя и оставаться глухим к любым просьбам других людей, если эти просьбы рождают даже не действительную, а мнимую неприятность. Мне страшно подумать, но ведь то же самое бабушка может сделать с Алешей, и если она этого не понимает, то мы-то должны понимать.

Я возвращаюсь домой и застаю бабушку на террасе, складывающей вдвое большой матрас для Алеши.

– Я очень прошу вас не делать этого! – говорю я бабушке таким тоном, что она оставляет матрас и уходит со словами: «Ну, тогда я принесу раскладушку обратно!» – чем окончательно бесит меня. Я молчу, закрываю на задвижку дверь за нею, приношу (на всякий случай) этот чертов матрас с террасы и ложусь, едва сдерживаясь от злости, в кровать. Я даже пропускаю мимо ушей «Удовлетворен?», сказанное Леной. Злость на бабушкин «подход» кипит во мне. Лежу, стараясь не шевелиться. Тошно на душе до невероятности.

И пошло все «наперекосяк», как говорит Лена. Утром она не смотрит на меня, убежденная в моей глупости, упрямстве и других подобных качествах. Выяснить, почему я так поступил, она не собирается. «Все и так ясно!» – видимо, думает она.

А что же я преступного совершил по сути дела?

Ведь то, что мы выполнили бабушкину просьбу и отнесли ей в дом большую раскладушку, а не маленькую, в счет не идет. Почему?

А вот то, что я не захотел, чтобы Алешка придавал значение тому, где, как, на чем он спит, чтобы он не считал неудобством спать с братом на одной кровати, – это преступление, и очень серьезное. Надо выполнить бабушкино желание.

Почему надо думать не о детях, не об их развитии, не о тех качествах, которые они приобретают, а о том, что понравится или не понравится бабушке?»

Все это мы записали друг за другом в одной тетради, еще ничего не выясняя и не «идя на мировую», – обида еще кипела и в нем, и во мне. Но записи помогли: мы оба поняли, что оба правы, но каждый со своей точки зрения. Я, мать, жила сиюминутными переживаниями и обращала внимание главным образом на отношения между всеми участниками этой маленькой трагикомедии. Когда же я прочитала написанное Борисом, я пришла к нему с повинной. Вся история предстала передо мной совсем в ином свете: он, отец, заглядывал в будущее ребят, заботился не об улаживании конфликта, а о потерях и приобретениях в характерах

ребят послезавтрашнего дня – не на пустяках он настаивал, а на том, от чего не мог отступить. А я его не поняла, даже не захотела понять... Он, выслушав меня, тоже признался: «Знаешь, даже в голову не могло прийти, что я кого-то обижаю, с кем-то не считаюсь. Хотел, как лучше...»

Удивительно: размолвка привела к тому, что мы не «врозь побежали», а сделали шаг навстречу друг другу, в чем-то разобрались. И так было и другой, и третий раз, и сотый, и тысячный: оставаясь разными, мы постепенно все больше понимали друг друга. А это больше всего и нужно, когда в доме дети. Налаживая собственные отношения, мы одновременно постигали и усваивали разные роли матери и отца, учились ценить их.

Вот еще одна выдержка из дневника.

«02.06.1964 г. Улеглись Антон и Оля спать. Алеша еще не лег, хотя спать уже хочет – это по всему чувствуется. Но еще больше хочет побыть с нами. Он залезает ко мне в кресло, усаживается рядом, приваливается ко мне, некоторое время читает сам, потом просит меня.

– Мам, почитай мне немножко...

Я читаю ему немного, потом говорю:

– Алешик, поздно уже, давай умоемся и спать. А?.. Нам с папой еще фотокарточки печатать, потом письма писать.

– А это долго – печатать?

– Да с часок.

– А можно я буду с вами? Пап, я тебе буду помогать.

– Можно, – соглашается отец, – ну, иди, готовь ванночки, наливай воду, включай красный фонарик, а я пока допишу письмо...

И Алеша моментально скидает: ему вовсе не хочется сейчас что-то делать одному. Он надеется на то, что будет вместе с папой что-то делать, неважно что, а важно, что вместе.

Я чувствую, что у него как-то неуютно на сердце от папиных слов, предлагаю ему умыться, а потом уж браться за фотографию. Я даже помогаю ему умываться, а потом говорю:

– Ну, теперь иди делай, что папа тебе говорил. Что там надо делать?

Он без особого энтузиазма идет в мастерскую и начинает там что-то передвигать, переставлять. Через некоторое время он тянет:

– Па-а-п! А я не знаю, как включать.

– А ты подумай, – отвечает отец, занятый письмом.

– А я не зна-а-ю... – снова тянет Алеша. Ему так хочется, чтобы папа был рядом. Он начинает похныкивать и снова тянет:

– Не зна-а-ю...

Переговоры «мастерской с комнатой» идут минуты две. Наконец отец сердится:

– Не знаешь, как включать, – ставь ванночки и наливай воду.

– А мне без тебя не хо-очется, – искренне сознается Алеша.

– Не хочется – тогда иди спать! – резко бросает Борис.

Алешка изо всех сил старается удержаться от рева: он знает, что тогда разговор с ним будет совсем короток. Но папа не замечает его старания.

Я не выдерживаю:

– Боря, да пойд и помоги ему.

Но папа недоволен:

– Он вполне может справиться сам.

– Ты не прав, – начинаю нервничать и сердиться я, – он просто хочет спать, как же этого не учитывать?

Наконец папа сжалился над нами, пошел к Алеше в мастерскую, и вот я уже слышу счастливо-нервный смех Алеши. Он говорит с дрожинкой в голосе, но уже успокаивается – папа с ним рядом.

Проходит минут пятнадцать. Из мастерской доносится до меня бодрый разговор моих мужчин, обсуждающих какие-то детали фотографирования, – обычный разговор, деловой и хороший.

А вот мой младший «фотограф» появляется передо мной и говорит, привалившись к моим коленям:

– Мам, прочти мне что-нибудь... – и тычется потяжелевшей головой мне в колени. Мы идет с ним на террасу, Алеша охотно растягивается на постели, говорит мне тихонько:

– Спой мне песенку... – и засыпает почти сразу вслед за этим, засыпает, умиротворенный, глубоким и, кажется, спокойным сном.

Да, все-таки наш «большуха» еще совсем малыш и нужна ему ласка и сердечность, как цветку солнышко. Без этого вянет в нем что-то хорошее, отзывчивое, рождается озлобленность, обида.

А как думает папа?»

Прочитав это, Борис написал:

«03.06.1964 г. Он думает немного иначе.

Во-первых, Алеше уже 5 лет – требования к нему должны быть выше, чем к Антону и Оле. Он хочет спать, но ложиться без папы и мамы ему не нравится. Он согласен помогать печатать фотографии, но надо бороться со сном, надо взять себя в руки, надо что-то сделать одному, хотя этого и не хочется. Эта борьба с самим

собой есть развитие, есть укрепление воли, и если немедленно приходить в таких случаях на помощь, то развития происходить не будет.

Во-вторых, папе надо закончить свое дело (начатое письмо), ему не хочется бросать его, не дописав десяток строк. Почему Алеша не должен знать, что у папы есть важная работа, которую он не может бросить сразу же, как только Алеша его позовет?

– Что, ты не можешь бросить писать и подойти к Алеше, когда он зовет тебя?  
– спрашивает мама.

– Я могу бросить писать в любой момент, но я не могу понять, почему Алешино желание должно быть важнее, чем моя работа?»

Думаю, что мужчины, прочитав эти странички, будут на стороне отца, а матери, конечно, пожалеют малыша и подумают про отца: бессердечный. Так уж мы, видно, устроены – неодинаково видеть.

Как же по-разному воспринимают и оценивают одну и ту же ситуацию мать и отец! И самое удивительное: оба правы. Это сейчас для меня ничего удивительного в этом нет, а тогда мне, воспитанной и в семье, и в школе на безусловном уважении к «единству требований», такой разнобой в подходе к одному и тому же событию казался чуть ли не преступлением. Я горячилась, настаивала на своем и, естественно, только усиливала сопротивление отца, не желающего идти на компромисс в том, что он считал принципиально важным. Мы долго не могли понять, что вовсе не противоречим друг другу, что без всякого компромисса мы можем быть правы одновременно оба.

Ну вот хотя бы в описанном случае я как мать лучше, тоньше почувствовала сиюминутное состояние сына, видела, что все силенки у него уходят на преодоление сна, на большее их уже не хватает, ему надо пойти навстречу хотя бы потому, что он тянется к отцу. Нельзя отталкивать, ожесточать его: сейчас это опасно! Отец же, занятый своим делом, не вникает во все эти тонкости, да просто и не видит сына. Он не склонен потакать ему в слабости и справедливо считает, что малыш в пять лет уже должен брать себя в руки, уметь преодолеть себя... Так кто же кому тут должен был уступить? А никто никому. Нужно было другое: мне – понять намерения отца, помочь сыну выполнить его требования, а отцу – прислушаться ко мне, поверив в мое материнское чутье. Мы, хоть и не сразу, интуитивно так и сделали, и все обошлось благополучно.

Вот так и осознавалось то, что разница между нами не мешать нам должна, а помогать. Мы же уравнивали друг друга, не позволяли никому из нас впасть в крайность: отцу – в жесткую заданность, а матери – в потакание малейшим прихотям своего ребенка. Если бы понять это раньше!

Зачем я об этом пишу сейчас, нарушив в рассказе естественный ход событий: ребенок-то у меня еще не родился! А затем, чтобы именно сейчас, вначале, сказать очень важное: ребенку нужны мать и отец – видите, как ему плохо и без того, и без другого. Невосполнимо плохо.

Пора, наконец, вернуться к началу моего длинного-длинного материнского пути.

### *КОГДА ВО МНЕ РОДИЛАСЬ МАТЬ*

На одной из подмосковных станций есть высокая лестница на мост через железную дорогу. Я по ней ежедневно поднималась и спускалась, когда шла на работу. Мне это было легко: молодая еще, сильная, взлетала, даже не задохнувшись. Бегом через две ступеньки – вечная эта спешка. Раз споткнулась – рассмеялась, вскочила и дальше. Главное: не опоздать бы на урок. Не влетать же учительнице, запыхавшись, наперегонки с опоздавшими! Не-е-ет, метров за сто до школы я перехожу на солидный, неторопливый шаг и к школьному порогу успеваю приобрести серьезный, вполне учительский вид... И так изо дня в день третий год подряд.

Но однажды...

Этот зимний метельный день запомнился мне на всю жизнь. Вот тогда-то лестница, вернее один ее порожек, обыкновенный выщербленный деревянный порог с прибитой по краю планкой, чтобы не соскальзывали ноги, стал для меня символической ступенью в новую неизведанную жизнь.

Был январь 1959-го, первые дни после школьных каникул, и я, как всегда, тороплюсь... Могу даже и бегом, хотя моему будущему сыну – моему первенцу – уже пятый месяц. Я пока не чувствую ни тяжести, ни недомоганий. Мне больше любопытно, чем страшно, иногда прислушиваюсь к себе: ну, и как там ОНО? Но сейчас мне не до того – спешу. Лестница занесена снегом, скользко. Впереди меня кто-то поскользнулся, чертыхнулся, и тут же чувствую, как моя нога поехала куда-то вбок. Я судорожно хватаюсь за перила. И вдруг: мягкий толчок внутри, нежный такой, не слабый, но странно медленный почему-то. А может, мне так только показалось? Может быть, в ощущении мгновение растянулось до минуты? Сердце заколотилось. Я прислонилась к перилам.

Мимо шли люди, кто-то остановился, поднял мою сумку с тетрадями. Я пробормотала: «Ничего, ничего, я сама», но не могла сдвинуться с места. Уроки, звонки, тетради – все в мире исчезло для меня. Были я и ОН, этот неведомый кто-то во мне. И тревога, острая, необыкновенная, не за себя – за него. Подумать только: оступись я – и могла бы оборваться или изуродоваться целая человеческая жизнь. И от меня, только от меня это зависело! Я впервые и навсегда почувствовала себя

принадлежащей не себе, а ей, этой будущей неизвестной мне жизни, так неизбежно, неотвратимо зависящей от меня. Я не могла тогда понять, что вместе с первым толчком моего ребенка во мне родилась мать и что эта забота – не оступить (в прямом и переносном смысле) – теперь у меня будет на всю жизнь.

Как же мы ждали его, нашего первенца! С того памятного дня я прислушивалась к себе – к нему! – едва ли не ежеминутно. Каждый его толчок вызывал тревогу и нежность. Когда он уж очень сильно начинал брыкаться, я тревожилась: нормально ли это? Можно подумать, что у него там десяток рук и ног! А может быть, он там кувыркается?

Зато Борис был очень доволен:

– Акробатом будет! Или бегуном. Уж мы с ним побегаем.

– А может, бегуньей?

– Мне все равно, «хоть полосатенький, хоть в клеточку», только бы поскорей.

– Он ждал своего «полосатенького» с детским нетерпением. Это меня смешило и трогало. Посмотрит он, бывало, на меня как-то странно, как на чудо какое-то, скажет: «Даже не верится, что через год у нас кто-то уже бегать будет к этому времени».

– Так уж и бегать, – сомневалась я, – хоть бы ползал...

– В год-то! Ты что! Да мы с ним...

– С ней... – ехидничала я.

– Да все равно! Ты, главное, давай поторапливайся, все сроки прошли! А не могла бы ты постараться да сразу троечку, ну хотя бы двоих, а?

А срок и правда приближался: остался месяц... неделя...

И вот я в предродовой палате, отчетливо помню момент: где-то закричал младенец, потом другой – видимо, настало время кормить, а здесь все было слышно. Я даже не поняла, что это. А потом: «Ой, ведь это те, что уже родились...» Я лежала и слушала крики, а сердце билось: «И мой так же закричит?»

Роды были нелегкие, но я готова была выдержать все, лишь бы «закричал так же» и мой. Я очнулась от его крика: надо мной склонилось доброе морщинистое лицо нашей няни, тети Дуси.

– Это... кто... кричит?... – шепчу спекшимися губами.

– Сын! («Сын!») Ишь раскричался – не унять! А то было никак не хотел голос подавать – отшлепать пришлось негодника.

«Сын, у меня сын!» Как передать то, что происходило со мной? Эти мгновения вознаграждают за все страдания – так они прекрасны.

Акушерка, взясь с ребенком (Моим! Сыном!), привычно пошутила:

– Небось, больше не придешь к нам, не захочется?

– Приду... – пропищала я едва слышно. Да мне все теперь было нипочем – все позади и сплошное ликование внутри: сын! Я тогда не знала, что самое трудное позади, да самое сложное впереди. Эту премудрость я постигла лишь лет пять спустя. А тогда одно было в голове: я – мама.

Но увидела я сына только на вторые сутки, когда мне его принесли кормить. Если бы я знала, сколькими страданиями обернется это для нас с сынишкой: и нехваткой молока, и бессонными ночами, и жестоким диатезом... Да, если бы я знала, что всего этого можно было легко избежать, покормив малыша в первый час после рождения, я бы тогда, наверное, утащила его из детской и покормила сама. Но я не знала... Когда сестра положила передо мной тугой сверток и я взглянула на красненькое сморщенное личико, я... Я помню все, каждая клеточка моего тела помнит минуты этого блаженства, когда мы впервые оказались рядом. Он сосал, а я смотрела, смотрела на его крохотные бровки, реснички (все настоящее!), потную прядку волос, прилипшую ко лбу... Слезы у меня лились сами собой. О чем я думала тогда? Не помню. Какое-то половодье чувств, а не мыслей – никогда ничего подобного не испытывала я раньше. Тут и страх (как бы с ним чего-нибудь не случилось: вдруг уронят, вдруг он захлебнется, вдруг...), и жалость, желание защитить, укрыть, никому не отдавать... и умиление бесконечное. Да что там – это надо испытать. Мне жалко мужчин – им этого не дано... Впрочем, это не совсем так.

Теперь известно, что если отцу дать подержать только что родившегося младенца, то подобное же чувство испытывает и он. И это так действует на мужчину, что он мгновенно привязывается к малышу и не чувствует впоследствии никакой растерянности перед ним и отчужденности, которая так часто бывает у отцов, особенно молодых. Может быть, на бурном эмоциональном подъеме от тревоги за мать, от счастья благополучного исхода и первого потрясающего ощущения – крохотного беспомощного существа на своих ладонях – в мужчине и рождается потребность защитить рожденную им жизнь, рождается отец? Тогда зачем же лишать наших мужчин этих прекрасных мгновений?

Когда сестра пришла забирать детей (она так и объявила с порога: «Хватит, мамыши, забираем ваших орунов!»), у меня задрожало все внутри – не надо! – но как я могла не подчиниться? Сестра бесцеремонно, с привычной ловкостью подхватывала младенцев и по двое уносила из палаты, одинаковых, как полешки. Матери провожали их осиротевшими глазами. Я лежала опустошенная, разбитая и несчастная: как он там? Ну зачем его взяли?

Спустя 20 лет, когда я прочитала, что новорожденному необходим физический контакт с матерью («кожа к коже») сразу после рождения, я тотчас вспомнила то свое состояние разбитости и тоски после разлуки с сыном, и отчаяния от того,

что молоко у меня так и не появилось в последующие два дня. Меня окрестили «немолочной мамой», и я потеряла всякую надежду на то, что у меня когда-нибудь прибавится молоко.

Так начались трудные будни.

А потом был яркий июньский полдень. Мы с сыном возвращались домой. Мы шли по тропинке вдоль железнодорожной насыпи. Я нарочно выбрала этот безлюдный путь – нам надо было побыть одним, Я просто не выдержала бы ничьего присутствия: только мы и солнце, мы и небо, мы и наш сын! Как нежно и бережно нес отец драгоценный сверток, как трогательно заглядывал под кружевную простынку и говорил изумленно: «Спит...» И смотрел на меня – как смотрел! По моему, самые счастливые мгновения в любви именно эти.

### *ЧТО ГЛАВНОЕ В САМОМ НАЧАЛЕ*

И вот наконец мы дома. В первые минуты – усталость и растерянность: что делать, за что хвататься, кормить ли, пеленать ли? Да его и развернуть страшно! И страшно подумать: когда же он теперь вырастет? Начался тот самый кропотливый, однообразный материнский труд, который хоть кого повергнет в уныние и отчаяние.

Я скисла в первые же дни. Еще бы: ни опыта, ни знаний, к тому же мало молока, зато много настойчивых советчиков, противоречащих друг другу. Трудно. И не нашлось ни одного человека, который бы сказал: «Оставьте мать в покое, дайте ей опомниться и самой разобраться, ей надо приноровиться к ребенку. Это главное сейчас». Золотой этот совет я даю дочерям в наследство: кто и что бы ни говорил матери, надо помнить – главное для начала именно это – приспособиться матери к малышу, малышу – к матери, а отцу – помочь им в этом своей заботой, ласковой поддержкой даже в мелочах. Особенно в первые месяцы, когда маме так трудно. Не кормление по часам, не стирка и глажение пеленок, не суета с прогулками и купаниями – не это должно быть главным.

С самого начала надо учиться наблюдать, приглядываться и стараться понять, что малышу нужно, что хочется, а что ему неприятно, что значат его вопли, криктения, гримасы, чихания и т. д. А с другой стороны – обязательно! – что нужно самой матери, как облегчить, упорядочить вереницу дел, как высыпаться, когда почитать или выбраться в кино (да, да!), как, наконец, привести себя в порядок: мать должна быть прекрасной, как мадонна! Это время первых «диалогов» со своим малышом, первых контактов и первых открытий – одно из счастливейших в жизни матери и отца. Оно потом не повторяется никогда.

Знаю, девяносто матерей из ста обвинят меня в преувеличении. Все они согласятся, что, конечно, счастье, когда здорового малыша кормишь и ласкаешь, когда ребенок первый раз улыбнулся, потянул к тебе ручки, когда его пушистая головка щекочет тебе шею и подбородок, когда он первый раз скажет «ма-ма!» – ну кто же этого не знает? – это действительно незабываемые мгновения жизни, как бы награда за все труды. «Но то мгновения, а что между ними? Особенно первые месяцы – кошмар! Эти бессонные ночи, бесконечные пеленки, соски, прогулки, болезни, крик этот невозможный, и одно и то же, одно и то же – невыносимо. Даже подумать страшно, что это может повториться. Ни за что! Сыта этим «счастьем» по горло», – сколько раз я слышала это от матерей.

Ну как с этим спорить – всё так. И всё не так! Может всё быть не так – вот в чем дело! Во-первых, изменив стиль обращения с малышом, можно значительно облегчить жизнь матери, а ребенка сделать намного крепче и здоровее. А во-вторых, очень многое зависит от отношения самой женщины к своему материнству.

Вспомнились мне сейчас две случайные встречи. Первая надолго оставила во мне странный, тревожный след, хотя была совсем короткой и мимолетной. Я увидела в скверике нескольких молоденьких мам с колясками и неожиданно почувствовала, что жалею их: «Бедные... сами еще девчонки...» Это было так непривычно для меня, что я даже остановилась и долго смотрела им вслед: что это со мной? Когда-то и я слышала в свой адрес: «Бедная, куда ж такая обуза?» – но только смеялась в ответ, даже если было очень трудно, никогда несчастной себя не считала и вдруг сама... Что это? Старею, что ли? Но при чем здесь старость? Может, устала за двадцать лет? Не знаю, не понимаю... После этого случая еще несколько раз при виде молодых матерей ловила себя на том же тягостном чувстве жалости и печали. И огорчалась: да что же это такое?

Потом была встреча другая. Запомнилась она до мелочей. Стоит перед глазами и тесный дворик, и простенькая немодная коляска, и мама в опрятной яркой косынке... Я забрела сюда в тень отдохнуть – уж очень тяжелы были сумки с покупками. А солнце так припекало. Сижу, блаженствую, вдруг слышу звонкий, вроде девчоночий голос: «Сейчас я тебя на солнышко!» – и катится коляска, а в ней крохотный еще – месяцев трех – малыш в одной распашонке: шевелит себе голыми ножками и ручками и таращит на белый свет глаза-пуговицы. А за коляской торопится худенькая девушка, скорее, даже девочка. Поставила коляску под дерево, сказала: «Ты не шуми тут, я сейчас белье вынесу» – и вприпрыжку к подъезду. И полминуты не прошло, а она с большим тазом и ожерельем из прищепок уже назад мчится. Весело было смотреть, как мелькало в ее быстрых руках пестрое бельешко. Вот уже одна веревка полна, перешла к другой, коляску передвинула поближе. Сама

белье вешает, сама разговаривает с малышом, да еще и песенку какую-то мурлычет – вот прелесть-то!

Я не выдержала:

– Славный малыш. Братишка?

Она рассмеялась.

– Сын! Правда, хороший? – она ловко вынула ребенка из коляски и начала его тетешкать на руках. Тот заулыбался беззубым ртом.

– Он меня уже знает! – глаза ее сияли.

– Простите... – смутилась я, – да сколько же вам лет?

– Девятнадцать. – Она говорила просто, без смущения и жеманства.

– Учитесь?

– Нет, работаю... сейчас пока дома. Да еще выучусь! Вот подрастет наш Петр Петрович – тогда уж...

– Трудно вам с ним? Или кто-нибудь помогает?

– Да нет, мы отдельно от родителей живем, сами управляемся. Папа у нас молодец, правда, Петушок? Мно-о-ого зарабатывает, – вдруг протянула она и засмеялась.

Я не уловила иронии в этом одобрительном «мно-о-ого».

– Ну это хорошо, вам хоть спокойно год можно дома побыть.

Она фыркнула:

– Ой, да он студент, ему еще год учиться. Но он, и правда, подрабатывает – ночным сторожем работает. Со стипендией – 110 рэ! – Это прозвучало гордо, без всякой иронии.

Я не удержалась от маленькой «провокации»:

– А в ясли не хотите отдать? Вам бы легче было.

– Что вы! Он там плакать и болеть будет. Я знаю: он без меня не может...

Я смотрела на нее и любовалась. «Интересно, – подумалось мне, – тоже ведь девчонка совсем, а разве скажешь про нее – бедная? Впору позавидовать этой маленькой маме – так и светится вся».

Я шла к метро не торопясь – хотелось подольше сохранить в себе эту нечаянную радость. Бывают же такие подарки судьбы – даже сумки стали легче... Стоп! «Светится вся» – да ей же нравится быть мамой! Ничто ей не в тягость: ни куча белья, ни возня с малышом, ни 110 рэ на троих, ни стоптанные босоножки... «Золотая девчонка, – думала я с нежностью, – хоть бы и Петя ее был ей под стать. Да будет! С такой женой у любого парня «все путем» пойдет, А потом она за любого и не пошла бы, дождалась бы своего... Повезло Петру Петровичу на маму...»

Вот и задача: возраст один, а мамы разные. Значит, не в слишком юном возрасте дело, а в том, с чем они к этому возрасту пришли. Вот идет мать-«мученица»: унылые, не усталые, а именно унылые, тусклые глаза, опущенные плечи, вялая походка – навалилось на нее это материнство невзначай, совсем ни к чему – как ее не пожалеть? А вот... подождите, давайте поищем совсем молоденькую, вроде той моей «маленькой мамы»... Нет, нет... не та... Вот похожа немного, да нет, все не то... Может быть, действительно та мать лишь исключение? Может быть, сначала надо состояться – стать на ноги профессионально, социально, материально? Но где на это взять время двадцатилетним? Я в этом отношении пришла к своему материнству зрелым человеком. Однако не значит же это, что подготовка будущей матери должна продолжаться до тридцати? Да и в чем она должна состоять?

Помните письмо, с которого я начала свою книгу: мать готова была с детьми играть, рисовать, заниматься чем-то интересным, а пришлось «научиться готовить, наводить и поддерживать порядок, укладывать спать...». Куда же от этого денешься? Никуда. Каждой матери предстоит и «экзамен на хозяйку».

### *НАДО ЛИ БЫТЬ ХОРОШЕЙ ХОЗЯЙКОЙ!*

Странный вопрос, не правда ли? То, что я мало была приспособлена к домо-водству, усложняло мою жизнь массой раздражающих мелочей, отнимало много времени на дела, которые у хорошей хозяйки идут как бы сами собой. И я досадовала поначалу и на себя, и на собственную матушку: вот, мол, сама домом почти не занималась и меня не приучила. Надо мной до сих пор подтрунивают, потому что я белье выжимаю, иголку держу, пальто надеваю почему-то по-мужски. «И кто только тебя учил?» – спрашивают. А я не помню. Училась как-то сама, жизнь заставляла, но многого не знала и не умела. Короче, как появилось у меня собственное хозяйство, так я и жалеть стала: не успеваю, потому что не умею, а учиться-то когда? Однако что поделаешь – училась: на ходу, на бегу. И пугалась: как же я дочек своих буду учить – и некогда, и не умею.

Меня эта моя нерасторопность мучила основательно. Хорошо, что я работы никакой не боялась и училась всему быстро, но до совершенства мне дойти так и не удалось, и хозяйка из меня получилась неважная.

Однако обнаружилось в этом моем явном недостатке и достоинство! Я не сразу поняла это. Помог понять рассказ одной славной женщины о том, как она к хозяйству приучалась. Начала она так:

– А знаете, стыдно признаться, но я до замужества не только никаких домашних обязанностей не знала, но даже и постель за мной мама убирала – до 23 лет.

– Вы на себя наговариваете, – не поверила я.

– В самом деле, всему пришлось заново обучаться. Но очень захочешь – научишься. Дело в том, что это мое неумение помогло мне в семейной жизни. Сейчас я все объясню.

У меня в детстве были две подружки, которых матери еще до школы приучали к хозяйству. Дома у них все блестело, и дочери умели буквально все и очень этим передо мной гордились, а их матери втихомолку осуждали мою маму: тяжело, мол, дочери, в жизни будет. Представьте себе, получилось наоборот. Все мы уже, конечно, работаем, замуж вышли, дети у всех. Иногда встречаемся. И вот слышу жалобы от них: ничего не успевают – ни в кино, ни в театр, даже книгу почитать, и то только перед сном что-нибудь легонькое. Все время отнимает работа да хозяйство – даже с детьми поговорить некогда.

Странно, думаю, а я успеваю, даже мужу помогаю, когда надо, и на сына у меня время находится. Как это? Самой даже любопытно стало. Потом разобралась: да ведь они этим своим хозяйством были совершенно закабалены! Въелась в них с детства привычка к идеальной чистоте, к изысканному столу, ко всем этим чайным церемониям, семейным ритуалам. Если что-то не так, мелочь какая-нибудь: брошенная не на месте книга, невытертая сегодня пыль, даже хлеб, нарезанный не так, – настроение портится. Это раздражает, выводит из себя. И вот постоянно только чистят, моют, скоблят, варят, жарят без передышки. По-моему, и домашним их это в тягость – как в музее живут: до всего дотронуться страшно. Уж они теперь и сами понимают, что глупо в конце концов так тратить жизнь, но не могут, понимаете, не могут остановиться – в привычку вошло. У меня просто: есть время – стираю, убираю, даже пироги пеку. Если же какое-то дело поважней есть, все хозяйство в сторону и никаких угрызений совести и переживаний. Освобожусь – сделаю. А нет – никто не осудит: не бездельничаю же я. И нам всем легко в семье. Бывает, конечно, и недовольство: того нет на месте, этого никак не найдешь в самый нужный момент. Поворчишь-поворчишь, да и дело с концом. Или объявляем «всесемейный розыск» и находим...

Такой вот рассказ. Правда, интересно? Собственно, я пришла к тому же: выбирала что важнее и делала это в первую очередь. Но всегда испытывала какое-то унижительное недовольство собой – опять не успеваю, не успеваю, не успеваю! А тут повеселела, даже легче стало. С тех пор сознательно учусь отделять важное от второстепенного. Ошибаюсь, конечно, но науку эту постигаю с удовольствием. А поскольку я домашнему хозяйству с детства подчинена не была, то и стало оно в нашем семейном государстве на свое, подобающее ему место.

Э-э, напрасно обрадуется тот, кто склонен отлынивать от домашних дел, – ничего общего с выбором это не имеет. И кислое выражение лица перед миской с картошкой, которую надо очистить, – признак больших будущих неприятностей.

Проблема быта оказалась очень непростой, и мне пришлось несколько раз пересматривать ее с разных точек зрения. Чтобы потом к ней не возвращаться, продолжим разговор о быте. Он прямо выходит на важнейшую тему – материнство.

Обычно считается, да и я так долгое время думала, что пеленки, кастрюльки, щетки, веники только помеха в материнском деле. «Мать должна заниматься не питанием, а воспитанием, духовным ростом своих детей: интеллектуальным, нравственным, эстетическим – на этом должны быть сосредоточены ее силы» – так я лет десять назад написала в одной из своих статей. А теперь говорю домашнему труду спасибо – даже с чувством некоторого стыда за то, что когда-то считала его работой низшего сорта.

Снова вернусь я к той «маленькой маме» из московского дворика (простить себе не могу, что не узнала, как ее зовут). Чем я залюбовалась в ней прежде всего, еще до того, как она взяла на руки сынишку, до нашего разговора? А тем, как она работала. Она белье вешала, как песню пела. Она наслаждалась, вдыхая запах чистоты и свежести. Радовались ее руки, ощущавшие хорошо отжатую, прохладную ткань, радовались ее глаза, которые скользили – любясь! – по пестрой, колышущейся на ветру гирлянде всех этих славных детских вещичек, радовалось все ее гибкое, молодое тело солнцу, ветру, движению и, главное, тому, что рядом сын, что он смотрит на нее. Это для него летали ее руки, и сияли глаза, и веселилось белье на веревке. Проза жизни у меня на глазах превращалась в высокую поэзию одухотворенного человеческого труда. И это видел, этому радовался человек, который сам еще ничего не умел.

Первые впечатления. Как утверждает наука, они играют огромную роль в жизни человека, в становлении его характера и чаще всего связаны с матерью, с ее движениями, мимикой, прикосновениями и ее... работой. Да, да, с той самой ежедневной домашней работой, которой она занимается на глазах у ребенка. Как она это делает, от этого зависит у малыша эмоциональное восприятие ее действий, ее трудовых усилий, а значит, вырабатывается – подумайте только! – отношение к труду со знаком плюс, со знаком минус или безразлично-нулевое.

Когда я до этого додумалась, мне стало не по себе: а что, если именно так и закладывается эта основа основ человеческой личности, ее нравственный стержень?

Но это еще не все. То, что делает мать дома: от стирки и уборки до праздничного пирога, – все это она делает не для себя, а для тех, кто с ней рядом. А

значит, в каждом заштопанном носке, в каждом разглаженном платочке – тепло ее рук и сердца. Как-то я умилилась, услышав от рабочего человека;

– А я новые рубахи не люблю, да и из прачечной тоже. Холодные они, чужие. А вот женой штопанные-залатанные самые мои любимые. Они как-то теплей.

– А как же, – сразу согласилась с ним одна моя знакомая, которой я рассказала об этой мужской прихоти, – это не прихоть! Я сама штопаю, глажу, а сама о нем думаю. Передаешь мужу рубашку, а в ней забота, любовь моя... Без этого семья – не семья.

Вот так прямо и сказала: семья – не семья. А живут они с мужем вот уж больше тридцати лет, ладно живут, красиво. Поневоле прислушаешься да задумаешься над ее словами.

Выходит, домашний труд может стать настоящей школой заботы и внимания к близкому человеку не на словах, а на деле.

Есть и еще одна сторона домашнего труда, которая требует особого внимания. Сейчас стремятся все рационализировать, механизировать бытовые хлопоты, часто пользуются Домом быта и всевозможными мастерскими. Но надо же знать меру: необходимо выбрать, какую работу переложить в чужие руки, какую обязательно оставить.

Почему «оставить», да еще «обязательно»? Кому это нужно? Да нам, всем нам, а особенно нашим детям. Сомневаетесь? Что это, мол, за реабилитация примитивного ручного труда, от которого нас, слава богу, все больше избавляют машины? Давайте разберемся.

Накопилось много свидетельств, что разнообразный ручной труд, развивающий руки, как ничто иное развивает и ум. Утверждение Карла Маркса о том, что надо «работать не только головой, но и руками», обычно все знают, но многие ли догадываются о том, что этот «естественный закон природы» действует с первых месяцев жизни человека. Через руки малыша, овладевающие разными предметами домашнего обихода, поступает так много информации в мозг, что он развивается гораздо успешнее, чем если бы оставить ребенка один на один лишь с игрушками.

Есть у нас в Подмосковье город Загорск<sup>2</sup>. А в нем уникальное детское учреждение, где люди творят настоящие чудеса: слепоглухонемых детей (вдумайтесь: слепых, глухих и немых!) учат пользоваться орудиями труда, домашней утварью, письменными принадлежностями – короче, реальными вещами (не игрушками!), в которых как бы аккумулировалась изобретательская мысль человека. Не глаза, не уши – руки делаются чуть ли не единственными возбудителями мысли.

---

<sup>2</sup> Теперь «Сергиев Посад».

Так как же не воспользоваться в семье этим верным способом развития Человека? Поэтому и надо обязательно оставить что-то для ручного труда дома.

Выделить для этого удобное место, не жалеть денег на хорошие инструменты, приспособления, приборы. Скажем, я всячески культивировала бы в доме всевозможную починку одежды, утвари, мебели (это прекрасно: дарить вещи вторую жизнь), мелкий, а по возможности и значительный ремонт квартиры (всем вместе!), всякое рукоделие (вышивка, вязание, выпиливание, выжигание и т. д.), украшающее жилье.

Вспомним: в народе всегда стремились приохотить, а не принудить детей к труду. Знали: охота пуще неволи, а поэтому считали: пусть для них «труд обернется сначала нарядной своей стороной». Именно с рукотворной красоты и начинался путь ребенка в мир труда. Решалось таким путем сразу несколько важнейших воспитательных задач: главное, возбуждалась тяга, любовь к труду, интерес к творческим его сторонам и в то же время вырабатывались терпение, внимание, выдержка, способность к большим напряжениям, преодолению себя; сизмальства отшлифовывался эстетический вкус, побуждающий впоследствии доводить сделанное до совершенства, исподволь внушалось: некрасивое значит недоработанное, «до ума» не доведенное.

Сейчас возрождается интерес к разным народным ремеслам – как будто сами руки наши истосковались по разнообразной тонкой творческой работе. И прекрасно, боюсь только, не превратился бы этот труд в сотворение сувенирных безделушек, предназначенных для того, чтобы на стенку ставить или на стену вешать. Между тем народ полотенца вышивал, ложки расписывал, украшал свои вещи не для выставки – для употребления: венчалось красотой дело, а не безделье.

Не увлеклась ли я: что-то уж очень много про быт, про хозяйство, про домашний труд. Но если вдуматься: ведь наш дом не только моральная, но и материальная микросреда, которая является как бы продолжением каждого живущего здесь. Тут, в своем доме, человек может больше, чем где-либо, быть самим собой, потому что везде он должен прежде всего приспособливаться к миру, а здесь он мир приспособливает к себе.

И первый этап познания и преобразования мира для ребенка проходит именно здесь – в нашем доме. Как же, зная это, можно пренебречь домашним трудом?

Трудно и долго я постигала эти для кого-то, может быть, простые истины. Да и буду еще постигать. Пока же поняла вот что.

Надо все дела в доме делать толково, умело, не стесняясь для этого учиться, чтобы не было лишней суеты, неразберихи, чтобы бытовая бесхозяйственность не стала своеобразной нормой отношения к вещам, к организации труда не только

дома. Никаких разбросанных вещей, прорех на рубашках, засаленных фартуков – это, кроме всего прочего, просто неэстетично, отдает пещерным существованием. Разве не так? Кроме того, безалаберность, бестолковщина раздражают, мешают жить и делать более важные дела. Упорядочить быт нелегко, но можно. А чтобы этот процесс не был нудным, чтобы сэкономить время и силы, надо вносить в него выдумку и изобретательность, научиться работать вместе с детьми. Просто не представляю себе, как без этого обойтись в воспитании. На игрушках, играх и «воспитательных» беседах далеко не уедешь, а вернее, уедешь «не туда».

Дома надо всем, но особенно матери, работать радостно, что называется с душой, чтобы тепло было всем в доме не только от результатов уже сделанных дел, но и от самого процесса труда, от бодрого настроения во время работы, от ощущения заботы и доброжелательности ко всем, для кого делаешь даже черную, грязную работу.

Однако – внимание, мужчины! – доброе и бодрое настроение хозяйки в доме зависит от двух условий. Первое: домашняя работа не должна быть свалена на одного. Это, надеюсь, доказательств не требует. А вот второе... Известно, что любой труд нуждается в признании, иначе он превращается в отбывание, в принудилровку – тут уж не до радости. У домашнего труда есть своя оплата, несравнимая ни с какой другой, – чувство благодарности тех, кому он предназначен. Но это не тяжкое ощущение зависимости от того, кто тебя облагодетельствовал, «обслужил», для тебя чем-то пожертвовал, из-за тебя надрывался. Нет-нет! Чувство истинной признательности не имеет ничего общего с этой «эксплуатацией наизнанку», так же как и с унижительной «чаевой благодарностью» тех, кто отделяется от тебя карманными, а не душевными затратами. Подлинная благодарность не унижает, а возвышает и дарящего ее (он благо дарит), и принимающего этот прекрасный дар души.

Все это, конечно, идеал, к которому надо стремиться. И мне, и всем нам в семье до него далеко. Однако сдвиги есть, особенно если учесть, как много мы напутали с самого начала...

В наших дневниках тех лет нередки также записи: «Ребята с каждым днем хуже и хуже относятся ко всякого рода нужным делам: уборке, заготовке дров и т. п. Все неохотнее их делают»; «Обидно и горько, что не получается, как хочется. Одно несомненно: в приучении ребят к порядку, к участию в нашем труде, к самообслуживанию мы предъявляем им очень мало требований и очень непоследовательны. Я этим грешу, пожалуй, больше, обещаю то, что не всегда выполняю, нудно настаиваю на своем».

## *БЕЗ ДЕТЕЙ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, НАМ НЕЛЬЗЯ*

Как же беспомощна я была, сколько ошибок наделала и пустячных, и непростительных! Можно только удивляться ребячьему терпению. Со временем я поняла: главное – осмыслить, прочувствовать конфликт и извлечь из него урок. Вот так и накапливается опыт. Разумеется, не все запомнишь, да вовсе и не обязательно запоминать, а тем более записывать. Но события-то происходят ежедневно, ежеминутно, чуть ли не ежесекундно! И каждый раз отзываться на них приходится немедленно: в книгу не заглянешь, проконсультироваться не у кого да и некогда, «на потом» тоже не отложишь – как тут не наделать ошибок? О том, что они есть, всегда дадут знать дети: капризами, протестами, какими-то отклонениями от желаемой нормы. А ты, мама, каждый раз разберись, пойми, учись, «не позволяй душе лениться». И да здравствуют ошибки! Если они заставляют думать и становиться... добрей.

Никак не могу обойтись без восклицательных знаков, а ведь понимаю, что они часто лишь запутывают мысль. Вот и сейчас я вспомнила строгого Корчака, у которого нет пустых проходных фраз. В каждой – мысль, а подспудно эмоция – взведенной пружины. Вместе всё действует убедительно, неотразимо, точно.

Например, его мнение (оно прямо противоположно моему) о ежесекундных и ежеминутных откликах на события: «Несказанно важно делать редкие, но массированные замечания в виде дружелюбной беседы. Мы обычно боимся, что ребенок забудет; нет, он хорошо помнит, это, скорее, мы забываем и поэтому предпочитаем разделаться «по горячему следу», иными словами – не вовремя, жестоко».

Мне даже досадно стало, когда я прочитала первый раз эти строчки: а я-то думала... ну, конечно, Корчак прав. Я и сама много раз убеждалась в том, что в раздражении, то есть «по горячему следу», можно столько дров наломать, этих самых ошибок натворить... Лучше все-таки их предупредить. Поэтому не торопиться, сосчитать хотя бы до пяти, прежде чем отозваться. А еще лучше «дружелюбная беседа», для которой, конечно, надо выбрать подходящее время и место. Я согласна, разумеется, согласна... Но подождите, я не могу совсем отказаться от своих слов, я знаю, что в громадном большинстве случаев дети нуждаются в мгновенной реакции взрослого. И потом, какие же беседы с годовалыми, двухлетними, даже трехлетними? Это с пятилетками можно уже пробовать «говорить по душам», да и то не с каждым и не всегда, а раньше... А-а, вот в чем дело: доктор Корчак общался в основном с детьми уже «сознательных» возрастов, а мне, матери, приходится сначала иметь дело с младенцами, для которых слово без

эмоции ничего не значат, а эмоция даже без слов – самый понятный язык. Но чувство на потом никак не отложишь, упущенного момента не вернешь.

Когда годовалый исследователь начинает стучать ложкой по кастрюльке, вы можете улыбнуться, по тарелке – вы нахмуритесь. А по стакану? А если вздумает стукнуть по маминой руке или щеке? А вдруг ударит по пальчикам себя? Ну, конечно, вы отреагируете немедленно и по-разному. Сколько же таких «ложек» переживает за день в руках неутомимого человечка? Про двух-трехлетнего я уж и не говорю – там задачи для взрослых потруднее. Понятно, что жить попроще да полегче дети не дают и потом. Но это же и прекрасно! Они – вечный двигатель нашего развития, который творил бы с нами, взрослыми, чудеса, если бы не наша лень и не наша уверенность в собственной непогрешимости.

Я как-то подумала: все-таки удивительно устроена семья – ничего лучшего для нашего взаимного совершенствования в области человеческих отношений еще не придумано да и вряд ли будет изобретено. Посмотрите, какое диалектическое единство: дети бурно растут, меняются ежедневно, чуть ли не ежечасно, а мы, взрослые, уже малоизменяемы, стабильны. Детям нужна наша устойчивость, надежность бытия для защищенности, уверенности в незыблемости мира. А мы, взрослые, имея дело с постоянно меняющимся «материалом», вынуждены не ржаветь, не плесневеть – «самозатачиваться», чтобы не отстать от детей, быть для них ведущими надолго.

Все то, что я пытаюсь объяснить так многословно, Пушкин выразил в нескольких фразах. И как сказал! Не могу удержаться от удовольствия снова и снова вместе с вами перечитать эти удивительные строки, с которыми Александр Сергеевич обратился к жене на четвертом году их супружества. Подчеркиваю: на четвертом – т. е. тогда, когда семейная жизнь успела одарить поэта не только розами, но и шипами. Наталья Николаевна в одном из писем, по-видимому, выразила беспокойство, что семья обременяет поэта, не дает ему сосредоточиться на творчестве. И вот его ответ: «Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас» (8 июня 1834 г.). Воистину здесь нечего ни убавить, ни прибавить – по этому закону надо просто жить.

## **КАК БЫТЬ С РАБОТОЙ**

### *БУНТ ПРОТИВ ЭМАНСИПАЦИИ*

Читатель вправе спросить: «Семья, дети – это прекрасно. Но КАК БЫТЬ С РАБОТОЙ, той самой, которая, помнится, была у вас когда-то главным смыслом жизни?»

Только об этом можно было бы написать отдельную книгу – так много всего связано с этой трудной темой: от личных моих переживаний до глобальных социальных проблем. Проблемы оставим специалистам, а я займусь «переживаниями». Я прошла через все сомнения, не исключая крайностей. «Золотую середину» найти оказалось нелегко.

Я уже говорила, что вступила в сознательную жизнь с бесспорным предпочтением профессионального общественного труда всем остальным видам деятельности. Подчинять личное общественному было для меня законом жизни. Так жили мои отец и мать, многие рядом с нами, все лучшие люди, которых я знала. Сейчас мне страшно подумать об этом, но я могла отказаться иметь детей, если бы они помешали моему делу, примеров тому история женской эмансипации знает немало. Но родился сын, потом второй – я окунулась в мир незнакомых мне, удивительно светлых и чистых радостей и в омут бесконечного, однообразного – но необходимейшего! – домашнего труда.

Началась какая-то совершенно новая для меня жизнь, в которой – я сразу почувствовала это! – я стала центром крошечной вселенной, ее своеобразным солнышком, без которого не только голодно, но и холодно всем большим и маленьким в доме. Если где-то там, за стенами дома, я была одной из многих, как бы вполне заменимой деталью, то здесь я оказалась незаменима. Каждый день, уходя на работу в библиотеку, я то и дело оглядывалась назад и долго видела две крошечные фигурки у калитки: они стояли, пока я не скрывалась с глаз. А я шла и чувствовала, что не должна уходить от них, что я делаю что-то не то, почти преступление. Ясли? Детский сад? Какие ясли? Теперь я и представить себе не могла, чтобы отвести своих малышей куда-то в чужие стены и отдать их в чужие руки. Мы нашли выход в том, что работали в разное время: Борис – с утра, я – вечером... И вот за 12 лет – семеро ребят и, кроме очередных и четырехмесячных декретных отпусков, ни месяца пропуска на работе. Почему?

В самом начале: как же это – не работать? Потом: тяжело, непривычно, нудно целый день в домашней круговерти. А уж затем заработок, он был просто необходим нам тогда – жили мы трудно. И я снова и снова каждый день шла на работу, но было все тяжелее уходить из дома. Я исподволь чувствовала, что тут я нужна, что, уходя, я в чем-то обездоливаю не только детей, но и мужа... Я пыталась

заглушить это чувство, считая его непростительной женской слабостью. Как я ошибалась! Из того времени в нынешнее до сих пор тянется немало наших семейных трудностей, а сделать что-то уже нельзя: время упущено, то самое, когда все только начиналось. Я испытывала все чаще недовольство собой, острое чувство вины перед детьми, которым так не хватало моей ласки, тепла, моего внимания да просто налаженного упорядоченного быта.

В конце концов я пришла к настоящему бунту... против эмансипации. Я все больше убеждалась в том, что воспитание – самое что ни на есть государственное, общественное дело, в котором женщину-мать заменить не может никто.

Надо сказать, что все дети в то время у меня были еще маленькие, и, рвущаяся между всеми навалившимися на меня обязанностями, я бунтовала: матери так нельзя!

Нам в то время подарили репродукцию картины Леонардо да Винчи «Мадонна Литта». Она висела у нас в комнате на самом видном месте и смущала меня своей тихой умиротворенностью и спокойной сосредоточенностью прекрасного материнского лица. Я вглядывалась в него и вспоминала пушкинское: «Служенье муз не терпит суеты...» – и снова и снова думала: «Самое великое в жизни женщины – материнство, потому что именно оно дает все творческие начала рожденному человеку. А мы, современные матери, на кого мы похожи? Что мы несем своим детям?» – и расстраивалась, не видя выхода.

Вот тогда мне и попала в глаза статья Л. Н. Толстого о чеховской «Душечке». Я приняла его взгляд сразу и безоговорочно: «Без женщин-врачей, телеграфисток, адвокатов, ученых, сочинительниц мы обойдемся, но без матерей, помощниц, подруг, утешительниц, любящих в мужчине все то лучшее, что есть в нем, и незаметным внушением вызывающих и поддерживающих в нем все это лучшее, – без таких женщин плохо было бы жить на свете».

Я додумала всех этой цитатой и своими саркастическими замечаниями в адрес современных «э-ман-си-пе» и издевалась даже сама над собой: «Туда же: статейки пишешь, с трибуны выступаешь – лучше бы дома порядок навела, Цицерон несчастный...» Смешно сейчас вспомнить, а ведь было, никуда не денешься. Пришлось мне переболеть и этой «подростковой болезнью» самоотрицания и скепсиса. Заставила меня опомниться и «уравновеситься» простая мысль, показавшаяся мне поначалу парадоксальной: «А наши матери?» Я вспомнила тех, кого знаю, – не цацкались они с нами, своими детьми, пропадали с утра до вечера на работе, а из ребят надежные вышли люди: работающие, совестливые, добрые. Как так? Тут же вспомнились две нынешние знакомые – в прошлом домашние хозяйки;

ничего путного из их воспитательной деятельности не вышло, хотя дома сидели «ради детей».

Разумеется, примеры можно привести и другие, прямо противоположные. Статистики у меня нет, и ни на какой серьезный вывод на основании этих фактов я не решаюсь. Просто воспроизвожу ход своих размышлений, чтобы доказательней (так мне кажется) прозвучало то, что хочу дальше сказать.

Наши матери, нынешние прабабушки, вырвавшись из многовековой домашней неволи, брались за любое дело с благороднейшим настроением подвижничества и отдачи. Одно это уже делало их незаурядными личностями и вызывало гордость и уважение детей. Но было и другое: их отношение к материнству еще сохраняло старые представления о нем как о священной обязанности женщины, ее долге перед обществом. Поэтому им была присуща большая ответственность за то, какими вырастем мы, их дети. И наша жизнь, хоть и росли мы чаще всего без присмотра, всегда находилась под пристальным вниманием матерей. Тут нет никакого противоречия. Мы были действительно предоставлены самим себе, но твердо знали, что все главные события каждого дня будут интересны, а потому и известны матери и отцу.

Итак, увлеченные своим делом родители (это всегда чувствовалось в доме!) и их интерес к нашей детской жизни – вот то главное, что растило нас. Родителям и в голову не приходило спрашивать с кого-то качество воспитания сына или дочери. Они спрашивали с себя и нас.

Матерям их участие в общественном труде помогло самоутвердиться, зажить полнокровной жизнью. Таковую мать невозможно представить себе обслугой, жертвенницей, рабыней при детях, муже. И это было прекрасно.

Что же произошло с нами, их дочерьми, а теперь уже и с внучками? Почему мы так заметались? Да что там заметались – многие уже без особого колебания «сменили детские коляски на телевизоры», на путешествия, на диссертации. Почему? Отчасти я уже ответила на этот вопрос, когда рассуждала о последствиях женской эмансипации, но там о материнстве я пока не вспоминала. Теперь эта тема становится для меня главной.

Итак, уважаемая обществом «священная обязанность» женщины быстро (за два поколения!) превратилась в непрестижную функцию – в простое деторождение или воспроизводство населения (слова-то какие!)

Размышляя над этим вопросом, я поняла, насколько тесно он был связан с политикой, превращающей людей в винтики государственной машины, которая успешно вытравляет у женщин всякое стремление стать матерью. Сколько раз я слышала от молодых женщин:

– Нет уж! Мне это ни к чему. Слава богу, в цивилизованной стране живем – запросто и без детей можно обойтись, а если уж родился – в ясли его, в сад, продленку, детдом – там специалисты, им платят... Логично!

Выходит, раньше женщины не могли миновать материнства, потому что оно было неизбежно – так распорядилась природа, да и жизненно необходимо: требовались наследники и кормильцы, прежде всего на этом зиждилось в обществе уважение к материнству. А зачем им теперь этот тяжелый пожизненный труд? Попробуйте ответить на этот вопрос убедительно, у меня долго это не получалось даже для самой себя. Потом наконец поняла, что в наше время материнство может стать не просто подчинением природе, не только долгом перед обществом, но тем, чем оно и должно быть у людей, – главной духовной потребностью в прекраснейшем из творчеств – в сотворении нового человека как продолжения себя. Эта потребность в духовном бессмертии всегда была уделом немногих, а должна стать достоянием всех!

Я отдаю себе отчет в том, что говорю, пожалуй, слишком торжественно. Но как сказать об этом иначе? А главное, как к этому прийти? И как все-таки быть с работой? Я отвечу на эти вопросы. Но прежде расскажу об одном своем открытии.

#### *ЧЕТЫРЕ НАШИ «ИПОСТАСИ»*

Постоянное унижительное ощущение своей несостоятельности подчас ввергало меня в уныние и даже отчаяние. Но я сопротивлялась, изобретая для себя всякие способы утешения и взбадривания. И вот однажды горестные размышления привели меня к настоящему открытию. Оно помогло мне понять не только себя, но и других, подтолкнуло к очень важным мыслям и выводам.

А дело было так. Как-то, в «минуту жизни трудную», когда я еще раз окончательно убедилась в своей бездарности и неприспособленности, а заодно в мужской черствости и неблагодарности, я взяла листок бумаги и, капая на него слезами, вывела на нем: «Мои обязанности». Потом зачеркнула «мои», написала «наши» и разделила листок вертикальной чертой: сейчас посмотрим, у кого из нас получится больше – мне очень хотелось доказать мужу, что я... впрочем, и так понятно, что я хотела доказать.

После не очень долгих размышлений и немногих зачеркиваний я обнаружила в каждом из нас по четыре «ипостаси» (ипостась – от греч. *hypostasis* – сущность, основание). Каждой из них соответствует своя сфера деятельности. Если совсем коротко, то вот они:

он – работник, муж, отец, хозяин дома;

она – работница, жена, мать, хозяйка дома.

Сразу хочу объяснить, какой смысл (условно!) я вкладываю в эти термины, чтобы не было путаницы в дальнейшем.

Работник и работница – сюда я включаю профессиональную и любительскую деятельность (или поиск ее), в которой человек осуществляется как мастер. Это буквально работа, за которую мы получаем зарплату, или общественное дело на благо людей, или это хобби, где мы удовлетворяем какую-то свою потребность в творчестве.

Муж и жена – две первоосновы семьи, мужское и женское ее начала, взаимонезаменяемые и взаимодополняющие друг друга. Их человеческая любовь, сплетенная из трех влечений – души, ума и тела, создает условия для расцвета личности мужчины и женщины. Известно: мужчина – полчеловека, женщина – полчеловека, только вместе они человек.

Отец и мать – это не просто родители, а люди, взявшие на себя ответственность за тех, кого они родили, перед самими собой, перед детьми и перед обществом, в котором их дети будут жить. Вклад каждого в эту общую ответственность своеобразен и невосполним. От их гармонии зависит будущее счастье их детей.

Хозяин и хозяйка дома (быт) – создатели (тоже каждый по-своему) той самой материальной микросреды, которая помогает всем живущим здесь чувствовать себя действительно как дома, в котором жить сами стены помогают – так до мелочей все знакомо и подогнано каждому по душе.

Конечно, у нас много других обязанностей, но все они второстепенны по сравнению с этими четырьмя.

Итак, главные наши «ипостаси» у меня перед глазами. Справедливость и равноправие пока налицо: получается, как в песне – все пополам. Однако пойдём дальше. Теперь надо бы прикинуть, сколько у кого и на что идет времени. Вот сейчас сразу и выяснится, что на хозяйство и детей у меня уходит больше времени, чем у него, – это раз. Затем я чаще, чем он, трачу время, например, на помощь в его делах: плакаты рисую, рукописи правлю, игры делаю (одних рисунков к ним сколько!). И вообще давно уж стараюсь вникать во все его заботы, чего о нем, например, по отношению ко мне сказать нельзя. Да, нельзя!.. Мне снова становится жалко себя: совсем, совсем у меня не остается времени на какие-то свои дела, даже почитать не успеваю, разве это справедливо?! А он...

А что он? Тут я «натянула вожжи»: «Давай все же по совести». В самом деле, сколько он отдает времени детям: разные игры, пособия, спортивные сооружения – и все своими руками. А дом? Ремонты, бесконечные починки, перестройки – все на нем... Тут я вспомнила его руки в вечных ссадинах и мозолях – и стыдно стало: что

же это я считаться вздумала? Да он даже ночами сидит над своими таблицами, статьями, книгами, рукописями, кубиками, графиками; если его не накормишь, он и не попросит, позабудет, а я ...

И скомканный листок летит в корзину. Так бы и не состояться моему открытию, если бы не пришла мне в голову такая странная мысль: «Вот у Бориса все ясно: главное – дело, остальное – постольку-поскольку. А у меня что главное? И есть ли оно у меня?» Я стараюсь везде успеть одинаково, но...

Я снова достала выброшенный листок, расправила его и задумалась. И правда, за все хватаюсь, а ни в чем фактически не состоявшийся человек. До высокого профессионализма в своем библиотечном деле я так и не доросла и вряд ли дорасту – нет возможности всерьез сосредоточиться на нем, семья требует многого. Так, теперь жена. Гм... Душечки из меня пока не получилось – «только учусь». Но учиться этому, не ломая себя, а перестраивая, сложно: здесь требуется перестройка двух – меня и его. На одно это целая жизнь нужна, а где же у нас запасная?

Мать... Нет, об этом потом. Сначала хозяйка – тут проще. Из меня хорошей не выходит. Раньше я и не старалась в этом преуспеть, а теперь хоть бы и постаралась – ничего не выйдет, потому что домашнее хозяйство потребует еще половину меня, а у меня же еще дети – их я никак не могу поставить на последнее место. А сейчас вышло на последнем? Нет, надо совсем не так. Во-первых, я – мать, наверное, это главное... Да какое же главное, если ребят не вижу по целым дням, не знаю, как у них в школе, не успеваю с ними даже поговорить! Ну, совсем запуталась...

### *МОЯ «СХЕМА ПРЕДПОЧТЕНИЙ»*

Тут-то и появилось спасительное: да надо ли везде успевать одинаково? Всякое дело требует сосредоточенности. Нельзя же быть (для меня, по крайней мере) сосредоточенной сразу на всем. А если установить очередность дел по их важности. Но в разное время, в разных обстоятельствах, у разных людей и очередность эта будет неодинаковой, например: до женитьбы и после того как в семье появился ребенок. У мужа одна роль, у жены – другая...

Я увлеклась и, поколдовав на бумаге, сначала разграфила, а потом (после долгих размышлений, колебаний и перестановок) заполнила графы вот так:

Периоды жизни		Самое главное	На 2-м	На 3-м	На 4-м
1.	Наша юность – до встречи с нею (с ним)	Поиск дела, работа	Поиск его (ее)	Родители его (ее)	Быт

2.	От встречи до рождения	Он (она)	Работа	Быт	Родители его (ее)
3.	В семье дети – дошкольники	Он: работа Она: дети	Жена Муж	Дети Работа	Быт
4.	Когда дети – школьники	Он: работа Она: дети	Дети Работа	Жена Муж	Быт
5.	Дети выросли (от 16 – 18 лет и старше)	Работа	Он (она)	Дети и внуки	Быт
6.	Нам за шестьдесят	Он (она)	Работа	Внуки	Быт

Непривычно? Сложно? Скучно? А может быть, просто смешно? Для кого как, а для меня это и было открытием, прямо-таки «таблицей Менделеева» семейной жизни. Чтобы никто не догадался о происхождении этой «социологической таблицы», я дала своему несерьезному детищу самое серьезное название: «Схема предпочтений семейно-социальных ролей мужчины и женщины в разные периоды их жизни» – и стала показывать ее разным знакомым, не признаваясь в авторстве. Результаты были неожиданны: шуточной мою затею никто не признал, наоборот, она вызывала удивление, споры, нередко даже возмущение:

«Когда это сотворили, в прошлом веке, что ли? Где это видано, чтобы у женщины в самый расцвет ее жизни – от 20 до 40 лет! – на первом месте были дети?! А в самом начале ее профессиональную деятельность вытесняет на третье место еще и муж? Ничего себе, равноправие!»

Одна моя давнишняя приятельница, женщина деловая и эрудированная, в качестве опровержения «этой чепухи» принесла даже книжку А. Горбовского «Год 2000 и далее» и показала мне подчеркнутые красным строки: «...По утверждению некоторых западных футурологов, в мире будущего дети будут составлять редкость... Материнство уже не будет в почете; появление ребенка начнут воспринимать как угрозу всеобщему благополучию». Я полистала книгу, увидела названия глав: «Дипломы и книги вытесняют детей», «Телевизоры вместо детских колясок»... Мне стало не по себе.

– Но это все же не про нас, – начала было я.

Она перебила:

– Этот процесс идет во всем цивилизованном мире. Так чему же верить? Откуда ты взяла эту «схему»? Какой чудак ее составил?

Пришлось признаться. Она расхохоталась:

– Как ты только до этого додумалась! У самой семеро – понятно, смыслом твоей жизни стали дети, так ты теперь и другим его навязываешь. Ну вот, ты даже родителей на третье место загнала у молодых: «Предки, вы – пройденный этап!» Так, что ли?

– Да почему же пройденный этап? На третье место – это не значит «позабыты-позаброшены». Я ведь говорю: важно всё, ни о чем нельзя забывать, но что-то становится в определенный период жизни главным, как бы доминантой, к которой подключается остальное. Ты сама много о своих родителях думала, когда к своему Сане на свидания бегала? Один Санечка и был на уме. И правильно: до родителей ли тут? Раз в жизни выпадает у человека время, которое можно и нужно отдать своей половине. Ведь это на всю жизнь, всему основа.

– Основа, – фыркнула она, – ты же знаешь, не вышло у нас с Александром жизни.

– Значит, – смеюсь, – поторопились; свиданий недобор вышел.

– Да ну тебя! – отмахнулась она.

Так я ни в чем ее и не убедила, да, собственно, и не пыталась. Мы думали, говорили, чувствовали на разных языках, причем она, бездетная, считала себя «шагом вперед» на пути цивилизации (недаром красным карандашом подчеркнула те ужаснувшие меня строчки), а меня, многодетную, – атавизмом, явлением отживающим, бесперспективным... Что ж, тут еще было над чем подумать: я и сама считаю, что у цивилизованных людей многодетность – удел немногих, тому есть существенные причины.

Раньше, сколько бы ни было детей в одной семье, их воспитывали не столько сами по себе родители, сколько традиции, поддерживаемые всем окружающим ребенка миром. Ими руководствовались и матери, и отцы, и деды, и бабки – все. И вмешательство извне в этот традиционный ход жизни встречалось неприветливо, осуждалось. И понятно: «мир» утверждал так свою основательность, устойчивость, жизнеспособность и не позволял никому своевольничать, расти вкривь и вкось, как заблагорассудится. Жесткая получалась педагогика, но зато она выводила в люди надежно, давала и нравственный стержень, и рабочую хватку, и навыки общения с людьми.

Теперь же, хоть и есть у нас, конечно, общепринятые нормы поведения, многие старые традиции уже не действуют, а новые еще не успели устояться. И родителям приходится каждого из детей самим выводить на определенный «уровень социализации», прежде чем они окажутся в руках специалистов – воспитателей в детсадах и школах. А если учесть, что в этом процессе наше

общественное воспитание пока может больше помешать, чем помочь, то рассчитывать родителям надо только на свои силы. Это дело требует кропотливого труда, большой сосредоточенности, высокой культуры общения, огромной ответственности – без всего этого большая семья, по-моему, теперь не может быть благополучной.

Когда у нас дети были маленькими, я, отвечая на вопрос «Сколько надо иметь детей?», храбро (и искренне!) говорила: «Чем больше, тем лучше». Теперь, когда я узнала, какого напряжения требует от родителей взросление одного-двух, а тем более многих детей, я отвечаю иначе:

– Один – плохо; это, кажется, уже не нужно доказывать. Двое – лучше, но между двумя близкими по возрасту детьми всегда стоит альтернатива: или-или, и дети часто бегут к взрослым, как к судьям. Оптимально, по-моему, трое, потому что «триумвират» всегда может сам себя обслужить – и в деле, и в игре, и в конфликтах он составляет такое сообщество, где всегда есть «большинство», присутствует «лесенка возрастов» и где поэтому нет нужды часто обращаться за помощью к матери и отцу. Четверо и больше детей для тех, кто обладает особым желанием и умением сосредоточить свое внимание на детях, но внимание, которое им не во вред!

Это вкратце. Как видите, для меня многодетность вовсе не образец для подражания. Но считать бездетность благом для людей и для человечества?! И обвинить меня в том, что свой смысл жизни навязываю другим?! Этого моя душа не принимала. Конечно, я давно уже интуитивно чувствовала (и моя схема отразила это), что главным делом женщины (подчеркиваю: не единственным, а главным) действительно должно быть материнство. И это нужно, жизненно необходимо не только детям, но и нам, женщинам и мужчинам. Но как это доказать?

Я смотрю на свою схему. Мне уже много раз пришлось и комментировать, и отстаивать ее. Я могу объяснить, почему я выбрала именно это расположение всех «ипостасей» – всё не случайно и всё взаимосвязано в моих рассуждениях. Конечно, это всего лишь схема, наивная попытка объять необъятное, но чем дальше, тем больше серьезных размышлений вызывает она у меня. Я спорю и сама с собой. Особенно трудно мне было объяснить и оправдать вот что.

– Как же так? – говорили мне. – Женщина получит образование, а профессионально не состоится, отстанет от коллег, деквалифицируется – кто же на это согласится? Это обидно для самой женщины, невыгодно государству.

– Но, – пыталась возразить я, – если главное для матери – дети, это вовсе не значит, что она совсем не должна работать. Работать надо обязательно, но...

– Что – но? На полставки? Менять профессию? – спрашивали меня, и я не знала, что ответить. И правда, страшно потерять квалификацию в любимом, избранном деле. Самые молодые, а значит, самые плодотворные годы отдать детям? А потом упущенного не вернешь! Так? Против этого трудно было возразить. Но интуиция опять-таки подсказала: материнство не помеха в деле, а путь к его одухотворению, своеобразному очеловечиванию, что ли. У матери каждый день общения с людьми наполняется животворной силой доброты и сочувствия – эти материнские чувства обязательно распространятся на всех людей, которые рядом. Стремление к овладению мастерством согрето у нее желанием быть в глазах детей созидателем жизни, а не жалким потребителем ее благ. Нет, материнство и работа обогащают, должны обогащать друг друга! Но как же тогда самые лучшие молодые годы для творчества? Ведь они же и лучшие годы материнства. Как это совместить?

### *ОДНО ДРУГОМУ ДОЛЖНО ПОМОГАТЬ!*

Однажды мне попала в руки статья Д. Н. Карпухина и А. Б. Штейнера «Женский труд и труд женщин» (см.: ЭКО. 1978. № 3. С. 38–39). Меня заинтриговало прежде всего само название – давно думала о том, что у женского труда обязательно должна быть своя специфика. Начала читать – интересно, очень интересно! И вдруг абзац, который меня просто ошеломил: в нем разрешалась моя мучительная задача, как соединить несоединимое. Я очень благодарна авторам статьи, но мне кажется, что они сами не вполне оценили то, что написали, а мысль, на мой взгляд, наиважнейшая.

«Социально-экономическая эффективность труда женщин полнее достигается только в тех видах работ и только тогда, когда учитываются специфика и особенности женского организма.

Различаются ритмы развития физических, интеллектуальных и иных способностей, которые рассматриваются как предпосылки производственной (профессионально-трудовой) деятельности женщины и мужчины. Они подчинены разным физиологическим законам, проявляются в разные периоды жизни. Так, изучение изменений умственных и психотехнических способностей людей в разном возрасте, проведенное французскими исследователями-врачами, показало, что у мужчин наилучшие показатели наблюдаются в возрасте 20–40 лет, после чего способности их постепенно ослабевают; у женщин, наоборот, в период наибольшей гормональной активности – в возрасте вступления в брак и материнства (20–30 лет)

умственные и психотехнические показатели оказываются наиболее низкими; по мере приближения к зрелому возрасту они улучшаются и в возрасте 40–60 лет остаются стабильными».

Но ведь это великолепно! Сначала женщина должна состояться как мать, а затем (обогащенная материнством!) – профессионально. И это физиологией как бы предусматривается: одно другому, оказывается, не мешает. Наоборот!

Все стало на свои места: по моей схеме и мужчина сосредоточивается на главном деле в лучшие для этого годы, и у женщины работа выходит на первое место как раз между 40 и 60 годами, когда ее «психотехнические показатели улучшаются (!) и остаются стабильными». Главное мое сомнение разрешилось, последнее звено в цепи моих долгих размышлений сомкнулось: да, прежде всего женщина должна состояться как мать.

Но эта уверенность не облегчила решения практической задачи: как же все-таки быть с работой женщин-матерей? Хорошо, что наконец обратили внимание не только на физические возможности женщин, но и на их психотехнические особенности, с которыми нельзя безнаказанно не считаться. Дело науки – решить эту сложную проблему. Мне же нравятся две афористичные мысли, которые совпали с моими: «Женщине – умное сердце, мужчине – добрый разум»; «Мужчине – все о немногом, женщине – немного обо всем».

А что, если здесь есть рациональные зерна, из которых может вырасти и рациональное решение проблемы? Я много раз убеждалась, что мать должна знать «немного обо всем». Есть чудесная сказка Туве Янссон «Муми-тролль и комета». Мы так веселимся, когда читаем ее вслух. Для ребят там – сплошные приключения, а для меня – педагогика. Особенно трогательна и смешна Муми-мама, которая «знает и умеет всё». Когда над долиной троллей нависла грозная опасность – к Земле приближалась комета, даже и тогда все были почти спокойны: ведь мама была рядом и, конечно, знала, как избавиться от этой напасти. Сказочница лукаво советует маленьким читателям: если ты не знаешь чего-нибудь, спроси у мамы – она всё знает, в этом совсем не приходится сомневаться. Как известно, «сказка – ложь, да в ней намек...». Я сама с детства немного рисовала, пела, конструировала, сочиняла стихи, танцевала, вышивала и еще что-то там умела, но если бы этих умений у меня было в пять, десять раз больше, мне всё пригодилось бы в моем материнском деле, я бедствовала из-за того, что умею так мало и так плохо.

Жаль, что у нас нет (а я уверена – будет!) серии книг «Жизнь замечательных матерей», а то бы мы узнали, что эти матери отличались тем, что были разно-сторонне образованны. Так, мать Ф. Э. Дзержинского воспитала восьмерых детей, оставшись в 32 года вдовой. Всех сама подготовила в гимназию, так как знала

языки, высшую математику и физику, умела и любила преподавать, петь, музицировать. Обратите внимание: музыка, пение, рисование, языки – дети входили в мир прекрасного с легкой руки матери, в тепле родного дома, а не в официальной обстановке. Как же это помогало общению матери с детьми, как много духовной пищи давало детям! Марина Цветаева вспоминает, что из материнских запасов они с сестрой черпали всю жизнь.

Сейчас детей тоже охотно приобщают к искусству: водят в музеи, театры, на концерты, выставки, записывают в разные студии, кружки. И неизбежно получается суетно, колготно, шумно, поверхностно: то ли это приобщает, то ли отвращает – неизвестно. В результате такого принудительно-экскурсионного «приобщения» к прекрасному страдает прежде всего само прекрасное: как затоптали, заездили все наши святые места! Но главное в другом: от подобных посещений не прибавляется ничего в душе. Я бы сделала духовные наши святыни заповедными. Никаких шоссе, автобусов, отелей, мотелей и прочих туристских облегчений: слезай с колес километров за двадцать (а то и пораньше!), иди пешком да по дороге думай, куда и зачем идешь – готовь себя к Встрече. Думаете, это уж чересчур? Нет! Убеждена, что свидание с Красотой, как свидание с Чудом, должно проходить уединенно, трепетно, благоговейно. Только тогда оно оставит след в душе. Это, конечно, особая тема – неловко говорить о ней вскользь.

Вернемся к профессиональной подготовке будущих матерей. Последняя глава уже упомянутой мною книги П. Ф. Каптерева посвящена как раз тому, о чем хочу сказать. Как же мне на нее не сослаться? Была бы возможность, я цитировала бы эту книгу страницами – настолько всё в ней современно, актуально и просто близко мне. Ограничусь главным.

Подробно анализируя душевные свойства женщины, автор приходит к выводу, что женский психический тип в силу материнских функций принадлежит «гению сердца» (преобладание чувства), а мужской – «гению ума» (преобладание рационального мышления). «...Мы должны признать оба их, в строгом смысле слова, недостаточными, односторонними, так как, несомненно, совершенный, полный тип должен заключать надлежащую гармонию между умом и сердцем, должен сочетать силу мышления с силой и тонкостью чувствований» (Там же. С. 112). Реально ли существование такого полного типа? Да, однако это не значит, что нам предстоит одинаковость, уподобление друг другу. «Культура и воспитание должны поставить своей задачей не изменение самого корня, самого существа женского или мужского типа, но правильное развитие их сильных сторон и смягчение недостатков и односторонностей» (Там же. С. 118). И это не просто общая фраза. П. Ф. Каптерев намечает обоснованную и четкую программу участия

женщины в культурном преобразовании общества. Может быть, современные научные деятели обнаружат в его рассуждениях некую «отсталость», неклассовый подход, идеализм и прочие грехи. Не мне судить. Но П. Ф. Каптерев заставил меня размышлять, помог в материнской практике, чего я не могла почерпнуть ни из одной прочитанной мною современной книги.

Итак, «корень женского типа» уходит в материнство, которое требует высочайшего развития чувств. Образование и профессиональная деятельность должны развивать, а не угнетать эту сильную сторону женской психики. Должны, но не делают этого. Мы со школьной скамьи привыкли думать, что дворянское воспитание девушек было убогим, ибо сводилось к рукоделию, фортепьяно, танцам да французским романам. Сколько издевок и горечи по этому поводу можно найти в литературе прошлого! И справедливо – ограниченность здесь очевидна. Но почему мы упорно не хотим замечать в этом «дамском» воспитании заботы об истинной женской сути – об эмоциональном развитии, которое немыслимо без регулярных и упорных тренировок?

Сейчас мы усиленно заговорили о том, что надо внедрять во все школы музыку, ритмику, изобразительное искусство. Спыхватились! Оказалось, что в воспитании чувств без искусства не обойтись, а без культуры чувств не обойтись в жизни. Правда, пока о специфике женского воспитания и речи нет. Однако эта проблема существует и скоро мы будем вынуждены признать, что дворянские «кисейные барышни» в известном смысле были подготовлены к своей материнской роли лучше, чем наши женщины. Сколько раз сама я жалела, что не умею играть ни на одном инструменте, не знаю ни одного иностранного языка, не обладаю художественным вкусом, не владею средствами общения: мимикой, жестами, интонацией... Придется учиться, опять учиться, в том числе и у «благородных девиц».

Я не думаю, что выскажу утопические мысли, если предположу, что в будущем откроются высшие учебные заведения для матерей – с широким диапазоном курсов и практикумов и с правом по выбору применить полученные знания как в семье, так и в общественных воспитательных учреждениях. Вечерние и заочные их отделения примут начинающих мам, которые смогут без отрыва от производства посвятить часть времени собственному (действительно разностороннему!) развитию, а значит, впоследствии развитию своих детей. Я сама с удовольствием поступила бы в такой институт – на бабушкин факультет. Не смейтесь: бабушкам тоже так много надо уметь, а целое поколение неумелых бабушек уже выросло из умелых работниц: они же не накапливали опыта общения с детьми. Не случайно

женщины старшего поколения сейчас нередко вместо умиротворения вносят в отношения с молодыми заряд напряжения и разлада.

Мечтаю я еще и о науке, которая занялась бы проблемой женских и мужских профессий, изучила бы влияние разных профессиональных навыков на эмоциональную сферу женщины. Я, например, думаю, что должности или профессии, где требуется принимать серьезные решения – выбирать, отсекая что-то лишнее, ненужное, как говорится, «резать по живому», – женщин огрубляют. Это более свойственно мужчине с его рациональным, анализирующим умом. Значит, руководить лучше все-таки мужчинам. Ближе к женщине те профессии, которые дают выход к людям, к общению с самыми разными лицами, но не до такой степени, чтобы лица мелькали, как в калейдоскопе. Это нивелирует чувства, неизбежно упрощает, огрубляет их. Допустим, библиотекари, почтовые работники имеют дело с постоянным контингентом лиц. Это – для женщин. А вот продавцы, приемщики в мастерских – это, по-моему, больше для мужчин.

Немного скажу по поводу мужской работы: она должна заставлять мужчину втягиваться в нее всем своим существом. Легкая или облегченная работа никого еще не делала сильнее, мужественнее, находчивее, умнее. По-моему, она просто противопоказана сильной половине человечества. А как нужен детям увлеченный настоящим делом отец-мастер, для которого его дело – лучшее из всех дел на свете. Уважение к труду отца станет залогом уважения к труду всех людей, подлинная отцовская увлеченность магнитом притянет к нему ребенка, даже подростка. Тут только надо не оттолкнуть – найти способ показать сыну, дочери, на что ты способен.

Рассказывал мне как-то один отец, что, преодолев сопротивление жены и тещи, он устроил рабочий уголок в своей квартире, чтобы приучать сына к мужскому делу. И вот учить его еще не начал, а уже испытал истинное потрясение, когда увидел, как смотрит пятилетний сынишка на него, работающего.

– Вы не поверите, – говорил взрослый, вовсе не сентиментальный человек, – я такого не испытывал даже тогда, когда работал на токарном станке на глазах какой-то иностранной делегации у нас на заводе. Там просто волновался, а здесь... прямо восторг что ли испытал: сын на меня смотрит, как на чудо, а у меня все в руках поет, получается отлично и гордость за себя просто распирает. Теперь сына от верстака не оттянешь, все просит дать ему хоть что-нибудь самому поделывать...

Слушая его, я вспомнила о семейных экипажах комбайнеров, трактористов, о тех счастливых детях и отцах, которые узнали радость общего – не игрушечного, не учебного – настоящего труда.

А женщинам что, противопоказано увлечение своим делом? Наоборот, для нее это необходимо, но – делом, которое помогает ее материнству. Покуда наука рекомендаций на этот счет не дает, каждой из нас приходится решать эту проблему, исходя из своих возможностей. Я оставила работу в школе и перешла в библиотеку, как только почувствовала, что школа не оставляет меня в покое и дома, «не отдает» меня семье, а библиотечная работа позволяла четко разделить две сферы моей деятельности. Тридцать минут дороги от работы до дома стали для меня временем отдыха и переключения от одной роли к другой.

Эта смена занятий и позволила мне их осилить. Понадобился приработок – стала швеей-надомницей.

Помогала мне вся семья, и проработала наша «Ниточка-Никиточка» больше двух лет. Зарботок, правда, мизерный (рублей 20–30 в месяц при почти ежедневной двух-трехчасовой работе). Уставала я страшно. На пределе был и наш папа. Но ни разу он не упрекнул меня и не просил уйти с работы, «сесть с детьми дома», «бросить эту волынку с шитьем». Наоборот, выполняя на нашей «фабрике» скромную обязанность «подсобного рабочего», он не обижался на то, что по производительности труда его обгоняли даже маленькие дети (пальчики у них действительно двигались быстрее). Как и во всё, за что ни брался, он вносил в дело свой азарт и изобретательность – не начальником был, а старательным и веселым товарищем, которого нередко сами ребята обучали новым операциям или приемам работы. Сколько было удовольствия от этого общего труда, сколько мы делали открытий в ребячьих характерах! Впрочем, в своих – тоже.

Вот так – ВМЕСТЕ С ДЕТЬМИ – и шла наша жизнь, и в ней проходили мы свои родительские университеты. Не сразу, а лишь спустя много лет мы осознали, что каждый из нас проходил разные предметы этой жизненной школы. Отец стал организатором детской ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Он предоставил детям столько возможностей для приложения ума и сил, что их всегда тянуло с улицы в дом, а не наоборот: дома им было интереснее! На меня же, естественно, легла главная обязанность матери – налаживание ОТНОШЕНИЙ в семье: мне больше всего хотелось, чтобы детям в доме было как можно теплее.

Вот уже почти тридцать лет зовусь я мамой, десять – бабушкой<sup>3</sup> а конца моим материнским университетам не предвидится – все еще учусь. Впрочем, я не знаю, есть ли конец этой учебе. Наверное, она кончается вместе с жизнью. Каких трудов стоит эта учеба и какими радостями награждает, я и расскажу в следующей главе этой книги.

---

<sup>3</sup> Теперь – в 2001 году – надо еще прибавить 10 лет.

## ***Я УЧУСЬ БЫТЬ МАМОЙ***

Я хочу, чтобы поняли: никакая книга, никакой врач не заменят собственной зоркой мысли и внимательного наблюдения. (...) Есть мысли, которые надо самому рожать в муках, и они-то самые ценные. Это они решают, дашь ли ты, мать, грудь или вымя, воспитаешь как человек или как самка, станешь руководить или повлечешь на ремне принуждения...

Я. Корчак

## ***Я СОГЛАСНА С КОРЧАКОМ***

Читатели, возможно, упрекнут меня: написала много, да все это общие рассуждения, а надо бы что-нибудь поконкретнее. Нужны четкие рекомендации (по пунктам 1, 2, 3 и т. д.), а то время терять нельзя: дети, сами говорите, не ждут – растут. Родители же, особенно молодые, ждут конкретной действенной помощи.

Отвечу на это так. Вышли наши книги, где свой опыт мы постарались описать конкретно, извлечь из этого опыта уроки для всех. В последней нашей совместной работе (см. кн.: Никитин Б. П., Никитина Л. А. Мы, наши дети и внуки. М.) есть глава «Что мы узнали». В ней можно найти важные для каждой матери сведения о ребенке до рождения и в первые минуты, часы и дни его жизни, об огромном значении этого периода для здоровья матери и ребенка, для дальнейшего его физического и психического развития.

А в этой книге у меня иная задача: рассказать, как я училась и учусь любить детей. И здесь я сознательно избегаю давать рекомендации. В тонкой сфере человеческих отношений советы часто бывают невпопад, особенно когда они так или иначе навязываются готовыми. Я не читаю те книги для родителей, в которых сплошные «надо», «должен», «обязан». В них автор не с тобой вместе, а ЗА тебя все уже сделал, все продумал. А я нахожу особую прелесть в том, чтобы додуматься, добраться, домучиться, догадаться самой. Это не значит, что я чужим опытом пренебрегаю. Наоборот, если постоянно сосредоточен на одном, всё идет в копилку разума: какие-нибудь случаи из жизни, строки из книги, обрывки разговора, шутки, анекдоты и ученые трактаты, но все это усваивается не просто памятью, а иначе. Сопоставляешь с тем, что знаешь или чувствуешь, анализируешь, как бы «обкатываешь» в себе. И не стараешься запомнить, а тем не менее понемногу, постепенно накапливается то, что становится твоим багажом, твоим опытом.

Помню, мне как-то пожаловалась одна бабушка, весьма образованная и умная женщина:

– Ничего не могу поделать с внучкой: я ей все объясняю, разжевываю, предупреждаю, она все понимает, а делает наоборот, будто назло.

– По-моему, она молодец, – говорю я, – она не приемлет готового знания, хочет сама решать свои проблемы. Думаю, задача воспитателя и заключается в том, чтобы дать возможность ребенку пройти путь самому, набраться своего опыта.

Я утвердилась в этой мысли позже, когда узнала, какая трагедия подстерегла дочь Герцена. Отец со своей огромной эрудицией и непререкаемым нравственным авторитетом как бы заранее разрешил для дочери все вопросы бытия. В 17 лет ей стало неинтересно, нечем жить! И она... покончила с собой. Какая страшная расплата за готовые знания...

Ниже я приведу наши дневниковые записи разных лет. Отчасти для того, чтобы компенсировать «неконкретность» предыдущих глав, но главное для того, чтобы еще раз попытаться убедить вас в том, что написал Януш Корчак и что я сделала эпиграфом к этой главе. В самом деле, легко убедиться, что почти все приведенные случаи не годятся в качестве образца. Все неповторимо в жизни, даже если похоже. Я на этом настаиваю и не хотела бы, чтобы кто-нибудь, сославшись на один из эпизодов, сказал, например, так: «Вот видишь, как надо, а ты...» Записи эти делались для собственного осмысления всевозможных происшествий и просто на память (их так интересно сейчас читать и нам, и детям) и уж никак не предназначались для печати. Некоторые из них я попыталась прокомментировать или развить свои прежние мысли дальше – просто продолжаю думать, думать, и конца этому нет. Значит, нет конца и творчеству.

### *ЭТО ВЕЛИКОЕ «Я САМ»!*

«30.03.1967. Аняте 2 года 8 месяцев, и она начала утверждать свое «я» (раньше мы бы сказали «капризничать»).

Надела Оля ее кофточку без спроса – плач, неудержимый и горький.

Попробовали из ее тарелки ложку каши без разрешения – то же самое.

В общем теперь я замечаю (ведь подобное было раньше и с другими ребятами): капризы, рев, крик бывают, когда действительность противоречит представлениям о ней малыша. Как правило, криком человек хочет восстановить справедливость. И если чуть предвидеть это, можно предотвратить капризы.

– Можно взять твой карандаш, Анночка? – Анка смотрит, сдвинув бровки, будто используя свое право разрешить или не разрешить, и соглашается важно и ласково: «Дя». И хорошо, что она не выносит бесцеремонности, приказного тона.

6.06.1963 г. – У меня ГАЗ-69, – говорит Алеша, – с гладким дном. Может двигаться прямо по воде. У него же дерево – сталь. Машина очень легкая, плавает здорово, а если лес, она прямо на деревья лезет. Прямо по густому лесу едет, а если волк попадется – прямо на волка.

Тинёк слушает его, елозя от нетерпения, ему тоже хочется что-то рассказать, придумать:

– А вот у меня ковш... Я – мм, я – мм... потому что он сейчас копать будет...

– А давайте сделаем крутой подъем, – вдохновляется Алеша своей новой идеей. – Из раскладушки.

Пока мы с Алешей разговариваем и делаем «гору», Тинь все думает, думает и вдруг говорит:

– А отпустить руку – она сама покатится...

Я радуюсь: догадался, что машина покатится вниз! И он тоже радуется тому, что я поняла его, и что-то похожее на гордость мелькает в его глазах – гордость за свою маленькую победу – догадку.

Выслушивать надо каждого – теперь-то я хорошо это знаю. Может, так и накапливает человек чувство уверенности в себе, чувство достоинства? А если бы я не заметила его усилий, а слушала бы только Алешу?

14.03.1964. Горжусь: сегодня Алеша сам, без мамы, ходил сдавать кровь на анализ (ему 4 года 9 месяцев).

Конечно, до больницы мы шли вместе и в очереди стояли вместе. По дороге я рассказывала, как берут из пальчика кровь.

– А это больно? – тревожится Алеша.

– Немножко, но ты же видел, как папа уколол иглой себе кожу. И даже не поморщился.

Алеша как-то сосредоточился в себе, словно подготавливался к трудному. Одна девочка лет семи пошла в кабинет без бабушки, одна.

– Ого, храбрая девочка, – говорю я, – а ты так не сможешь, наверное... Да? Алеша молча прижался ко мне: нет, чувствовалось, он не решится на это, но ему хотелось расхрабриться.

– А папа был бы рад...

И мой Алешик стал «расхрабриться». Он стоял около меня, и сердечко его билось у меня под ладонью тревожно-тревожно: трудная работа совершалась в человеке – он преодолевал свой страх!

Подходит наша очередь. Я говорю:

– Ну, пойдем раздеваться, мне тоже надо снять пальто, а то в кабинет нельзя в пальто входить, – и начинаю расстегивать пуговицы.

– Мам, – вдруг хриловатым голосом говорит Алеша, – не надо тебе снимать пальто, я один пойду.

– Да ну? – искренне удивилась я. – Неужели не побоишься?

Мы подошли к двери лаборатории, высокой белой двери, за которой происходит что-то непонятное, таинственное, даже для меня страшноватое. Ну, думаю, испугается, не выдержит Алеша. И берусь за ручку двери сама.

– Не надо, мам, я сам, – как-то серьезно, отчужденно говорит Алеша, он весь сосредоточен на том, что сейчас будет с ним, и даже движением плеч как бы снимает руку мою с себя. Сжал бумажку (направление) в руке, посмотрел на меня и, открыв тяжелую дверь, мгновение помедлив, шагнул вперед.

– Да что же вы его одного-то отправили? – спрашивает женщина из очереди.

– Он сам захотел, – отвечаю я. Стою у двери и у самой от волнения муторно на душе. Жду: вот-вот рев послышится. Проходит минута, другая... Наконец выходит совершенно спокойный Алеша и улыбается вдруг, как солнышко. Пальчик у него в ватке. Я подхватываю его на руки так неловко, что ватка с пальчика сваливается. Мы оба очень рады. Меня распирает от гордости и радости за сынишку. Когда мы начинаем одеваться, Алеша вдруг всхлипывает.

– Что ты?

– Пальчику немножко больно, – улыбается Алеша сквозь слезы, и ротишко его немного кривится.

– Теперь уж все, скоро пройдет, это ерунда, – успокаиваю я его, – ты молодчина, самое трудное уже перенес. – И мы отправляемся в детскую консультацию: показывать реакцию Пирке на Алешиной ручке. А там говорят, что пора делать Алеше прививку против оспы и укол против дифтерии. Врач предложила сегодня сделать прививку против оспы.

– Это пустяки – царапинка, – небрежно говорю я, но чувствую, что Алешик натягивается, как струнка.

Мы входим в процедурный кабинет. Вдруг неожиданно решают сделать Алеше укол от дифтерии. Я не решаюсь возражать – растерялась от неожиданности. Алеша смотрит молча за всеми приготовлениями, но когда я начинаю поднимать ему рубашку, вдруг срывается.

– Это больно! Не хочу! – Приходится держать его изо всех сил. Он вырывается и иступленно кричит: – Не буду – бо-о-оль-но! – После укола он всхлипывает долго: обижен и на нас, и на себя, и на то, что было больно.

Но главная обида – обманули и держали силой.

Конечно, надо было бы перенести прививку на другой день и не допустить обмана.

Тогда я не осмелилась на это. Жаль.

06.08.1974 г. Люба (3 года) наступила ботинком на мое платье (я сидела на скамейке а кухне, а она топталась рядышком) и сама сообщила мне об этом:

– Я наступила тебе на платье...

– Ну, Любашенька, зачем же на платье, на скамеечку можно, а на платье...

– Нельзя! А куда еще можно?

– На пол... (А что, если спросить у самой Любы?) А на дорожку можно?

– Можно! – Любашка сразу приняла игру.

– И на стол? – Нельзя!

– А на травку? – Можно!

– А на книжку? – Нельзя!

– А на бумагу? – Нельзя!

– А на кроватку? – Нельзя!

– А на порожек? – Можно!

– А на песочек? – Нельзя!

– Почему же нельзя? На песочек можно.

– Нет, когда он мокрый, ботиночки грязные будут, а на сухой – можно! А на мокрый – нельзя!

Как приятны бывают такие неожиданные, нестандартные ответы. Подобные игры и мы, и ребята придумывали часто, малыши их очень любили. Они и для нас, взрослых, были нужны – мы постигали логику детей, учились прислушиваться к их мнению, а не подгонять его «под ответ», которого от них ждут. Иногда я нарочно запутывала ход рассуждений каким-нибудь каверзным вопросом. Задала и на этот раз:

– А на облако можно наступить?

«Нет, оно высоко» – такого ответа я жду. А Любочка вдруг отвечает:

– Нет, оно беленькое, чистенькое, хорошенькое!

21.06.1963 г. – Как хорошо – солнышко! – радуюсь я. Малыши смотрят на небо, и вдруг Алеша говорит:

– Мам, смотри: облака солнышко по небу разносят!

Я взглянула на небо и удивилась образности его видения: по небу плыли редкие облачка, и у каждого ярко розовел от утреннего солнца бок – словно кусочек солнца, солнечного света несли облака, действительно по всему небу разносили!

И мне не хочется возражать Алеше, говорить, что это просто освещены края облаков – слишком поэтичен созданный им образ! А сам при этом такой задумчивый...»

Как сохранить такое свежее восприятие мира, когда человек как бы заново каждый раз видит то, что делается вокруг него, не привыкает к этому, не становится поэтому равнодушным?

Ответить на этот вопрос мне так и не удалось, но то, что я задала его себе, уже было моей победой – я научилась относиться бережнее и внимательнее к детскому образному мышлению, к **самостоятельным** усилиям ребенка в постижении мира.

### *КАК ДЕТИ УЧАТ*

«05.04.1961 г. Оле 1 год 8 месяцев. Вот уже два-три дня Оля на наши просьбы отвечает невозмутимо:

– Ся-ас (сейчас)... – и обязательно медлит, не делает сразу. Только спустя некоторое время я догадалась, что она точно копирует нас с папой. Слишком часто мы говорим:

– Сейчас, подожди немножко.

– Сейчас принесу...

– Сейчас приду, минуточку...

И вот результат. Надо посмотреть, как Ольгутка говорит свое «ся-ас» и нарочно медлит!

Придется отучиваться папе с мамой от своего возмутительного «сейчас». 25.10.1963 г. Когда Алеша был маленьким, папа мог давать ему такие уроки. Несет папа полные ведра с водой, а Алеша стоит на пороге в коридоре.

– Пусти меня, Алеша! – А Алеша ни с места. Папа начинает его обходить стороной но так, что немножко зацепит его ведром и чуть плеснет из ведра на него холодной водой. Алеша – в рев, но завтра он только увидит папу с ведрами, сразу без напоминания уходит с дороги.

Этот «способ» Алеша (4 года) усвоил и применил вчера к Оле. Папа увидел и ужаснулся: до чего же может быть безобразен «педагогический» (специальный) прием!

23.06.1963 г. У Алеши (4 года) появилось новое «а если».

– А если ты мне эту ложку не дашь, то я есть не буду, уйду и все...

– А если ты на меня наденешь рубашку, я с вами не пойду...

Все это рассчитано на утерю его как члена данного общества, что, по его представлениям, должно быть неприятно для этого общества. Что это? Чувство достоинства или себялюбие? Скорее – первое. А может быть, это и подражание взрослым?

19.06.1963 г. Сегодня я пришла с работы, вхожу в комнату: стоит высокий стул у турников и Тинь (2 года 8 месяцев) на турнике. Я убираю стул с дороги, а мой Тинёк как расплачется! Горько, неутешно, с крупными слезами – и сказать даже ничего не может. Оказывается, он с большим трудом этот стул сюда поставил, затем влез на турник, а потом хотел на него же и слезть, а я его убрала!

Ему еще не хватает слов для выражения своих чувств (их и у взрослого не хватает) – и вот плач.

«Как реагировать на плач?» – размышляю я (в который раз!).

Наказывать – преступно, потому что несправедливо.

Не обращать внимания очень обидно для малыша: у него неприятность, даже горе свое.

Отвлекать, как это делают (и успешно!) бабушки, тоже, по-моему, выход, удобный для взрослых, но вредный для малышей, так как не позволяет маленькому человеку самому как-то преодолеть в себе эту неприятность, пережить ее в себе, осмыслить ее по-своему.

Пожалеть («Ах ты, бедненький мой, ну иди ко мне на ручки!») и свалить вину на кого-нибудь («Ах эта мама, убрала Тинин стул, нехорошая такая!»)? Это несправедливо.

Утешать и задабривать («Ну, перестань, перестань! Ну что тебе хочется, хочешь конфетку? Хочешь книжку почитаю?») – значит потакать плачу, своеобразно одобрять плач – не годится! Но как же быть? Как выразить неприязнь к реву, но сочувствие и готовность понять и помочь малышу?

Видимо, именно так и лучше всего: неприязнь к плачу как к способу выражения чувств, но в высшей степени уважение к самим чувствам (тут тоже зависит от конкретной ситуации). Это я осмыслила и записала потом. А тогда я сказала горько плачущему Тинюшке:

– Тинёк, ну совершенно не понимаю, зачем плакать, – говорю с досадой, с той, которую сама чувствую. – Ты хоть скажи, в чем дело, разберемся.

Тинёк, всхлипывая, объясняет, из-за чего он плакал. Я стараюсь изо всех сил понять, что он хочет сказать, и вскоре становится ясно.

– А-а, – говорю я, – чего ж кричать? Я-то думала, что этот стул стоит на дороге и только мешает, а он, оказывается, тебе нужен.

– Нужен, – всхлипывает Тинёк.

Я водружаю стул на место, и Тинёк, удовлетворенный, слезает на него с турника: справедливость восстановлена.

Я, конечно, была довольна, что нашла хорошее решение да еще тут же, по свежим следам, успела подумать, осмыслить происшедшее. Если бы всегда так! В суете это часто не удается сделать. Однако, кроме нашей вечной занятости, есть еще причина плохой «успеваемости» родителей: мы следуем своим намерениям, а детей не слышим.

16.11.1962 г. Мама спешит на работу в библиотеку и зовет всех пить кофе. Папа и Алеша уже пьют кофе, а Тинь (2 года) увлекся, строит в мастерской на полу

машину из деталей конструктора. Рядом он поставил трубу; вдавил алюминиевую трубку в остатки пластилина по полу – и получился бульдозер. Он так и не пришел пить кофе, только два раза приходил звать папу посмотреть, какая у него хорошая машина. Папа похвалил Тиня, а мама говорит:

– Ну кто бы из родителей допустил такое? Ребенок не слушается, не идет за стол, не ест и его не наказывают, а хвалят за хорошую машину.

– Да, мама, ни таких родителей, ни таких бабушек не найдешь. Затем, гордясь собой, мы решили так:

1. Ради еды (и другого НЕ дела) не отрывать от занятия, которым малыш увлекся.

2. Но и не ждать его всем – семеро одного не ждут.

3. Ни в коем случае не лишать его еды, то есть не наказывать его.

4. Но отдельно ребенку не подавать – пусть возьмет сам, не отнимая у других время.

От правил, конечно, могут быть отклонения, но изредка».

Результат этих «правил» оказался плачевен: к столу собрать всех одновременно стало у нас проблемой. Видно, надо было больше следить не за «правилами», а за тем, каковы их последствия. В самом начале легче все изменить, а потом... До сих пор расстраиваются наши хозяйюшки, дожидаясь едоков, у которых, конечно же, «неотложные» дела. Ну как же: приготовить еду, накрыть на стол – ведь НЕ дело... А кажется, уж всё старались предусмотреть.

Как-то мы с дочерью поспорили из-за... джинсов.

– Подчиняться моде унижительно! Ведь мода – это стандарт, шаблон, а свободный человек и в мелочах должен оставаться самим собой, потому что есть реальная опасность прийти от «все это носят» до «все так думают».

– Совсем наоборот! Когда я внешне не отличаюсь от других, я как раз и могу быть сама собой – никто «в душу не лезет» и не учит жить, понимаешь? Внешняя стандартность позволяет сохранить внутреннюю свободу.

Первое мнение – мое, второе – моей пятнадцатилетней дочери. Любопытно, правда? Я так ей и сказала. Но сразу не сдалась, попыталась настоять на своем.

И тут «появилась» Мэри Поппинс. Я вспомнила, как эта пунктуальная, строгая сказочная няня, не терпящая никаких погрешностей в одежде и поведении, поражала своих воспитанников своим абсолютным пренебрежением к принятым условностям духовной жизни и исподволь внушала им: не отличайся внешностью от окружающих – будь как все, но внутренне не подчиняйся общепринятому слепо – будь самим собой. С Мэри Поппинс, конечно, не поспоришь: она всегда права и в

отличие от нас, несказочных взрослых, знает великую тайну моды, о которой я и не догадывалась до разговора с дочерью.

Было у нас в семье время, когда все почему-то «заводились» по пустякам, раздражались, легко обижались друг на друга.

А почему, я никак не могла понять и очень расстраивалась. Помог разобраться в этом сын – ему было тогда всего лет десять-одиннадцать; «Знаешь, мам, ты мне говори заранее, что мне надо дома сделать, я все сделаю, но потом ты меня уже не трогай, а то всегда так не хочется бросать что-нибудь на самом интересном месте». Меня эта просьба насторожила и заставила понаблюдать за собой, за отцом, за всеми. И знаете, что я обнаружила? Мы действительно не давали друг другу покоя тем, что то и дело могли обратиться с просьбами, вопросами, разговорами к любому, независимо от занятий и дел каждого. Мы думали, что это хорошо, такая свобода и непринужденность, а получалась обыкновеннейшая бесцеремонность, бестактность. Она-то и раздражала нас все больше и больше. Спасибо сыну – он помог понять, в чем тут дело.

### *С ИГРОЙ И БЕЗ НЕЕ*

«10.06.1963 г. Сегодня мне никуда не надо торопиться – я дома. Какая благодать! После завтрака сажусь за швейную машинку, а ребята устраивают «космодром» на большом матрасе.

– Ну, мам, давай мне красный космический костюм, – серьезно говорит Алеша (4 года). – Нельзя же без костюма.

Я достала два старых чепчика и натянула на головы своих космонавтов эти «шлемы». А как же быть с костюмами? Пришлось достать большие спальные мешки, и начались... полеты в космос. Космонавты «запускали двигатели», «выпускали газы», «прочищали сопла» и т. д. и т. п. Оленька (1 год) копошилась тут же и влезала то в один, то в другой «космический корабль».

– Мам, у нас шестиместная ракета, иди к нам! А то без тебя улетим!

Я оставляю на несколько минут шитье и лезу (не без труда) в «ракету».

– Ну, поехали!

Мы все вместе гудим, жужжим, вопим – в общем, летим. Однако надо же и работать. Вылезаю, сажусь шить и говорю:

– У вас теперь будут ракеты, управляемые с Земли. Я буду управлять вами. Внимание! Взлет! – и нажимаю педаль машины. Машинка тарахтит, космические корабли опять жужжат, гудят – летят. Весь этот процесс Алеша сопровождает высказываниями о раскаленных газах, дизелях, моторах.

Потом я накрываю на стол, но «космонавты» не обращают внимания на приготовления к обеду. У них уже двухместная ракета, они оба лезут в мешок, и тут начинается драка: не могут распределить обязанности.

– Ребятки! Давайте-ка поедим, – говорю я, но оба не слышат, увлеченные спором.

– Вы будете есть? Алеша! Тинь! Будете есть или нет? – стараюсь я дойти до их сознания.

– Нет, – машинально отвечает Тинь. Мне бы сказать; «А когда у космонавтов обеденный перерыв?» Или: «Вас вызывает Земля!» А я сердито:

– Тогда потерпите до вечера! – И – рев!

Хоть и тошно самой, но решила не замечать его. Довольно быстро ребята вновь входят в колею своих забот и хлопот. Из «космодрома» (матраса и мешков) они соорудили «гору». Вскоре «гора» была превращена в «болото», и по «кочкам» с восторгом заскакали мои три лягушки. Как было не рассмеяться!

Через полчаса дружно вспомнили про обед, а я «забыла» про свое «потерпите до вечера!» – благо сами ребята об этом давно забыли.

Зарядил дождь, на улицу носа не высунешь. После обеда, когда проснулась Оля, братья затеяли новую игру. Началось все с того, что Алеша нашел кусок веревки и начал возиться около турников, укрепляя «провод».

– Я электрик! – И полез на самый верхний турник.

– Я тоже, – заявил, конечно, и Антон.

Я не вмешивалась, шила и наблюдала, что они делают, только отвечала на их вопросы.

– Мама, – со слезами в голосе завопил Алеша, – Ольга мне ломает линию.

– Нет, – нашлась я, – она просто проверяет: все ли правильно, не нарушены ли контакты, а если разрушается, значит, непрочено сделано!

Алеша отнесся к этому серьезно, снова, пыхтя, завязал узлы, а потом подкатил автомобиль и притащил кусок веревки:

– Это проверочная машина и добавочный провод – проверить.

Я «пугаюсь»:

– А как же Оленька, она же берется за провод, ее ток ударит!

– Нет, – снисходительно объясняет мой «главный механик», – у них же изоляция вот такая толстая! (Раздвигает пальчики сантиметров на шесть.)

– Ой, такой изоляции не бывает! – смеюсь я, но Алеша настаивает:

– Они же провода высокого напряжения, их надо подвесить так, а потом сверху... – начинает он фантазировать и вдруг внезапно смущенно улыбается, как будто сам ощущает, что заврался.

День клонится к вечеру. Все тихо-мирно, но тут ребята рассыпали коробочки с диафильмами и журналы. Я попросила их все убрать и напомнила, что скоро спать. Сказала я это довольно спокойно и ушла.

Ребята принялись за уборку и, конечно... увлеклись кто чем. Братишки уткнулись в журналы, Оля занялась строительством из коробочек. Я вошла в комнату и сказала раздраженно и, как сообразила потом, глупо:

– Что же это такое! Вы убираете или так сидите? (Ну и вопрос! Хорошо, что ребята не слышат.) Алеша! Алексей! Кому я говорю! – Алеша нехотя отрывается от журнала и смотрит на меня отсутствующим взглядом. Тут я наконец спохватилась:

– Что ты там интересное нашел? Покажи и нам.

– Тут матросы на корабле, и капитан, и пушка, – сразу оживился Алеша. И все, конечно, сразу захотели посмотреть картинку, и мы минут пять слушаем Алешины пояснения к ней.

Потом хватило одной фразы: «Ну, матросики, уберем все и успеем еще почитать немножко». Скоро все были в постелях, а я читала им сказку. И всем хорошо...

Кажется, простая вещь: включись в игру или в то дело, которым заняты ребята, и тогда так легко «достучаться» до них, добиться того, что тебе нужно. Почему же выходит это нечасто? Нужно время понаблюдать, желание поиграть, умение вовремя и в лад войти в игру или всерьез отнестись к занятию малышей, без снисходительности и суеты.

01.05.1962 г. Мы идем по грязной дороге, много луж. Бабушка говорит то и дело:

– Алешик, смотри под ноги, шагай, вот смотри, лужа.

Алеша (3 года) едва передвигает ноги и попадает все время в грязь.

– Ну что же ты! – начинает сердиться бабушка и предлагает мне: – Давай я его понесу, он устал.

И тут меня осенило (когда мы свернули с дороги):

– Алешик! Ты знаешь, бабушка и я видим плохо, а фонарей нет, ты уж говори нам, где лужи, чтобы мы в них не влезли...

И Алешу словно подменили – и куда усталость подевалась! Он стал глядеть под ноги и говорить; «Вот лужа, бабушка, не ходи по луже!» Они поменялись ролями!

Меняться ролями – одно из любимейших занятий всех ребят. В роли «папы», или «мамы», или какого-то любимого героя они просто преображаются.

16.09.1964 г. Алеша (5 лет) съел украдкой оставленную папе конфету. Когда я обнаружила пропажу и возмутилась, Алеша внешне никак не прореагировал на мое возмущение.

Но когда спустя минут десять-пятнадцать он представился мне на кухне в качестве только что приехавшего «папы», я очень серьезно рассказала ему о том, что произошло с Алешей.

– Да, – важно, войдя в роль «папы», произнес Алеша, – он меня встретил и рассказал мне все.

– Ну и как же теперь быть, Боря? Ведь такого у нас никогда не бывало! Как ты думаешь, что же сделать?

– Ты знаешь, я думаю, надо было положить конфету повыше, чтоб он не достал, – поразмыслив, предложил Алеша-«папа».

– Ну, это не то, – возразила я, – неужели еще запирать нужно будет от детишек. Это очень противно.

Алеша-«папа» постоял несколько секунд молча и ушел, а минут через десять приносит мне бумагу с датой и надписями «мама», «папа».

– Напиши, что ты придумала, а потом я напишу.

После довольно длительных колебаний я написала свое мнение: «Думаю, что если Алеша сделает еще раз так, то придется с ним ничем не делиться, хотя это очень трудно и неприятно». И «папа» приписал: «Я согласен».

Это моя удача. Она доставила несказанное удовлетворение и запомнилась надолго радостью от того, что на этот раз получилось! Малыш получил возможность сам оценить себя, стать на место другого, найти выход из положения. Игра помогла в серьезнейшей ситуации. И все обошлось без озлобления, без обиды, без слез, без неприязни друг к другу – этого начала отчуждения. Всегда бы так!

17.06.1963 г. Ребята побежали на кухню, а навстречу бабушка несет посуду и сахарницу.

– Мы сами будем носить, – сердито говорит Алеша.

– Да, вас дожدهшься, – насмешливо замечает бабушка и сама несет все на стол. Тогда Алеша хватает сахарницу со стола и тащит ее назад на кухню.

– Алеша! Глупости делаешь! – говорю я.

– Он ужасный в этом отношении. Все – против, все – назло. Просто ужас что такое! – жалуется бабушка. Почему ей не приходит в голову, что это может быть реакция на ее собственное поведение по отношению к ребятам?

Вот задача: обижена бабушка, но обижен и внук. Как же поступить мне, матери? На этот раз я промолчала...

19.01.1964 г. Оля бросила ложку и не стала ее поднимать. Поднял ложку Алеша. Оля не захотела сама забираться на стул, лезла ко мне на руки.

Раньше я ни за что не взяла бы ее на руки, пока она не подняла бы ложку и не перестала плакать. А сегодня я... беру ее на руки.

– Этим ты только усугубляешь конфликт: он сглаживается, а не снимается, – говорит папа, и я с ним согласна. Но... Алеша и Антоша так сочувствуют Оле, так осуждающе глядят на меня...

– Это ты ее обидела, и она плачет, – заявляет Тинек.

Мне хочется поддержать в них это чувство сострадания, желание помочь маленькой сестренке и я... сдаюсь (тем более что я не совсем уверена в своей правоте).

Видимо, не всегда надо идти навстречу этой детской солидарности – всё зависит от сути конфликта. Нужно показать ребятам, что большинство не всегда право, что может быть правым и один человек.

Но при этом необходимо поддерживать в них ростки сочувствия, взаимопомощи. Как же угнаться за двумя зайцами?»

Судя по дневникам, вопросы так и остались без ответа. Пожалуй, и сейчас я его не знаю. Многое зависит от конкретной неповторимой ситуации. И часто приходится выбирать: что-то всегда бывает важнее, а чем-то надо поступиться. Ошибок тут, правда, не миновать, но без них и не научишься.

### *СКАЗКА – ЛОЖЬ!*

«22.06.1963 г. Когда я пришла с работы, ребяташки показали мне бабушкиных «гусей» – двух гуттаперчевых маленьких лебедей.

– Ты знаешь, – важно рассказал мне Алеша (4 года), – они летают. Раз уже улетели.

– Как? – не поняла я.

– Мы с Тинем поссорились – и они улетели. Р-р-раз – и нет!

– Ничего не понимаю! – удивляюсь я.

– Это бабушка таких интересных гусей купила.

– Да-да, – подтверждает бабушка с самым серьезным видом, – мне так продавец и сказал: как дети поссорятся, так гуси исчезают.

Я слушаю это с недоумением и не сразу соображаю, как же к этому отнестись.

– Гм, интересные гуси, только странно, как же это они улетают? – нерешительно спрашиваю я.

– А у них крылья отлепляются, и они летят, – серьезно говорит Алеша.

– А ты видел?

– Не-е-т! Они оччень быстро летят – с космической скоростью. Р-р-раз – и готово!

Эти гуси потом фигурировали весь вечер. Стоило кому-нибудь из ребят начать задираться или кукситься, как бабушка:

– А гуси? Сейчас улетят!

– Нет, сидят, – отвечает Алеша, а сам с беспокойством посматривает на гусей.  
– Бабушка! Мы не ссоримся, это у нас такое обижение вышло.

Новое слово Алеши мне нравится, но игра с «гусями» не очень: почему детей можно пичкать самыми примитивными вымыслами? Так и подмывает сказать ребятам:

«А вы поссорьтесь да проверьте, улетят они или не улетят».

Вечером я не выдерживаю и говорю после Алешиного убежденного «Улета-ают – так продавец же сказал»:

– Алеша, это бабушка пошутила: так в сказках бывает, а на самом деле игрушки не летают.

В глазах Алеши недоумение и недоверчивость».

А через два с половиной года в тетради Антона я записала:

«22.12.1965 г. Тинюшка (5 лет) вообразил, что пол – это что-то раскаленное – огонь и что становиться можно только на тень. Мы вступили в эту игру и охотно уступали ему свои тени, когда ему надо было пройти по полу. И он скакал козликком с одной тени на другую, «спасаясь» от огня!»

Мои комментарии спустя 11 лет:

«15.02.1976 г. Думаю, что такая игра вполне допустима. Малыши воспринимают ее не всерьез, а как игру. У нас это интересно получается с Любой: она участвует в игре, но не обманывается. В том-то все и дело!

08.08.1974 г. Вот уже с полгода мы играем с Любашей (3 года) в «крокодила Гену» (как с Ванюшей играли в «сонного дядьку»). Трудно вспомнить, с чего это началось. (Потом это повторялось много раз.) Кажется, это было так.

Люба на что-то разобиделась за столом, влезла на свой стул с ногами, повернулась к нам спиной и, уткнувшись в колени лицом, начала уже поревывать, пока еще негромко. Папа сказал:

– Или прекращай реветь, или я тебя высажу!

А я говорю вдруг:

– Папа, это не Люба, это кто-то другой. У нас Люба не такая. Это какой-то... крокодил!

Любашка заинтересованно прислушивалась, а потом, прикрыв глаза тыльной стороной ручонка, шевеля при этом растопыренными пальчиками, вдруг заявила низким голосом:

– Я злой крокодил, я вас съем!

Мы все, конечно, «задрожали» от страха и стали громко звать Любу, чтобы она справилась со злым крокодилом.

Через минутку Любаша сообщила, что она уже добрый крокодил Гена, который «скоро превратится в Любу»,

Позже игра проходила в разных вариантах: с исчезновением «крокодила» под стол и «внезапным» появлением Любы; с постепенным превращением крокодила в Любу: она потихоньку открывает ладошками лицо, освобождая глазки (мы радостно восклицаем: «Ой, глазки уже Любины!»), носик («Ой, носик уже Любин!»).

Когда Люба превращается в «злого крокодила», то мы все должны «дрожать от страха». Если мы забываем это делать, то Любашка напоминает с неудовольствием:

– Ну что же вы не дрожите? Дрожите! (Надо же выполнять правила игры!) Так можно очень быстро успокоить Любочку, снять очередной конфликт.

Итак, проблема: есть обман, которому верят, как правде («Вот придет Бармалей, тебя в мешок посадит»), есть фантазия, сказки, волшебство, в которое верят, как в чудо («Прилетит фея и принесет тебе волшебную палочку»), есть игра воображения, которая принимается не всерьез, а с соблюдением определенных правил. Как найти грань между ними? А найти обязательно нужно.

Рассмотрим ряд близких слов: лгать, врать, обманывать, ловчить, хитрить, лукавить, притворяться, разыгрывать, придумывать, фантазировать, сочинять – какой плавный переход от минуса к плюсу, не поймешь, где водораздел. Но он есть! Мы внушаем детям: врать нельзя, это нехорошо. А как же: «Хорошо, когда кто врет весело и складно!» – Теркину можно?

Однажды я проводила в третьем классе утренник, посвященный сказкам, и спросила ребят:

– Говорят, обманывать плохо. Верно?

– Верно! – дружно, заученно ответил класс.

– Ну хорошо, а как же в сказках: то и дело друг друга обманывают. И не только какие-нибудь злыдни, но и самые прекрасные добры молодцы. Выходит, они обманщики. А почему же мы их любим?

Класс недоуменно молчал – ни одной поднятой руки. Я тоже молчала, выжидая. Наконец на последней парте робко приподнялась и тут же опустилась мальчишечья рука.

– Ну-ну, – подбодрила я.

– Они не обманщики, они обхитря... нет, обхитрива... ну, хитрые они, они же врагов обманывали. А врагам и надо врать, – убежденно закончил мальчишка и сел.

Класс загудел на разные голоса, поднялись руки – приводить примеры. Но у меня был вопрос и посложнее:

– Мы-то с вами, слушатели или читатели, не враги, а нам всякие небылицы плетут?

На этот раз поднялось уже несколько рук:

– Это чтоб интереснее было.

– А там приключения разные, а мы их любим...

– Почему? Почему вам нравится, чтобы вас обманывали? – пристаю я к ребятам. Я жду от них открытий, важных для меня.

– Да никто и не обманывает! – вскочил тот мальчуган с последней парты, который начал думать первым. – Мы же знаем, что там все придумано, мы же знаем!

– Сказка это мечта, которая... взаправду, – тихо сказала девочка, дождавшись, пока я замечу наконец и ее поднятую руку.

– Как-как? – не поняла я, но кто-то из ребят пояснил:

– В сказке все-все можно, что хочется, только надо вообразить.

Эти маленькие мудрецы прекрасно разбирались, где корыстная ложь, а где игра воображения, причудливая и прекрасная выдумка, в которой действительно как бы осуществляется мечта, чья-то надежда.

«25.07.1969 г. Как-то месяца полтора назад Юля (2,5 года) раскапризничалась, и я, чтобы ее отвлечь, рассказала сказку про Машу и трех медведей, только вместо Маши была Юля. Слушали все мои дочери, и всем сказка очень понравилась. С тех пор Юля стала меня просить: «Акази мне а Юлю!» (она еще плохо выговаривает слова, но уже произносит целые фразы).

Сначала я Юлю «вставляла» в разные сказки, затем просто рассказывала всякие истории из Юлиной жизни, в том числе и разные небылицы, а затем стала рассказывать то, что на самом деле бывает, было или происходит сейчас. Я старалась говорить о Юле, которая не плачет, не капризничает, сдерживается, если хочется поплакать, в общем о Юле, какой ей хотелось бы быть. И удивительно! Стоило мне сказать, если Юленька вздумает заплакать: «Что же мне теперь рассказывать – как Юля плакала?», как Юля сразу переставала всхлипывать и говорила: «Акази мне Юлю не паця». Удивительно хорошо это успокаивало ее – это желание быть той, хорошей Юлей.

18.10.1973 г. А вот Юле 7 лет и...

– Мама, сколько тебе лет?

– Когда ты плачешь, мне, наверное, шестьдесят лет, я старею. А когда ты поешь, мне двадцать.

И Юля запела и пела все утро, пока собиралась в школу.

09.08.1974 г. Если есть хоть малейшая возможность, утром мы с Любашей встаем не сразу, а чуть-чуть поиграем и поговорим о том о сем. А сегодня мы сочинили сказку:

– Проснулась мама утром, а подняться никак не может. Позвала она папу. Пришел папа, взял маму за руки, тянет-потянет, а вытянуть из постели не может. Папа позвал...

– Алешу!

– Да! Алеша – за папу, папа – за маму, тянут-потянут, а вытянуть не могут. Позвал Алеша Антошу. А Антоша говорит: «Что?» – и не пришел.

– Антон физику учит, – серьезно замечает Любаша и вздыхает. Я хохочу, но Люба напоминает про сказку:

– А дальше?

Наконец все уже, кроме Любы, собрались у мамы, тянут-потянут, а вытянуть не могут! И тут прибежала Любочка, поцеловала маму в глазки – они сразу открылись, а потом Люба сказала ласково: «Мамочка, уже утро, давай вставать» – и потянула маму за руку. И мама сразу встала!

– Я сильная, а все были слабые, – говорит Люба.

– Нет, ты была ласковая, добрая... – вздыхаю я».

Ласка, любовь – главная сила в отношениях между людьми. Я, конечно, не могла так говорить об этом трехлетней дочке, но как-то попыталась передать ей свою убежденность в этом.

Результат был очень неожиданный и трогательный. Однажды мы с Борей сидели, надувшись друг на друга, и казалось, никакая сила сейчас нас не разморозит. Подошла Любаша, уселась между нами и, обхватив наши шеи ручонками, вдруг сказала с хитрым видом: «А кто между вами?» Мы переглянулись. «Любо-овь», – протянула Люба. Мы рассмеялись и... помирились.

Ну а как же бабушкины гуси? Я и сейчас склонна думать, что это близко к обману типа «Будешь врать – язычок проглотишь». Малыш искренне верит, а обнаружив неправду, недоумевают, обижаются, а затем с опаской отнесется и к другим заявлениям взрослых. Зачем это?

Зато добрые выдумки просто прелесть что такое!

## *ОХ УЖ ЭТО НАКАЗАНИЕ!*

«25.06.1963 г. Алеша вывез на середину комнаты экскаватор, начал его приспособлять к хождению по «шоссе». Тинь уселся около машины и стал ее толкать ногами в противоположную сторону.

– Не на-а-а-да! – завопил Алеша и ударил брата. Тот полез в драку. Я взяла Антошку и вынесла его на террасу. Он вернулся и принялся опять за свое. Я рассердилась, даже шлепнула его дважды и, выставив на крыльцо, прикрыла дверь. Конечно, рев. Алеша как ни в чем не бывало продолжает возиться с машиной, а меня огорчает и история с дракой, и отношение к ней Алеши.

– Мам, – говорит Алеша, – смотри, что я сделал...

– Не хочется мне смотреть, – грустно говорю я, – оба вы с Тинем плохо сделали: ты с ним не играешь, а он тебе назло делает...

Алеша пошел было к двери, за которой всхлипывает Тинь, но тот, увидев брата, еще громче плачет. Ясно, что он ждет, чтобы подошла я. А я жду, чтоб он замолчал. Наконец становится тихо, потом за дверью едва слышно: «Мама!» – и чуть громче: «Мам!» Подхожу к двери, открываю. Тинь поднимает на меня глаза, полные слез. Лицо у него мокрое, под носом мокро. Вид несчастный, но я стараюсь не разжалобиться:

– Что тебе? – сурово спрашиваю я.

– Дя? Я... хочу... к вам, – всхлипывает Тинёк.

– Иди, – тем же тоном говорю я, – только кто же с тобой согласится играть, если ты мешаешь.

Я сажусь на диван и смотрю на поникшую фигурку сына осуждающе. Он робко подходит ко мне и осторожно прислоняется к коленям:

– А я там плакал, плакал, кричал (словно хочет сказать: ведь мне же было плохо, а ты не пришла ко мне).

И я засомневалась: верно ли поступила на этот раз? Я ведь тоже была перед ним виновата. И Алеша – тоже. А наказан один.

22.06.1963 г. Алеша лежал на раскладушке и читал книгу, к нему под села бабушка и хотела было с ним поговорить. Но он вдруг заявил:

– Уходи отсюда, я тебя не люблю.

– Почему же ты меня не любишь?

– Не хочу говорить!

Бабушка ушла обиженная.

– Да что ж ты так бабушку обидел, – говорю я, – как же ты так мог сказать? Мне теперь бабушке и посмотреть в глаза будет стыдно!

– Почему? – глаза Алеша смотрят с недоумением, хотя он и чувствует, что сделал плохо. Но он был искренен в данную минуту.

Я думаю про себя: «В самом деле, как же быть? Скрывать истинное отношение и заменить его лживой вежливостью – противно и унижительно, хотя легко. Куда труднее изменить в ребенке само отношение к человеку, если он того заслуживает (а бабушка, безусловно, этого заслуживает). А как это сделать? Знаю, что бабушка ждет извинения, но в чем извиняться Алеше? Да и вообще извинение очень часто сопровождается фальшью и со стороны извиняющегося, и со стороны извиняющегося – значит, опять ложь. Ну нет!»

– Иди, Алеша, очень мне за тебя стыдно, – сказала я сыну и тихонько отодвинула его от себя. Губы его скривились, но он почему-то не заплакал.

А когда пришла бабушка и мы сели за стол, Алеша как-то приветливо вдруг спросил у нее:

– Тебе эту вилку дать?

– Давай, давай, спасибо, – ласково ответила бабушка.

Я вздохнула с облегчением.

В тот же день к вечеру в комнате собрались устроить чай в честь дня рождения дяди Володи. Я говорю ребятам:

– Давайте-ка все убирать.

Алеша начинает собирать кегли и складывать их в чемоданчик. Антон (2,5 года) сидит и демонстративно возится с какой-то веревочкой.

– Тинь, ты думаешь, что после этого сядешь с нами за стол?

– А я не хочу убирать, – смеется Тинёк, как будто проверяет, что из этого выйдет.

– За стол не сядешь, – повторяю (зачем?) я.

– А я хочу-у-у, – со слезой в голосе тянет Тинь.

– А ты не убираешь, – с моей интонацией говорит ему Алеша, – значит, тебе за стол нельзя. Вот. Ты же не убираешь.

Это выводит Тиня из себя. Он бросается к чемодану с кеглями, выхватывает их и разбрасывает по комнате.

– А я буду бросать! – протестующе кричит он.

– Ну, Тинь, это уже никуда не годится! Мы убираем, а ты разбрасываешь. Тогда иди-ка ты в постель. – Я несу его на террасу.

В постели он долго плачет, ворочается, потом затихает. Думаю – уснул. Нет, через некоторое время:

– Ма-ма-а-а!

А в это время уже садятся за стол. Как не хочется портить всем настроение! А что делать?

Я выхожу на террасу и сурово спрашиваю:

– Что тебе, Тинь?

– Я, я... – теряется Тинёк и смотрит на меня умоляюще, – я... хочу к вам, – едва слышно говорит он и прячется в постель.

Я чувствую: он ощущает незаконность своей просьбы, что он не должен быть там, не может быть, но ему так хочется!

И я подчиняюсь первому движению сердца:

– Ну ладно, вылезай, пойдем со мной!

Какой благодарностью вспыхнули его глазенки! Как крепко он прижался ко мне! И я поняла, что поступила правильно, хотя, казалось бы, сделала не то, что следовало.

И вот уже три дня прошло (я пишу 25 июня), а Тинёк «не лезет в бутылку» – покладист и ласков.

После этого случая стала я больше доверять интуиции: не столько умом, сколько сердцем поняла, что, если ребенок чувствует свою вину, прощение во благо.

21.10.1963 г. Мы убедились и убеждаемся, что как бы ни был наказан ребенок, что бы он ни сделал, он должен чувствовать в нас родных, самых близких людей – нельзя отталкивать ребенка в трудный для него момент. Можно огорчиться, рассердиться, наказать, но ребенок должен чувствовать, что это тяжело и для родителей, огорчает их, но мама и папа все равно любят его».

Прекрасный вывод! Если бы к нему еще и умение это провести в жизнь. На практике мы часто поступали вопреки ему. Вот что случилось всего год спустя.

«14.04.1964 г. «Братья-разбойники» подрались из-за самоката. Я рассердилась и подняла его на шкаф.

– Вы из-за него ссоритесь, деретесь. Значит, вам его давать нельзя. Алеша (5 лет) бурей налетел на меня и с ожесточением ударил меня по руке раз-другой, приговаривая, захлебываясь от злости, потеряв всякую власть над собой:

– А я вот тебе, а я вот тебе!..

Я изумленно отстранила его от себя.

– Опомнись, что ты делаешь?!

Он хотел даже укусить меня, но несколько опомнился и только слегка сжал зубами кожу у меня на руке. Потом посмотрел на меня чужими глазами:

– А зачем ты нас обидела?

– Я не хочу, чтобы вы дрались из-за самоката. – Я это сказала, как будто оправдываясь за сделанное. И действительно, я не чувствовала себя вполне правой.

Алеша быстро успокоился, пошел на улицу, вернулся оттуда оживленный. Я встретила его как обычно, ласково, но когда он взял меня за руку, поморщилась:

– Не надо, Алешик, больно.

Он посмотрел на мою руку и как-то смущенно-виновато отвел в сторону глаза.

А вечером папа спросил меня:

– Что у тебя с рукой?

Алеша, сидевший за столом, в смущении и замешательстве наклонился.

– Может быть, Алеша расскажет?

– Нет, я не хочу, – заявил Алеша.

Тогда я вкратце рассказала, как было дело. Папа очень огорчился и возмутился:

– Мы не позволим, чтоб у нас такое в семье происходило. Я предлагаю удалить его из-за стола за такие вещи. Ты как думаешь, мама?

Я, поколебавшись, согласилась. Алеша расплакался в комнате, ревел громко, но недолго.

– Пап, я приду-умал...

– Что ж ты придумал?

– Не делать так больше... – почти спокойно уже сказал Алеша.

– Ну вот, – решительно заявил папа, – когда не будешь, тогда и будешь с нами есть, а сегодня сделал, значит, и есть не будешь.

Алеша разревелся с новой силой:

– А я хочу есть, не могу терпеть!

– А мы хотим, чтоб у нас таких вещей не было!

Эти две фразы были повторены несколько раз (по-моему, зря папа повторял одно и то же).

Наконец Алеша протянул:

– А я вам спать не дам до утра.

Папа вынес его из комнаты в мастерскую:

– Мы не хотим, чтоб ты мешал нам спать, вот и сиди один тут.

– Нет, я не буду так делать, – поспешно решил Алешик.

– Будешь ложиться без крика?

– Да, – тихо сказал Алеша.

Я помогла надеть майку, уложила его. Моя ласка снова вызвала у него слезы и всхлипывания.

– Я очень хочу кушать, – жалобно запросил он. – Я не могу терпеть.

– Надо потерпеть, очень даже сможешь, – я постаралась сказать это почти сурово. – Сам виноват. Ты думаешь, нам с папой приятно? Мы тоже есть не смогли из-за всей этой истории!

Мои слова неожиданно подействовали на Алешу как-то успокаивающе. Словно он почувствовал, что не насилие совершается над ним, а закономерное, естественное возмездие за огорчивший всех поступок. Через минуту он уже успокоился, даже о чем-то поговорил с папой и быстро заснул.

Это хорошо, что он так буйно протестует против насилия, от которого нам надо отказаться. Мы решили делать так: не применять наказания по собственному, индивидуальному, «взрослому» решению, а предлагать всем вместе решать, как быть в том или ином случае. Тогда последствия «содеянного» будут восприниматься ребятами не как насилие со стороны взрослых, а как выполнение того общего решения, которое принимали и сами малыши».

Я не сразу решилась привести эту запись: стыдно за нас, обоих родителей. И главное, почти всё не так, как следовало бы: от первого моего движения (отобрала самокат, не попытавшись разобраться) до заключительных глубокомысленных выводов, которые выглядят справедливыми, а по существу антигуманным, ибо устраивать обсуждение, т. е. суд над человеком, если и можно, то лишь раз в жизни, да и то не по любому поводу и не всегда путем общего голосования. В данном случае повод был сверхсерьезен (ударил и хотел укунить маму!), но... давайте разберем все с самого начала.

Итак, одному человеку пять, другому – три с половиной года. И у них новенький красивый самокат, недавно подаренный братишкам со словами: «Распоряжаться им будет Алеша, он старший и уже хорошо катается». Но младшему брату тоже хочется покататься. Он уцепился за самокат и не отпускает. И грянул бой... Тогда распорядилась я (это подарком-то, торжественно врученным!). Помню, я отобрала его довольно бесцеремонно, чуть ли не силой. И вот результат: человека оскорбила и тем, что с его правом не посчиталась, и тем, как это сделала. И он восстал, требуя справедливости. Грубо, неумело, но я своей бестактностью как бы спровоцировала его грубость и даже жестокость. Распространеннейшая родительская ошибка: виноваты оба – расплачивается один, да еще и слабый, подчиненный – ребенок.

Это потом я поняла, почувствовала, что в такой ситуации взрослый должен первым протянуть руку, не требуя от ребенка унижительного извинения. Это акт великодушия со стороны взрослого. А если первым идет с повинной ребенок, искренне переживая чувство вины (а так и вышло в описанной ситуации), как же

тут не повиниться тоже: «Знаешь, и я что-то не то сделала, давай разберемся». Или просто: «Прости, погорячилась» – и в детских глазах вспыхнет: «Нет, нет, это я во всем виноват!» – и благодарность, и слезы облегчения, и раскаяние, и чувство близости необычайной...

Но после этого больше не вспоминать и тем более не делать прощенный проступок предметом для обсуждения, поводом для наказания – это непременно вызывает озлобленность, затаенную обиду. Первоначальная причина конфликта забудется, а обида останется – за несправедливость.

И еще одно: «удалить его из-за стола» или «ты не будешь с нами есть» – как мы этим злоупотребляли! Правда, мне всегда было невозможно применять этот «способ наказания». Я и тогда уже считала, что он годится для дрессировщиков, а не для людей, но... подчас не знала, а как же надо, и опять: «Ну, тогда выходи из-за стола»... Ох, терпеливы же наши дети: они любят нас даже таких, неумелых, несправедливых, срывающихся и раздражающихся, любят, потому и прощают нас. Как же тут не постараться стать лучше хотя бы ради них, наших детей!

Шаг за шагом я приближалась к разрешению этой сложной педагогической проблемы наказаний и поощрений. Одно время утверждала, что эта проблема сводится к адекватной ответной реакции взрослых на поступок ребенка, т. е. каждый раз надо отзываться в меру – в этом и состоит искусство подлинного воспитания. Именно поэтому педагогическая аксиома «В воспитании нет мелочей» рано начала вызывать, да и до сих пор вызывает у меня недоумение и протест. Она легко опровергается практикой жизни. Как и в любом деле, здесь есть что-то главное, без чего нельзя обойтись, есть нечто более или менее важное, а есть просто мелочи, на которые можно и внимания не обращать. Вся сложность и состоит в том, чтобы не путать одно с другим: не проморгать главное и не превратить муху в слона, как часто это бывает. Приведу две небольшие зарисовки с натуры.

- Псибо, – буркнул ребенок, вылезая из-за стола.
- Скажи громко и внятно! – потребовала мать.
- Спа-си-бо! – громко и ехидно повторил сын.
- Хорошо. Иди.

Мелочь, казалось бы! А мама не заметила, КАК сын сказал ей свое спасибо. А главное было именно в этом.

Дочь изрезала носовой платок, выкраивая кукле платье. И выкроила, и сама сшила – первый раз в жизни!

- Почему не спросила? – возмущается мать. – Хорошую вещь испортила.
- Я не испортила, я сши-и-ла, – обижается, заливаясь слезами, девочка.

И правильно обижается: испорченный платок действительно мелочь по сравнению с тем важным, что произошло. У человека впервые получилось трудное дело – это же радость необычайная! А изрезанный платок – дело житейское. Так сказал бы умница «Карлсон, который живет на крыше». Он не силен в педагогической теории и поэтому доподлинно знает, что разломанная («А что там внутри?») дорогая игрушка – чепуха по сравнению с восторгом открытия.

Но если никакого открытия нет, а есть капризное, агрессивное «А я хочу-у-у» и – оторванная у куклы нога («Кукла-то дешевая»), или разрисованная книга («Она и так растрепана»), или сорванный с молодой веточки листок («Вон их сколько!») – пустяк, одним словом, что тогда? Внимание; так проявляется своеобразие! А это далеко не мелочь. Главное – не ошибиться в оценке. А как? Это иногда доводит до иступления.

Конечно, опыт постепенно накапливался, все точнее определяла я меру наказания и поощрения, но что-то меня не удовлетворяло в этой выстроенной мною «концепции адекватности». Обычно в любом происшествии, стычке, даже недоразумении бушуют эмоции. Ясно, они не способствуют хладнокровному взвешиванию всех обстоятельств. С ними как быть?

Когда бьешься над чем-нибудь долго, обязательно подвернется случай, который натолкнет на верный путь. Для меня таким случаем оказалось письмо. Оно было написано корявым почерком. Ошибки, неправильные обороты – словом, писал малограмотный человек. А прочитала – какой же светлый, ласковый, добрый человек эта бабушка Наташа. Не мудрствуя лукаво, она просто жалеет внука-подростка, который «пришел выпимши у грязе и прямо за стол...» (далее я орфографию и знаки препинания подправила). «Я ему есть подала, а сама плачу: непутевый ты, несчастный, погубишь ты свою жизнь ни за что... Сама ругаю, сама ревмя реву – уж так его жалко. Смотрю – и он глазами заморгал. Ладно, говорит, бабушка, не буду, только не плачь. Уж год как не пьет. А мне-то радость».

Меня поразило вот это: «Сама ругаю, сама плачу». Да ведь она не на него сердится, а за него болеет, не против него воюет, а против его слабости и радуется за него, любя, всем сердцем желая ему хорошего. Не могло это не дойти до парня. И дошло. Ну, а если бы стыдила, угрожала, упрекала, злилась? Он и слушать бы, наверное, не стал, да еще и назло бы делал!

Письмо это взбудоражило меня и заставило пересмотреть свои взгляды. И теперь, когда меня спрашивают «Как наказывать и хвалить, как найти меру?», я отвечаю вопросом: «А не лучше ли не наказывать, а просто огорчиться, расстроиться – просто не скрывать своего огорчения, и не хвалить, а порадоваться за ребенка, порадоваться его радости?»

«А какая разница?» – спрашивают меня, и я долго и путано пытаюсь объяснить то, что бабушке Наташе ясно без слов, а мне пришлось постигать сначала умом, а потом уж сердцем. Говорю я примерно так.

Разница здесь огромная. Одно сближает людей, другое разъединяет. Давайте вникнем. Осудить (наказать) или одобрить (похвалить) может лишь судья, стоящий над тем, кого он судит. У него должно быть для этого право старшинства, или силы, или мудрости, или ответственности – и это право отчуждает его от людей. В любом суде это необходимо, ибо настроения, пристрастия, даже чувства ненависти и любви там не должны иметь никакого влияния на решение судьи. Только тогда суд и может быть справедлив. Нам, родителям или учителям, когда мы караем и милуем, осуществляя функции судьи, редко удается быть справедливыми вполне; и мы отталкиваем от себя детей, и вызываем, стимулируем в них главным образом отрицательные эмоции, а потом и качества характера. Наказания почти всегда порождают озлобленность, обиду, страх, мстительность, притворство. А у остальных, «свидетелей», – чувство облегчения («Не я!»), даже злорадство, желание жаловаться, ябедничать, доносить – целый мешок этих мерзостей, с которыми так трудно бороться.

Не лучше и с похвалами. Мы знаем, какому остракизму подвергаются «примерные» дети в школе. Взрослые их хвалят, награждают, в пример ставят, а дети их нередко дразнят, терпеть не могут. Закономерно! Похвала, награда у награжденного почти неизбежно порождает не просто гордость, а тщеславие, желание блеснуть, чувство превосходства, даже презрения к окружающим. А те, в свою очередь, маются от чувства соперничества («Почему не я?»), зависти, выискивают возможность выклянчить эту похвалу или какую-то награду. Лесть, подхалимаж, подсиживание в борьбе за «призовое место» – явления нередкие даже в начальных классах.

И совсем не то получается, если нами руководят чувства соперничества: радости (до восхищения) и огорчения (до отчаяния), которые может выразить любой человек, находящийся рядом. Конечно, и здесь нужна оценка (чему радуешься, из-за чего огорчаешься – это зависит от твоих нравственных качеств), но при этом происходит сближение людей, их взаимопонимание.

Каждый может проверить это на себе. Если за тебя радуется кто-то, ты приобретаешь уверенность в себе, чувство достоинства, готов «горы свернуть». В то же время испытываешь высокое чувство благодарности и признательности к тому, кто искренне рад твоей радости. И тот становится тоже щедрей сердцем, доброжелательней, великодушной. Каждый здесь приобретает друга, по крайней мере, чувство приязни, расположенности растет лавиной и у того и у другого. А

если за тебя огорчаются даже тогда, когда ты виноват, когда ты сам причина горя окружающих, что ты испытываешь? Слезы близкого или просто сочувствующего тебе человека будоражат, жгут твою совесть, словно сдирают с нее накипь ожесточения и самооправдания. И стыд, раскаяние, клятва самому себе: «Никогда, никогда не повторю больше этого!» – благодарные, очищающие, возвышающие человека чувства. И у жалеющих тебя растет сочувствие, желание помочь, спасти. Это роднит людей, делает их ближе друг к другу.

Кто-то может мне не поверить, что я шла к пониманию этих простых вещей так долго и трудно. Что ж, счастлив тот, кто верно чувствует и делает так, как подсказывают ему чувства. А я, хоть и была подчас в моем сердце жалость, боялась пойти у нее на поводу, опасалась «распустить» ребят. И в радости тоже опасалась переборщить, никогда не выражала свой восторг, сознательно сдерживала себя. Однако сами дети научили меня жить не столько умом, сколько сердцем. Что бы мы, отец с матерью, ни думали, как бы ни спорили, мы прежде всего радовались и огорчались, снова огорчались и вновь радовались – жили жизнью друг друга. Вот в этом и состоит, по-моему, главный педагогический секрет.

Хорошо об этом сказала однажды пятилетняя Юля.

«24.02.1972 г. Мальчики не дают Юле прочитать стишок, перебивают ее, а я слушаю их (разговор идет о деле). Тогда Юля возмущается:

– Что ли ты их одних родила, только их и слушаешь. Как будто остальные и не родились! – и плачет. В самом деле, всем ведь нужно внимание – всем, кто родился. Верно!»

## **КТО ПОМОЖЕТ МАТЕРИ?**

### *ИЗ ДНЕВНИКА НАЧИНАЮЩЕЙ МАМЫ*

Прежде чем приступить к этой новой и трудной для меня теме, хочу процитировать одно недавнее письмо – от сына из армии. Попав в армейскую обстановку, он испытал главную трудность не от физических нагрузок, не от необходимости подчиняться начальству, не от однообразного режима и питания (это в общем-то терпимо), а от нивелировки людей в духовном отношении. Какие там личности?! Рядовые в прямом и переносном смысле – армейский идеал, правда, вынужденный, требуемый условиями армейской жизни, но нельзя душе жить по уставу, у каждого она своя. И вот это своеобразие, богатство духовного содержания каждого остается в армии неостребованным, даже преследуемым («Не высовывайся!»). Это самое тяжелое испытание, мало кто его выдерживает без душевных потерь. Воспротивиться этому своеобразному внутреннему

расчеловечиванию может лишь человек духовно богатый и нравственно стойкий. А это зависит от того, каким он пришел в армию.

Очутившись в казарменной обстановке, сын стал размышлять о семье и ее значении в жизни человека. И вот к каким выводам пришел:

«Ясно, что для воспитания личности лучше всего хорошая семья. Если такой нет и ребенок воспитывается «улицей» (к ней я отношу не только улицу, но и наш детский сад, и нашу школу, где воспитание детей «вверх» не может происходить нормально – всё и вся варится в собственном соку), то нет предпосылок появления неординарного человека.

Воспитание такого человека может происходить только в семье, так как:

только в семье возможно получить хорошее соотношение людей разного возраста на одного ребенка – обязательное условие для действенного воспитательного процесса (в отличие от детских учреждений);

только в семье возможно создать **НОВЫЙ** мир, отличный и особый от остального мира, – необходимое условие для создания нестандартной личности – Человека, не похожего на других (естественно, в хорошем смысле);

только в семье существуют серьезнейшие предпосылки создания доброй атмосферы вокруг ребенка, лелеяния в нем добрых качеств».

Какая категоричность! «Ясно, что...», «Только в семье...» Но добрые качества действительно требуют кропотливого, нежного внимания – должны быть взлелеяны как редкостный цветок.

А если посмотреть на вещи реально, насколько способна нынешняя мать осуществлять этот кропотливый труд? Приведу несколько выдержек из дневника молодой матери. Когда родился ее первенец, ей не исполнилось и 20 лет. Желанный ребенок, благополучная семья, скромные средства, зато вполне сносные бытовые условия. С житейскими заботами справляются сами, без помощников. Почти со дня рождения сына мама ведет дневник. Она описывает разные события из жизни малыша, его проказы, свои трудности и находки, следит за изменениями и в нем, и в себе. Мне удалось уговорить молодую маму дать несколько выдержек из ее дневника в мою книгу. Я выбрала те места, которые касаются **отношении** ребенка с окружающими и прежде всего с матерью.

В начале каждой записи указываются страницы дневника и возраст ребенка. И то и другое нам еще пригодится.

«С. 12. 25 дней. ...Особенно интересно наблюдать за его личиком. Запомнился мне один интересный эпизод. Стояли мы с Петруней у окна. Он у меня на руках лежит спокойно, не спит, я то на него, то в окно посмотрю. И вот загляделась я на улицу, долго туда смотрела, потом взглянула на Петра. Он на меня посмотрел

внимательно-внимательно, серьезно-серьезно, потом отвел глаза в сторону и также стал внимательно разглядывать что-то на стене и тихонько вздохнул.

Это было так выразительно – я в тот момент поверила, что Петруня мне хотел сказать: «Мама, я же хочу поговорить с тобой, а ты все в окно смотришь... ну, как хочешь, я могу смотреть, конечно, и в стену...» – а своим вздохом как будто добавил про себя:

«Знала бы, как обидно...».

С. 63. 1 мес. Ночью спали плохо; он тихонько капризничал, не кричал, но спал беспокойно... А утром часов в 8 что-то разволновался. Я его развернула, прижала к себе, убаюкиваю, а он не успокаивается, начал кричать. Я ему спокойно начинаю говорить:

«Петруша, Петрунюшка, милый, ну не надо...» (а внутри совсем беспокойна: рано еще – папу разбудит). А он не успокаивается. Я меняю ему положение: то вертикально держу, то на животик кладу... – кричит; начинаю качать – все сильнее-сильнее, у него захватывает дух, но бедный Петр кричит еще громче... Я начинаю кружиться с ним по комнате, все больше злюсь, что он не успокаивается, мне хочется кричать: «Ну что ж ты орешь-то?!»... Вдруг я прихожу в себя: «Боже мой, что же я делаю!.. Ему, малышу моему, плохо, он помощи просит; сдерживался сначала, а не выдержал, значит, так больно ему! Родной мой, маленький мой!..» Встал Коля (папа), взял у меня Петрушу, тот стал затихать...

Я подошла к окну, слезы текут по лицу, все думаю про себя: «Петрунюшка, маленький мой, прости свою маму нехорошую, глупую... Я просто не выспалась, устала, прости, ладно?..»

Более или менее успокоившись, я беру Петруню, затихшего у папы, к себе на руки, смотрю на него, и он... улыбается мне, хотя на глазенках застыли слезы... Простил...

С. 70. 3,5 мес. В то время, когда Петруша не спит, а я или стираю, или готовлю еду, или убираю, он разговаривает сам с собой – гулит – и через некоторое время «зовет» меня, да, да, зовет: не кричит, а просит: «а-а...» Я стараюсь к нему сразу подходить, когда он так хорошо просит, мы с ним «болтаем» с минутку, а потом он опять может некоторое время лежать один. Когда я к нему подхожу, он очень радуется и после нашего разговора как бы «заряжается» еще ненадолго и лежит – не плачет.

С. 108. 5,5 мес. Петруша всегда спокоен (если не хочет спать, есть...), когда я делаю какие-нибудь дела, находясь с ним в одной комнате: глажу, зашиваю, вяжу, убираю... Ему надо меня видеть, и даже не видеть, а чувствовать, что я рядом. Может он лежать и один в комнате, когда занят каким-нибудь «исследованием», и

довольно долго. Не шумит, не кричит, но когда я захожу в комнату, то уже не отпустит и очень расстроится, если я сразу уйду. Поэтому я несколько минут с ним поиграю, займу чем-нибудь или беру к себе на руки, и мы идем делать разные дела вместе: моем посуду, развешиваем белье... Интересно, что во время этих дел Петруня сидит у меня на руках (точнее, на одной руке) довольно спокойно (вроде бы понимает, что мы с ним заняты делом, а не игрой) и перестает хныкать и плакать. Так «помогать» маме ему нравится.

Конечно, от такой его «помощи» ничего быстрее не делается, скорее, наоборот, но зато мы оба с ним спокойны (он не плачет, и я не волнуюсь), а потом делать все вместе намного приятнее и интереснее, чем одному.

С. 204. 1 г. 2 мес. Сейчас мало времени для того, чтобы писать: нам выделили участок, и теперь мы много занимаемся приготовлением земли к посадке и самой посадкой. От меня с Петром нашему папе, конечно, помощи почти никакой, но мы изо всех сил стараемся если не помочь папе, то хотя бы не давать ему унывать в одиночестве. Поэтому, как только папа собирается в огород, мы тоже надеваем рабочую одежду и отправляемся с ним.

Сегодня Петруня мало нам мешал. Играл на полянке, которая находится метрах в 15 от нашего участка, поглядывал в нашу сторону и занимался травой, веточками, цветами, камешками, землей... Интересно, что когда мы (родители) ему были нужны (или он соскучился, или одному надоело, или хотел уже есть или спать), он не плакал, не кричал, а упрямо и очень упорно топал до нас, перебираясь через все ямы и ухабы, где надо сползая, влезая и переползая, и только когда находился метрах в 1,5 – 2 протягивал ко мне ручки и звал – ну как такого труженика не подхватить и не похвалить!

С. 208. 1 г. 3 мес. Собралась стирать уже вечером, когда Петруня стал похныкивать – захотел спать. Я не могла бросить стирку (вода бы остыла), а так как Петруша всё лез ко мне, решила и его занять этим делом. Я стирала и клала вещи на край ванны, а Петруню попросила переключать их в тазик, стоящий на полу. Он так и стал делать (белье было мелкое, и ему было удобно справляться с ним). Потом попросила, чтобы Петр из тазика подавал мне его для полоскания. Здесь я уже за ним не успевала, и он стал думать, что делать дальше. Прополосканное, отжатое белье, которое я опять клала на край ванны, Петр стал сам складывать в тазик.

С. 258. 1 г. 11 мес. Продолжаю «воевать» с Петром. В эти дни я что-то не высыпаюсь (у Петра – диатез, а у Саши – зубы), неуравновешенная какая-то – и Петра выбила из колеи то своими окриками не попад и шлепками, то неудержимыми проявлениями любви. И результат: Петруня почти не реагирует на

мои просьбы и замечания, отказывается помогать, визжит, топает ногами, лезет ко мне в любое время, не замечая и не обращая внимания на мои дела...

Немедленно маме надо привести свои эмоции в порядок.

С. 263. 2 года. Кто бы знал, как мне нравится с Петром вечером говорить. Рассказываем сказки, поем песни, что-нибудь вспоминаем из прошедшего дня. Петруша в это время сосредоточен, думает. Следить за его лицом, глазами, произношением слов в это время – для меня истинное удовольствие. У меня стоят дела, в голове вертится:

«Надо стирать, на кухне убрать, вымыть посуду, не забыть вынести на веранду молоко и картошку, погладить бы...», но все это отходит на второй план, когда нам обоим так хорошо вместе. Чудо!.. Не каждый вечер, конечно, так получается; то дела берут верх, то Сашу не уложить сразу, то Петруша капризничает или, наоборот, сразу засыпает, но уж если мы разговоримся...

С. 280. 4 года. Сегодня я то ли «встала не с той ноги», то ли еще что... Весь день ходила обиженная на всех, из-за каждого пустяка сердилась, и особенно доставалось Петру (как старшему или как самому терпеливому?); я без конца произносила бессмысленные фразы: «Петр, сколько можно повторять?! Тебе что, нравится обижать маленькую? Нравится, как она кричит? Нехорошие вы!.. Никто мне не помогает...»

Отчего так?! Ведь ребята совершенно ни при чем, они как обычно играли, немного шумели, ссорились и мирились, разбрасывали игрушки и убирали их...

Я сама как будто специально хотела конфликта с ними... Что со мной?!

Это странно и... обидно, и стыдно, но я, кажется, устала от своих детей! Последние дни я постоянно с ними (папа в командировке) и у меня нет ни минуты свободного времени, чтобы подумать о чем-то другом, поиграть на пианино...

Кстати! Я ж об этом и хотела написать. Вечером, когда я со скандалом и плачем укладывала ребят спать, Петруша тихо сказал мне: «Мама, не сердись. Иди, поиграй на пианино...» После этих его слов я как бы отрезвела: мне действительно нужно было уйти от ребят куда-то хотя бы в мыслях...

Вот когда я уйду куда-нибудь из дома (в магазин, на почту) без ребят, а они остаются с папой, я уже через час – два скучаю без них и даже не могу себе представить, как это на таких ангелов можно кричать; и весь день после таких «одиноких» прогулок я с ребятами нормальный человек... Но это пока для меня роскошь.

С. 297. 4,5 года. Петр становится очень самостоятельным, ему нравится уже быть не дома: на улице, в гостях... Приехали домой, а он рвется на улицу, в гости, зовет девочек к себе домой... Не хватает ему серьезных занятий и, наверное,

общения со взрослыми... Книжки тоже всерьез не читает, потому что получается еще медленно».

Добавлю: автор этих заметок – человек способный, многое умеет. Она могла бы (собирается это сделать) заняться с детьми рисованием, музыкой, чтением, познанием природы и мира не по телевизору, а воочию – видя и наблюдая этот мир во всем его многообразии и красоте. Да где же взять на это время? К тому же ей очень хочется и самой учиться, а как решить эту проблему? По существующему закону об образовании, для того чтобы учиться заочно или на вечернем отделении, надо непременно работать на производстве. А неработающей матери малолетних детей – нельзя. Она ведь не работает! Все высокие слова о материнстве одним только этим унижительным обстоятельством сводятся на нет. А таких обстоятельств много. Но об этом речь впереди, а пока вернемся к дневниковым записям молодой мамы.

Думаю, каждый, кто прочтет эти непритязательные заметки, скажет: мама, конечно, очень любит малыша, наблюдательна и самокритична, умеет ему не подчиняться и дает сынишке свободу для проявления себя. Часто встречается слово «вместе» (стираем, убираем, работаем на огороде, разговариваем перед сном). А ведь это ключ к решению чуть ли не всех родительских проблем. Как видим, молодая мать начинает не на пустом месте. Конечно, еще почти нет опыта, маловато выдержки, терпения, да и просто душевного спокойствия, но с таким началом все это быстро бы приобрелось, если бы у нее на это оставались силы и время. Увы...

Обращаем внимания на цифры, указывающие страницы дневника и возраст ребенка. Проанализировав их, обнаружим, что мать стремится записывать как можно больше: поначалу 15–20–25 страниц в месяц, потом все меньше и меньше, но даже когда родилась дочка (а сыну было только полтора года), она пытается не сбиваться с ритма; 10–11 страниц в месяц, потом 10 страниц за 2 месяца и, наконец, 34 странички за 2 с половиной года!

Вдумайтесь в эти цифры, обратите внимание на такие места в дневнике: сначала проскальзывает «не успеваю», потом «не досыпаю» и т. д. Вот и благое намерение: «надо привести свои эмоции в порядок». А потом несколько страниц (я их не привожу) под заглавием «Мамины тревоги» и всего одна фраза: «Очень устаю, раздражаюсь, как всё успеть».

Конечно, необязательно вести дневники. Главное – та душевная и духовная работа, которую эти странички отражают: от нее матери нельзя уходить. Дневник просто позволяет проследить процесс, если так можно выразиться, убывания творческих возможностей матери в общении с ребенком: на это не остается ни сил,

ни времени. Захлестывают бытовые дела, отложить их трудно – тогда они накапливаются. Второй, а особенно третий ребенок в бытовом плане многократно усложняет жизнь матери, свободного – своего – времени у нее остается все меньше и меньше, практически оно сходит на нет.

Какие там любимые дела, книги, а тем более театры и выставки, гости и встречи! Вот вторая причина усталости. Если первая – от чрезмерной перегруженности бытовой работой, то вторая (она посерьезнее!) – от невозможности делать то, что хочется, в том числе и в общении с ребенком, т. е. от неудовлетворенной потребности в духовном развитии. И чем больше развита в этом отношении женщина, тем губительнее для нее отсутствие свободного времени. Если бытовую перегрузку, недосыпание еще как-то можно компенсировать (хоть изредка заботливый муж даст возможность просто отоспаться и отдохнуть), то несвобода в удовлетворении духовной жажды чревата накоплением усталости, которую снять эпизодическими «глотками» не удастся.

Есть еще и третья причина усталости – невнимание и неблагодарность мужа. Понять состояние и душевное напряжение матери отец может лишь тогда, когда останется вдовцом с несколькими маленькими детьми, когда свалится на него ежедневная забота не только о еде, одежде, чистоте, болезнях, но также и о детских обидах и ссорах, занятиях и увлечениях, друзьях и недругах.

Есть у Л. Толстого в «Анне Карениной» удивительные строчки, которые вызвали во мне чувство особой благодарности к автору. Речь в них идет о первых месяцах жизни Левина и Кити в деревне после свадьбы. Левин удивлен, что его молоденькая жена «ничего не делает и совершенно удовлетворена». Он «в душе осуждал это и **не понимал** еще, что она готовилась к тому периоду деятельности, который должен был наступить для нее, когда она будет в одно и то же время женой мужа, хозяйкой дома, будет носить, кормить и воспитывать детей. Он **не понимал**, что она чутьем знала это и, готовясь к этому **страшному** труду, не упрекала себя в минуты беззаботности и счастья любви, которыми она пользовалась теперь, весело свивая свое будущее гнездо» (часть 5, глава XV, выделено мной. – Л. Н.), «Не понимал...» – да и поймет ли меру этого страшного (в смысле огромного) труда матери? И это в богатых дворянских семьях, где была прислуга. Нам ли с ними равняться? Хотя вспомним: и в небогатых, но интеллигентных семьях считалось само собой разумеющимся иметь в доме кухарку, няню при детях. Из-за того, что чурались грязной работы? Нет, конечно, – чтобы высвободить время матери. Повидимому, культурные люди давно поняли, что изнуренная, задержанная мать мало что сможет дать детям. Ей нужны помощники, взявшие на себя большую часть

хозяйственных дел, чтобы она могла сосредоточиться на тех материнских обязанностях, где ее заменить не может никто.

Вернемся, однако, к нашему времени. Напомню, что условия жизни и первоначальная подготовка молодой мамы, автора приведенных выше страниц, более чем благополучны. И тем не менее УСТАЛОСТЬ стала подтачивать ее силы очень рано. Она породила раздраженность, сильное внутреннее напряжение и как следствие – срывы в отношениях с детьми, неадекватность ее реакции на их поведение, относительную поверхностность наблюдений, особенно заметную в сравнении с первыми записями – и понятно: когда же тонко вникать, когда вместе всерьез заняться не только стиркой и уборкой? И вот результат: в четыре с половиной года сыну «не хватает серьезных занятий и, наверное, общения со взрослыми». Он уже «рвется на улицу», ему нравится «быть не дома».

И это всё – в благополучной семье! Чего же тогда ждать от неблагополучных?

### *КТО ПОМОЖЕТ МАМЕ?*

Наконец я подошла к той фразе, которую оставила незаконченной в первой главе: «Матери категорически нельзя... **уствовать**».

По-настоящему я это осознала, когда... ушла на пенсию. Казалось бы, одна гора свалилась с плеч, высвободилось столько времени, и я мечтала, что теперь-то я наконец и начитаюсь, и навывшиваюсь, и в хор запишусь, и... АН нет, я уставляла больше, чем когда еще и работала. В чем дело? Да просто я тогда не была «белкой в колесе», которой не вырваться из четырех стен. Перемена деятельности и обстановки – вот что меня спасало. Домашнюю работу, да еще при такой большой семье, как у нас (7–8 взрослых да 2–4 внука)<sup>4</sup>, вовек не переделать, она всегда в спину стучит. Но когда я работала, я с легким сердцем откладывала то, что может подождать или вообще не так уж важно. А тут весь день дома, ничего не отложить: ведь ты **дома**, а остальные **работают**. И остались мои мечты мечтами.

Тогда я не просто поняла, а почувствовала, каково приходится молодой матери-домохозяйке, изо дня в день прикованной к ребенку в качестве кормилицы и обслуги. И если учесть, что духовные потребности современной женщины благодаря уродливому воспитанию «по мужскому образцу» чаще всего лежат вне материнства, то можно простить молодую мать за то, что она воспринимает жизнь с малышом как бесконечную, однообразную, примитивную и отупляющую работу. Она же просто не готова к кропотливому и напряженному душевному творчеству, в котором только и реализуется человеческая любовь.

---

<sup>4</sup> К 2001 году 11 внуков живут с нами.

Сейчас я вижу два главных препятствия на пути наших женщин к достойному и счастливому материнству: психологическую неподготовленность их к этой сложнейшей миссии и непомерные перегрузки в профессиональном и домашнем труде. НЕУМЕНИЕ и УСТАЛОСТЬ – две беды матерей и две вины общества перед ними, ибо первое и второе, как теперь выясняется, есть следствие неумелой, недальновидной политики государства по отношению к семье, материнству и отцовству.

Общественное дошкольное воспитание с самого начала было призвано помочь матерям высвободить время и силы женщины, обеспечить детям полноценное развитие. А что вышло?

Благое это намерение постепенно породило отчуждение родителей от детей, безответственность отцов и матерей, массовое сиротство при живых родителях. Конечно, причин этих разрушительных процессов, видимо, немало, однако ясли и детский сад внесли в них свою существенную лепту. Как? Да очень просто: по 12 часов в день ребенок находится вне дома. В распоряжении пап и мам лишь суетливое утро да усталый вечер – какое уж тут взаимопроникновение и интерес друг к другу, какой тут душевный контакт?!

Видимо, именно это прежде всего и отпугнуло меня когда-то от детского сада: я не представляла себе, как же я не буду знать, где и как провели целый день мои дети. К тому же это учреждение (по некоторым рассказам и наблюдениям) всегда представлялось мне некоей резервацией для больших и маленьких бесправных людей, жизнью которых распоряжаются Режим, Программа, множество Инструкций и энное количество Проверяющих лиц, которые следят за точностью исполнения параграфов и пунктов.

Сколько есть и спать, когда и чем заниматься, сколько гулять, двигаться, что петь, танцевать, как играть, какие стихи учить – все расписано по минутам и нормам: на день, неделю, год вперед. И никакой «самодеятельности» – только то, что «положено»!

Разговаривала с воспитателями, родителями и убедилась: всё так и есть, даже еще хуже. И поняла окончательно, что такой детский сад мне не подспорье.

Мы в своей семье с трудом, но обошлись. Не ходят в детский сад и наши внуки. Но как быть тем, кто обойтись не может? А таких родителей сейчас большинство. Недаром на встречах с родителями нас всё чаще одолевали вопросами: «Что надо менять в детском саду? Каким вы представляете детский сад в будущем?»

Борис Павлович, озабоченный главным образом здоровьем, физическим и интеллектуальным развитием детей, составил целый перечень мер, которые без

особых дополнительных затрат могут существенно улучшить жизнь детей и взрослых в детском саду. И уже улучшают – там, где попробовали применять хотя бы часть из них.

### *НАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ РАБОТНИКАМ ДЕТСКОГО САДА*

В кратком изложении (полностью см. кн.; Никитин Б. П., Никитина Л. А. Мы, наши дети и внуки. М., 1989) они выглядят так:

1. В течение отопительного сезона поддерживать в помещениях, где находятся дети, **ЗДОРОВУЮ ТЕМПЕРАТУРУ**, то есть 17–18°. В каждой группе иметь минимум два термометра, установленные на высоте 1 м от пола, повышение температуры выше +20° считать ЧП и немедленно принимать меры по ее нормализации.

2. Превратить **СПАЛЬНИ** в **СПОРТЗАЛЫ** и тем самым вдвое увеличить пространство для жизни и развития (особенно физического).

Для этого:

удалить кровати;

установить вместо них спорткомплексы В. С. Скрипалева (не менее одного на группу, см. кн.: Скрипалев В. С. Стадион в квартире. М., 1981; Наш семейный стадион. М., 1986);

для дневного сна детей приобрести поролоновые или пенополистироловые коврики, чтобы укладывать детей на полу (как в Японии). Можно сделать откидные спальные полки, как на кораблях или в поездах, в два яруса на высоте 20 и 80 см от пола.

3. **ДНЕВНОЙ СОН** можно оставить только **ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ**, так как с возраста 3 – 4 года большинство детей днем спать не ложатся. Остальные дети могут заниматься в это время чтением, письмом, рисованием, лепкой и тихими играми.

4. Постепенно перейти на более **ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ** (взрослым тоже полезно):

**ОБЛЕГЧИТЬ ОДЕЖДУ** и обувь детей. Поощрять ребятишек за «храбрость», т. е. постепенно приближаться к идеальной форме одежды – **ТРУСИКИ** и **БОСИЧКОМ** летом и зимой;

спортивный комплекс и спортивные игрушки сделать доступными для детей, чтобы они **СВОБОДНО МЕНЯЛИ СВОИ ИГРЫ** в течение дня;

поощрять малышей к придумыванию разнообразных упражнений и игр.

5. Оснастить территорию детского сада спортивными сооружениями и снарядами:

сделать БЕГОВУЮ ДОРОЖКУ вдоль забора (кольцевая наибольшей длины, т. е. 200–400 м) шириной 1,2–1,5 м с внутренним закруглением на поворотах радиусом не менее 3 м;

установить спортивные комплексы на площадках каждой группы, усложняя их для детей более старшего возраста;

сделать для детей летний бассейн – «лягушатник» глубиной до 0,5 м и наклонными бортиками, чтобы зимой превращать их в мини-катки для малышей;

сделать асфальтированную площадку для катания на самокате летом, а зимой превращать ее в хоккейное поле.

6. Для объективной оценки уровня физического развития детей ввести измерения СИЛЫ, СКОРОСТИ, ВЫНОСЛИВОСТИ (бег на дистанцию в 1500 своих ростов), ЛОВКОСТИ, МЕТКОСТИ (лазание по шесту и бросание мяча в цель на расстоянии 5 ростов) по «индексам справедливости» (см.: Физкультура и спорт. 1983. № 3. С. 20; Искусство быть здоровым. М., 1987. Ч. 1. С. 21–23; см. кн. Л. А. Никитина, Ж. С. Соколова, Л. А. Блудова «Родителям XXI века», М., Знание, 1998; с. 217–221). Измерения делать 2–3 раза в год и отмечать в таблицах достижения каждого ребенка.

7. Здоровье детей заметно укрепляется, если прекратить насильственное кормление детей (большие порции, требования съесть свою порцию и весь обед). Ребенок должен есть с удовольствием и только то, что он хочет.

8. Сдвинуть развитие к РАННЕМУ ВОЗРАСТУ:

знакомить детей с буквами, цифрами, чтением, письмом, счетом с 2–3-летнего возраста и в игровой форме;

создать для этого обстановку, в которой бы чтение, письмо, счет, рассмотрение географических карт, таблиц, планов, чертежей, глобусов, пользование часами и термометром явились для детей столь же обычными, как и катание с горки, беганье и игра с мячом. Пронумеровать шкафчики, стулья, игрушки, писать имена детей, повесить школьные доски и дать детям мелки;

для развития творческих способностей у детей ввести в употребление РАЗВИВАЮЩИЕ ИГРЫ (по одной).

9. Организовать в детском саду МАСТЕРСКУЮ для изготовления игр, пособий, мелкого ремонта мебели, оборудования спортивных комплексов и площадок. Ввести в типовые штаты дошкольных учреждений мужские должности (физрук, мастер).

10. Подумать об организации разновозрастных групп, в которых старшие дети помогают воспитателю (как в Венгрии), смотрят за малышами, играют с ними.

Конечно, я охотно подписалась под всеми этими предложениями, но главная моя проблема ими не снималась. Получалось даже так: чем лучше будет детям в детском саду, тем охотнее и легче их туда будут отдавать родители! А надо сделать так, чтобы детский сад не подменял родителей, не отторгал их от детей, а соединял их друг с другом, давал возможность для их богатого и тонкого общения и взаимодействия. Как же это сделать? Я долго мучилась над этим вопросом – хотелось, чтобы детский сад помог маме стать матерью: не только высвободил для этого ее время, но – главное! – приобщил ее к духовным пластам материнского труда, вызвал и развил потребность в нем.

Именно об этом и хотелось написать в последней главе моей книги. Какой же трудной оказалась эта задача! Я почти отчаялась, не находя ни в литературе, ни в своем воображении реальных путей к ее решению... Вот тут-то и раздался вдруг... телефонный звонок.

### *МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ*

6 мая 1989 года я дежурила на открытом телефоне в «Комсомольской правде». Звонки шли друг за другом, один из них был из Луганска. Напористый женский голос возмущался, почему и съезд учителей, и будущий учительский союз так мало внимания уделяют фундаменту образования – дошкольному воспитанию? «Если здесь все не перевернуть, то и выше ничего не получится!» Я даже растерялась от неслыханного везения. Воистину на ловца и зверь бежит.

– А разве можно перевернуть? – кричу в трубку.

– Пробуем! Вот уже два года наш детский сад этим занимается... И дальше скороговоркой: «уроки» отменили, занятия – по интересам ребят, нет обязательного сна, режим гибкий, спортснаряды в группах, ходим в трусиках и босиком и даже по снегу, родители по желанию могут быть в группах, в перспективе – разновозрастные группы, «школа счастливой семьи» и еще много-много чего... даже сауна!

– Лилия Анатольевна, есть идея – приехать к вам.

– Конечно, приезжайте, ждем! – И вот вместе с Л. А. Блудовой, заведующей детским садом, я хожу по «Теремку» и ахаю от удивления. Сразу бросилась в глаза раскрепощенность ребятишек: никаких шеренг и рядов, приказных «встаньте-сядьте», неизбежных «Сиди, как следует» и «Дети, тише!» – короче, никакой муштры я не обнаружила за все дни знакомства с обитателями «Теремка». А их вместе со взрослыми за 300 человек (260 детей в 11 группах, из которых 4 – ясельных). Кого ни встретишь – открытые приветливые лица, с готовностью откликающиеся на улыбку. Так бывает в дружной гостеприимной семье.

В первый же день знакомства меня повели в два спортивных зала (не предусмотренные проектом, но выкроенные из других помещений), где были тренажеры и разные спортивные снаряды, никакими программами и методиками не рекомендуемые; я воспрянула духом: это не гимнастические палочки и мячи (они тоже были), это нагрузки посерьезнее, а возможности подвигаться – вдоволь. В зал вбежали малыши вместе со стройной красивой девушкой в спортивном костюме, и все – босиком, а детишки только в трусиках! Грянула музыка: «А-э-ро-бика! А-э-ро-бика!» Ребята, не теряя ни минуты, рассыпались по залу, и тут началось: то ли танец, то ли гимнастика, то ли просто радостное кувыркание вместе со всеми – кто как мог, без всяких понуканий и замечаний, но в темпе, интенсивно, без остановок и задержек, радостно, энергично – вот это зарядка!

– Это у вас особая группа? – спросила я, ошеломленная увиденным, – Не может быть, что...

– Нет, что вы! – засмеялась Лилия Анатольевна. – Это проводится ежедневно по утрам для всех без исключения. А потом еще физкультурные занятия, ритмика, игры на прогулке. В общем ребята у нас двигаются много, практически сколько хочется: ведь спортивные снаряды есть и в каждой группе, они доступны всем и в любое время.

– И все время только в трусиках?

– Нет, так только на физкультурных занятиях и во время еды, а в остальное время – по желанию детей.

– А почему во время еды? – удивилась я.

– О-о, это особый разговор, это наше открытие, если хотите... В последующие дни мне пришлось еще не раз удивляться, и все мои удивления свелись к одному: значит, это возможно?! Я не чувствую себя вправе на основании лишь первых впечатлений анализировать и оценивать работу дружного коллектива воспитателей «Теремка», но не поделиться ими с читателями просто не могу: здесь я увидела воплощенным то, что мне казалось вообще несбыточным в условиях дошкольного учреждения. Расскажу о самом главном.

**ЗДЕСЬ НЕ БОЯТСЯ ПРОХЛАДЫ.** Во всех помещениях (кроме кухни, наверно) температура +17–18°, не выше 20° (за этим следят). Везде открытые форточки, а иногда и окна, хотя на улице похолодало и дождит. В группах дети одеты по-разному: кто обут (но без колготок), кто босиком, кто в майках и трусиках, кто потеплее, но в общем одежда не теплая и не стесняющая движений. Раздеваться до трусиков полагается только для спортивных занятий, зарядки, ритмики и пробежек по двору в любую погоду, в том числе и зимой по снегу (последнее, правда, пока не для всех, а по договоренности с родителями и желанию детей –

даже часто болеющих!). Для расхрабрившихся – обливание холодной водой. К этому приобщила Лилия Анатольевна и себя, и своих дочерей, и воспитателей, и некоторых родителей с детьми.

**НИКАКОЙ МУШТРЫ.** Да, в этом доме посягнули на «святая святых» детской жизни – всеильный режим: его сделали гибким, удобным для детей, родителей и воспитателей. Например, детей могут приводить в детский сад и забирать домой практически в любое время с 7 часов 30 минут до 20 часов. Завтрак не точно с 8 до 8.30, как положено, а с 8 до 9.30; можно привести малыша в течение этого времени, и он будет ласково встречен, накормлен, а если позже, то его должны покормить дома – и никаких нервотрепок из-за опозданий, и никакой суеты и лишнего напряжения для воспитателей из-за того, что надо сразу (за 30 минут!) усадить за стол 20–25 детей и успеть втолкнуть в них (опять же положенную) порцию пищи. Кстати, о порциях: здесь ничего насильно детям не дают. Правда, не удалось еще решить проблему с остатками еды, но я уверена, что со временем решат и эту проблему, потому что считают ее проблемой нравственной.

**ЗАНЯТИЯ НЕ ПО РАСПИСАНИЮ, А ПО ИНТЕРЕСАМ.** Каково?! Когда я читала обязательную «Программу воспитания и обучения в детском саду», меня ужаснула сетка занятий, расписанных по минутам. В один день, как уроки в школе, калейдоскопом сменяются обязательные для всех, методически разработанные действия: лепка, рисование, конструирование, дидактические игры, игры «во что-то» (заранее спланированные!) – вздохнуть без руководства некогда. Несчастливы дети, не знающие наслаждения свободного, раскрепощенного, творческого времени! Наверное, это тоже пугало меня всегда в детском саду. Я интуитивно боялась для ребят этого стадного подчинения руководящему началу, да и просто какой-то жесткой запрограммированности жизни. Но я не представляла себе, как же миновать ее, если в группе 20–30 одноклассников несмышленьшей и всех надо разносторонне воспитывать. Как же тут обойтись без расписания!

Оказалось, можно! В «Теремке» расписание осталось только для тех занятий, которые проходят в специальных помещениях: физкультурных и музыкальных залах. А в группах никаких уроков по-школьному: занимаются тем, что интересно и столько, сколько хочется. Конечно, этот интерес воспитатели исподволь организуют (найжены для этого психологически тонкие приемы), но обязательности нет. У каждого есть возможность, когда хочется, позаниматься на спортивных снарядах, находящихся здесь же в группе, поиграть другими игрушками или взять книжку. Можно даже... уединиться: в спальнях комнатах оборудованы такие уголки, где можно поиграть одному или вдвоем.

Я поразились этому чуткому прислушиванию к желаниям малыша. Здесь идут от ребенка и его насущнейших потребностей; в движении, в самостоятельности, в проявлении личностных особенностей, в свободе выбора вида и способов деятельности. Здесь не увидишь одинаковых аппликаций и рисунков, этих псевдодетских грибочков, зайчиков, елочек и человечков, сделанных по готовому образцу. Здесь не выносят шаблона – и как же отдыхает глаз на развешанных по стенам детских рисунках – самовыражениях или вольных фантазиях «на тему». Яркие «вернисажи» постоянно меняются, и каждому маленькому художнику в них находится место – никто не обделен вниманием и все защищены от жестокого осознания: у меня хуже всех.

НЕТ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА – на весь детский сад только два толстячка. Какое же это прекрасное зрелище: столько ловких, подтянутых, раскованных малышей, у которых естественная грация переходит постепенно в умение управлять своим телом. Усилие для них становится наслаждением, а ощущение «Я могу!» освобождает их от страха и стеснительности.

Конечно, успехи не у всех одинаковы, но здесь не принято устраивать соревнования между детьми, каждый продвигается по мере своих возможностей. Мне это очень понравилось, а вот Борис Павлович обратил внимание на некоторую недоработку этой принципиальной установки: дети не приучаются к переживанию поражения, неудачи, к напряжениям изо всех сил, а ведь то и другое как им еще пригодится! Вновь проявляется разный – мужской и женский! – подход к явлению. Мне бы – сотворить детей тоньше, терпимее, мягче; отцу – укрепить их для неизбежных неожиданностей, трудностей жизни.

«ПУСТЬ ДЕТИ БОЛЬШЕ СМЕЮТСЯ!» – Лилия Анатольевна это не просто сказала, она это воплощает в жизнь.

В «Теремке» я ни разу не услышала детского плача и истерических разнуданных воплей. Но и тишины, противоестественной там, где живут дети, здесь нет и в помине. Детский гомон, словно птичий щебет («жриамули» – так по-грузински называет эту музыку самой жизни Шалва Александрович Амонашвили), наполняет этот дом с утра до вечера и стихает только во время сна. А ведь заставить смеяться невозможно.

«Школа счастливой семьи» – это самое удивительное завоевание «Теремка»: он притягивает внимание родителей к себе, привлекает их к взаимодействию и сотрудничеству с детским садом не через обязанность, а через интерес к развитию собственного ребенка. Здесь разработана целая система непринужденного общения с родителями, которые на равных участвуют в жизни «Теремка». Это и анкетирование, и «телефон доверия» по четвергам, и возможность в любое время

побыть с ребенком в группе, привести его и увести в удобное для семьи время, и общие праздники и вечера отдыха с конкурсами и художественной самодеятельностью взрослых и детей.

Результаты не заставили долго ждать. Раскрепощенный ребенок потребовал от взрослого иного отношения, заставил родителей и воспитателей отказаться от многих привычных авторитарных способов руководства. Пришлось «самозатачиваться» всем!

Недаром на «Доске приказов» я увидела в этом детском саду необычное объявление:

«Внимание! В мае месяце состоится расширенный педсовет по вопросу самосовершенствования личности воспитателя».

А одним из решений этого педсовета стало намерение с сентября открыть в «Теремке» «Школу счастливой семьи».

В последний вечер перед моим отъездом воспитатели собрались в методкабинете, и я попыталась передать им свои наблюдения, накопленные за три дня... Под конец я не удержалась и от вопросов:

– Скажите, так работать труднее?

– Да, – признались многие, – особенно в самом начале было очень непривычно.

– А не хочется перейти в обычный детский сад?

– Нет! – отозвались дружно, не сомневаясь.

– Но ведь там было бы легче?!

– Зато здесь интереснее и человеком себя чувствуешь.

Вот еще один драгоценный результат, достигнутый здесь, в «Теремке», всего за два года.

Конечно, за всем этим – огромная работа и всего коллектива, и преодоление всевозможных, часто до обидного бессмысленных, препятствий (без них у нас, к сожалению, не обходится ни одно новое дело). Однако, прослышав о чудесах «Теремка», потянулись люди – «посмотреть» – из других детских садов, а сумевшим увидеть и понять захотелось многое попробовать. Получается!

Я возвращаюсь в Москву, переполненная впечатлениями. Самым удивительным было то, что я впервые почувствовала доверие к этим недомашним стенам и неродным людям. Дело было не столько в безотчетном чувстве симпатии, сколько в каком-то глубинном взаимопонимании: мы исповедовали одни взгляды на Ребенка, Семью, Материнство и Отцовство. Здесь поняли два главных условия становления человека: предоставление широчайших возможностей для деятельности малыша (в

детском саду интереснее) и нежнейшую любовь близких (а в семье теплее). И эти условия в «Теремке» стараются соблюдать.

Пожалуй, в такой детский сад я привела бы внуков. Тут есть чему поучиться и нам, мамам и бабушкам.

### *ГРУСТНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ С ОПТИМИСТИЧЕСКИМ КОНЦОМ*

Не торопитесь ехать в Луганск. Нет теперь того «Теремка», о котором вы только что прочитали: не сберегли его люди. Писать об этом больно и обидно, и как не вспомнить тут сказанное с горечью Пушкиным чуть ли не 200 лет назад: «Мы ленивы и нелюбопытны...». И жесткие чеховские строки: «Все новое и полезное народ ненавидит и презирает».

«Мы»..., «народ»... – ни Пушкин, ни Чехов не сваливают нашу общую вину перед лучшими людьми России на власти, на «политический момент», на «экономическую ситуацию» и прочие назависящие от нас причины. Это МЫ САМИ не бережем тех, кто создает «все новое и полезное». Это НАМ они мешают спокойно жить, «вылезая» с очередной затеей, заставляющей нас отходить от первобытного дремотного состояния и своим трудом, своим умом делать собственную жизнь чище, достойнее и свободнее – т.е. становиться Людьми.

Да, «Теремок» сделал два шага назад и вернулся в царство режима, инструкции, насилия и скуки – и уж, конечно, без Л. А. Блудовой. Ушли из детского сада те воспитатели, которые не могли возвращаться к старому, некоторые родители забрали детей домой, остальные смирились – куда денешься?! А кое-кто был рад: кончилось, наконец, беспокойное непривычное напряжение, покатилося все по накатанной дорожке. И спасительное «Такова жизнь!» легко оправдало малодушие и лень взрослых, разрушивших прекрасное многообещающее Начало.

Но нет, не так-то просто убить не высиженное в кабинете, а рожденное самой жизнью. Зерно, брошенное в души людей, болеющих за детство, прорастает новыми «Теремками» в разных городах России, Украины и других стран нашего Содружества. Для тех, кто не хочет ждать распоряжений сверху, а хочет действовать, предлагаем познакомиться с опытом Л. А. Блудовой в книге «Родителям XXI века» М., «Знание», 1998. Авторы: Л. А. Никитина, Ж. С. Соколова, Л. А. Блудова – желают Вам успеха!

А я не прощаюсь с вами: теперь я учусь быть не только мамой, но и бабушкой. Значит, продолжение следует...